

Научный журнал

Основан в 2006 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
ПИ № ФС77-61039 от 5 марта 2015 г.

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тверской государственный университет»

Редакционная коллегия серии:

д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ О.Ю. Ильина (*глав. редактор*);
д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ Л.В. Туманова;
д-р юрид. наук, доц. Н.А. Антонова;
д-р юрид. наук, проф. Л.Т. Бакулина;
д-р юрид. наук, проф. М.В. Баранова;
д-р юрид. наук, проф. А.Г. Безверхов;
д-р юрид. наук, проф. А.А. Воротников;
д-р юрид. наук, ассоциированный проф. Б.А. Джандарбек;
д-р юрид. наук, проф. И.Г. Дудко;
д-р юрид. наук, проф. М.А. Ефремова;
д-р юрид. наук, проф. А.И. Коробеев;
д-р юрид. наук, проф. В.И. Крусс;
д-р юрид. наук, проф. А.Н. Кузбагаров;
д-р юрид. наук, доц. А.Н. Левушкин;
д-р юрид. наук, проф. Т.Н. Михеева;
д-р юрид. наук, проф. Ю.А. Попова;
д-р юрид. наук, проф. В.Д. Потапов

Адрес редакции:

Россия, 170021, г. Тверь, ул. 2-я Грибоедова, д. 22, каб. 222
Тел.: +7 (4822) 70-06-57

*Все права защищены. Никакая часть этого издания
не может быть репродуцирована без письменного разрешения издателя.*

© Тверской государственный
университет, 2025

Scientific Journal

Founded in 2006

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media
PI № ФC77-61039 of March 5, 2015

Translated Title:

Herald of Tver State University. Series: Law

Founder:

Federal State Budget Educational Institution
of Higher Education
«Tver State University»

Editorial Board of the Series:

Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation O.U. Ilina
(editor-in-chief);
Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation L.V. Tumanova;
Doctor of Law, Professor N.A. Antonova;
Doctor of Law, Professor L.T. Bakulina;
Doctor of Law, Professor M.V. Baranova;
Doctor of Law, Professor A.G. Bezverkhov;
Doctor of Law, Professor A.A. Vorotnikov;
Doctor of Law, Professor B.A. Dzhandarbek;
Doctor of Law, Professor I.G. Dudko;
Doctor of Law, Professor M.A. Efremov;
Doctor of Law, Professor A.I. Korobeev;
Doctor of Law, Professor V.I. Kruss;
Doctor of Law, Professor A.N. Kuzbagarov;
Doctor of Law, Professor A. N. Levushkin;
Doctor of Law, Professor T.N. Mikheeva;
Doctor of Law, Professor Yu.A. Popova;
Doctor of Law, Professor V.D. Potapov

Editorial Office:

Office 222, 22, 2nd Griboyedova st., 170021, Tver, Russia
Tel.: +7 (4822) 70-06-57

*All rights reserved. No part of this publication
may be reproduced without the written permission of the publisher.*

© Tver State University, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Актуальные вопросы частного права

Бронникова М.Н., Савельева Н.М.

Правовые проблемы раздела материальной помощи и имущества, приобретенного с использованием указанных средств, между супругами.....9

Бурова А.Ю.

Механизм осуществления контроля за исполнением концессионером концессионного соглашения: проблемы теории и практики.....19

Рыжков К.С.

Классификация правовых средств обеспечения единообразия судебной практики по гражданским делам.....30

Актуальные вопросы публичного права

Васильчук Ю.В.

Судебная защита права граждан на возмещение вреда, причиненного их здоровью неблагоприятным воздействием окружающей среды в контексте экологической политики Российской Федерации.....41

Вобликов А.Б.

Направления совершенствования правового регулирования деятельности лиц в сфере таможенного дела.....56

Жукова О.В.

Вопросы обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетних правонарушителей.....66

Ильяхов А.А.

Следственные (процессуальные) ошибки, допускаемые следователем по уголовным делам, подлежащим рассмотрению судом с участием присяжных заседателей: понятие, классификация, правовая характеристика и причины возникновения.....78

Ковалева Н.В.

Нормы-принципы в конституционном праве: механизмы реализации и особенности защиты.....87

Комарова В.В.

Интересы в конституционном праве России: взгляд сквозь призму поправок 2020 года.....99

Потеева А.В.

О злоупотреблении правом на обращение с заявлением о применении исковой давности: вопросы правовой квалификации.....107

Рязанова Е.А.

Материнский (семейный) капитал в контексте конституционных прав.....115

Сладкова А.А.

Нарушение служебной дисциплины как основание для увольнения со службы в таможенных органах.....123

Субботин Ю.Б.

Проблемы таможенного контроля классификации товаров в соответствии с Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза.....132

Юстус О.И.

Отдельные аспекты понятия «финансовая культура» с точки зрения финансово-правовых подходов.....139

Актуальные вопросы науки и правоприменительной практики

Алешукина С.А.

Изменения законодательства о бесплатной юридической помощи в контексте деятельности юридических клиник.....151

Афтахова А.В.

К вопросу о социальной защите материнства в Российской Федерации.....160

Барткова О.Г.

О современных тенденциях в сфере охраны личных неимущественных прав: частно-правовые и публично-правовые аспекты. Часть первая.....169

Гребенькова Л.А.

Уголовно-правовое противодействие информационным атакам, угрожающим жизни и здоровью несовершеннолетних.....180

Дронова Ю.А.

К вопросу о квалификации ятрогенных преступлений с учетом примечания к статье 238 Уголовного кодекса Российской Федерации.....192

Захаров Г.Н.

Цифровизация судопроизводства: иллюзии и реальность202

Любовенко Е.С.

К вопросу о соотношении российского законодательства и Единых правил Союзного государства в сфере защиты прав потребителей.....210

Фролов М.Г.

Концепция пробации в отношении несовершеннолетних в российском и зарубежных законодательствах.....221

Харитошкин В.В., Огаркова Н.О.

О некоторых аспектах ресоциализации лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы.....231

Обзор и анонсы научных мероприятий

Антонова Н.А., Очагова В.С.

Обзор Всероссийской научно-практической конференции «Ценности патриотизма, гражданственности и защиты исторической памяти в современном конституционном праве».....240

Проблемы организации учебного процесса

Сапронова Т.П.

О необходимости совершенствования методики преподавания правовых дисциплин.....247

Трибуна молодого ученого

Голубева М.В.

Природа публичной власти.....254

Крушинская А.В.

Взаимодействие органов местного самоуправления с правоохранительными органами Российской Федерации в сфере противодействия коррупции.....259

Феоктистов П.А.

Семейная ипотека как комплексная (институциональная) гарантия конституционного права на жилище в Российской Федерации.....265

CONTENT

Topical issues of private law

Bronnikova M., Savelejva N.

Legal problems of the division of financial assistance and property acquired using these funds between spouses.....9

Burova A.

Mechanism of supervision over performance of concessionary agreement by concessionaire: problems of theory and practice.....19

Ryzhkov K.

Classification of legal means to ensure uniformity of judicial practice in civil cases.....30

Topical issues of public law

Vasilchuk Yu.

Judicial protection of the right of citizens to compensation for harm caused to their health by adverse environmental impacts in the context of the environmental policy of the Russian Federation.....41

Voblikov A.

Directions for improving the legal regulation of the activities of persons in the field of customs.....56

Zhukova O.

Issues of ensuring rights and legitimate interests juvenile offenders.....66

Ilyukhov A.

Classification of investigative (procedural) errors committed by an investigator in criminal cases to be considered by a court with the participation of jurors and their legal characteristics.....78

Kovaleva N.

Norms-principles in constitutional law: mechanisms of implementation and features of protection.....87

Komarova V.

Interests in Russian constitutional law: a view through the prism of the 2020 amendments.....99

Poteyeva A.

On the abuse of the right to apply for the application of the limitation period: issues of legal qualification.....107

Ryazanova E.

Maternal (family) capital in the context of constitutional rights.....115

Sladkova A.

Violation of official discipline as a reason for dismissal from service in the customs authorities.....123

Subbotin Yu.

Problems of customs control of goods classification in accordance with the Commodity nomenclature of foreign economic activity of the Eurasian Economic Union.....132

Justus O.

Some aspects of the concept of “financial culture” from the point of view of financial and legal approaches.....139

Topical issues of science and law enforcement practice

Aleshukina S.

The changes in the legislation on free legal aid in the context of the activities of legal clinics.....151

Aftakhova A.

On the question of social protection of maternity in the Russian Federation.....160

Bartkova O.

On modern trends in the field of protection of personal non-property rights: private law and public law aspects. Part one.....169

Grebenkova L.

Criminal law countermeasures against information attacks threatening the life and health of minors.....180

Dronova J.

On the qualification of iatrogenic crimes in light of the note to article 238 of the Criminal code of the Russian Federation.....192

Zakharov G.

Digitalization of legal proceedings: illusions and reality.....202

Lyubovenko E.

On the correlation between russian legislation and the Unified rules of the Union state in the sphere of consumer protection.....210

Frolov M.

The concept of probation for minors in russian and foreign legislation.....221

Kharitoshkin V., Ogarkova N.

On some aspects of resocialization of persons serving a sentence of imprisonment.....231

Overview and announcements of scientific events

Antonova N., Ochagova V.

Review of the All-Russian scientific and practical conference “Values of patriotism, citizenship and protection of historical memory in modern constitutional law”240

Problems of organization of the educational process

Sapronova T.

On the need to improve the methodology of teaching legal disciplines.....247

Tribune of young scientist

Golubeva M.

The nature of public power.....254

Krushinskaya A.

Interaction of local self-government bodies with law enforcement agencies of the Russian Federation in the field of anti-corruption.....259

Feoktistov P.

Family mortgage as a comprehensive (institutional) guarantee of the constitutional right to housing in the Russian Federation.....265

Актуальные вопросы частного права

УДК 347.238.1

DOI: 10.26456/vtpravo/2025.2.009

Правовые проблемы раздела материальной помощи и имущества, приобретенного с использованием указанных средств, между супругами

М.Н. Бронникова, Н.М. Савельева

ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева», г. Самара

В статье рассматривается проблема квалификации имущества, приобретенного в браке на средства целевой материальной помощи, предоставленной одному из супругов его работодателем. На основе анализа норм семейного, гражданского, налогового, трудового законодательства и норм права социального обеспечения, правовых позиций судебной практики относительно определения правового режима материальной помощи в работе сделан вывод о межотраслевом характере этого понятия. Особый интерес представляет вопрос о правовом режиме квартиры, приобретенной в браке на целевую материальную помощь, предоставленную работодателем для покупки жилья. В статье доказывается, что при наличии целевого характера выплаты квартира должна оставаться в собственности супруга-получателя такой помощи.

Ключевые слова: семейное право, личное имущество супруга, совместная собственность, целевая материальная помощь, работник, локальные нормативные акты, цель предоставления материальной помощи, межотраслевая категория.

Многообразие условий формирования имущественных отношений супругов приводит к усложнению их регулирования на законодательном уровне, следствием чего является неоднозначное толкование норм семейного законодательства. Такие пробелы порождают противоречивую судебную практику, что зачастую ведет к нарушению прав граждан. При этом, как свидетельствуют материалы судебной практики, число дел, возникающих из семейных правоотношений, занимает значительное место в общем числе дел, рассматриваемых федеральными и мировыми судьями. Так, в 2023 г. их количество составило – 1 021 760 дел. Среди них дела о расторжении брака супругов – 469 822, о разделе общего имущества супругов – 50 787 [3, с. 185]. В 2024 г. эти цифры хотя немного и снизились (352 052 и 30 288 соответственно) [16], но все равно свидетельствуют о необходимости пристального внимания к имущественным спорам супругов как со стороны законодателя, так и представителей научного сообщества.

Как известно, между супругами можно разделить лишь то имущество, которое является общим. Возможные его объекты перечислены в ст. 34 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ), к которым законодатель относит доходы от разных видов деятельности, в том числе трудовой, предпринимательской, а также результатов интеллектуальной деятельности [1]. Также включены полученные супругами пенсии, пособия, а также иные денежные выплаты, не имеющие специального целевого назначения (суммы материальной помощи, суммы, выплаченные в возмещение ущерба в связи с утратой трудоспособности вследствие увечья либо иного повреждения здоровья, и др.).

Формулировка данной нормы позволяет прийти к выводу о том, что перечисленные в скобках в ст. 34 СК РФ выплаты никогда не имеют специального целевого назначения, и по этой причине их следует всегда относить к совместной собственности супругов [8, с. 127; 9, с. 131–139; 11, с. 14]. Вместе с тем, предложенный подход не учитывает случаи предоставления выплат, называемых аналогично, например, материальная помощь, но имеющих специальное целевое назначение. Полагаем, что в состав общего имущества супругов указанные суммы не входят и они должны быть квалифицированы исключительно как объекты собственности каждого из супругов.

Важное значение при решении вопроса о разделе имеет отграничение личного имущества супруга от общего, поскольку делиться может лишь последнее. В связи с этим всякий раз нужно выяснять не только время приобретения имущества: до брака или во время брака, а также источник происхождения денежных средств, на которые были приобретены объекты собственности супругами, но и наличие специального целевого назначения у такого источника.

При этом, на наш взгляд, следует различать основание и цель предоставления выплаты, особенно применительно к материальной помощи. Основание – это юридические факты, при наступлении которых полагается выплата, например, рождение ребенка, достижение пенсионного возраста. Цель выплаты предполагает ограниченность вариантов расходования предоставленных безвозмездно денежных средств только заранее указанным направлением, например, приобретение жилого помещения, транспортного средства.

Вопрос о правовой природе материальной помощи, ее целевом назначении, решается в действующем законодательстве РФ и правоприменительной практике неоднозначно. Представляется, что понятие «материальная помощь» является межотраслевым.

Так, например, термин «материальная помощь» встречается в нормах Налогового кодекса Российской Федерации от 31.07.1998 г. № 146-ФЗ (далее – НК РФ) в контексте освобождения от уплаты налога на

доходы физических лиц и страховых взносов [2]. Материальная помощь в налоговом праве рассматривается как доход, облагаемый или не облагаемый НДФЛ в зависимости от наличия особого статуса лица, получателя такой помощи, например, имеющего инвалидность или являющегося бывшим работником организации, или членом профсоюза, или студентом (ст. 217). По общему правилу страховыми взносами не облагается материальная помощь в размере до 4 000 рублей, оказываемая работодателем, а также выплачиваемая гражданам в связи со стихийным бедствием или другим чрезвычайным обстоятельством в целях возмещения причиненного им материального ущерба или вреда их здоровью, а также физическим лицам, пострадавшим от террористических актов на территории Российской Федерации; работнику в связи со смертью члена (членов) его семьи; работникам (родителям, усыновителям, опекунам) при рождении, установлении опеки над ребенком, выплачиваемой в течение первого года после рождения, установления опеки (ст. 422).

Анализ приведенных положений НК РФ показывает, что в большинстве случаев для определения налоговой базы по НДФЛ и освобождения от уплаты страховых взносов не имеет юридического значения цель предоставления такой помощи: материальная помощь, выплаченная гражданину, не облагается НДФЛ и освобождается от уплаты страховых взносов, за исключением участия в некоторых программах лояльности (п. 68 ст. 217).

Следовательно, материальная помощь, указанная в НК РФ и не имеющая целевого назначения, предоставленная одному из супругов, по смыслу ст. 34 СК РФ является общим имуществом. При этом в п. 1 ст. 422 НК РФ предусмотрена материальная помощь, выплачиваемая гражданам в связи со стихийным бедствием или другим чрезвычайным обстоятельством в целях возмещения причиненного им материального ущерба или вреда их здоровью. Очевидно, что в приведенной норме права предусмотрена цель – возмещение причиненного ущерба, а потому правовой режим общности имущества супругов, по нашему мнению, не распространяется на такую материальную помощь.

Кроме того законодательство Российской Федерации, субъектов Российской Федерации может устанавливать условия предоставления материальной помощи гражданам в качестве меры социальной поддержки, финансируемой из средств соответствующего бюджета, в связи со стихийным бедствием, другими чрезвычайными обстоятельствами, а также в связи с террористическим актом. Например, в Астраханской области было принято постановление Правительства Астраханской области от 29.12.2011 г. № 655-П «О Порядке и условиях предоставления единовременной материальной помощи отдельным категориям граждан» [4]. Для квалификации предоставленной из бюджета материальной помощи в качестве общего имущества супругов

также, на наш взгляд, следует учитывать наличие или отсутствие правила о цели ее расходования.

Материальная помощь как вид поддержки может оказываться работникам и/или членам их семей в случаях, предусмотренных локальными нормативными актами организации и/или в коллективных договорах. Отношения, связанные с предоставлением такой материальной помощи, регулируются нормами трудового права. При этом как указано в Письме Минтруда России от 28.09.2020 г. № 14-1/ООГ-15412, материальная помощь является выплатой социального характера и не входит в состав заработной платы [3]. Аналогичный подход сформировался и в судебной практике.

Согласно правовой позиции, изложенной в Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 14.12.2023 г. № 308-ЭС22-21029(7) по делу № А61-1766/2017 [13], действующее законодательство, регулирующее трудовые отношения между работодателем и работником, не содержит ограничений в предоставлении работодателем работнику материальной помощи, непосредственно не связанной с выполнением последним трудовых обязанностей, если он оказался в трудной жизненной ситуации, в частности, тяжелое финансовое положение, болезнь. По мнению судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ), изложенному в определении от 09.02.2024 г. № 309-ЭС23-19711 по делу № А76-10126/2022, «выплаты социального характера, основанные на коллективном договоре, не являющиеся стимулирующими, не зависящие от квалификации работников, сложности, качества, количества, условий выполнения самой работы, не являются оплатой труда работников» [14].

Вопрос о предоставлении материальной помощи относится к локальному правовому регулированию, поэтому исключительно работодатель определяет наличие или отсутствие цели предоставления материальной помощи работникам, в том числе бывшим работникам, членам их семьи. Изложенное позволяет определить правовую природу материальной помощи работникам, в том числе бывшим работникам, членам их семей как безвозмездную денежную выплату, предоставляемую за счет средств работодателя в случаях, предусмотренных в локальных нормативных актах, в коллективных договорах.

Материальная помощь может предоставляться работникам на основании отраслевых соглашений. Анализ действующих в настоящее время соглашений показывает, что материальная помощь лишь в некоторых случаях имеет целевое назначение. Чаще всего цель предоставления рассматриваемой выплаты не указывается. К примеру, Федеральное отраслевое тарифное соглашение в жилищно-коммунальном хозяйстве Российской Федерации на 2023–2025 гг.

предусматривает выплату единовременной материальной помощи и иные выплаты работникам, призванным на военную службу по мобилизации в Вооруженные Силы Российской Федерации на основании нормативных правовых актов Президента Российской Федерации, а также работникам, поступившим на военную службу по контракту в рамках проведения специальной военной операции, их семьям в случаях, предусмотренных коллективным договором или локальным нормативным актом работодателя с целью социальной поддержки работников, но без конкретизации целевого назначения [5].

Примером конкретизации расходования материальной помощи является «Отраслевое соглашение по лесному хозяйству Российской Федерации на 2025–2027 годы», утв. Рослесхозом, Профессиональным союзом работников лесных отраслей РФ 26.12.2024 г. [6]. В подп. 2 п. 7.2 указанного соглашения предусмотрена материальная помощь молодым работникам (до 35 лет) для приобретения (постройки) жилья, обзаведения домашним хозяйством; а в подп. 13 п. 7.2 – на содержание в детских дошкольных учреждениях детей работников. В п. 7.1 Отраслевого тарифного соглашения по горно-металлургическому комплексу Российской Федерации на 2023–2025 гг., утв. Горно-металлургическим профсоюзом России, Общероссийским отраслевым объединением работодателей «Ассоциация промышленников горно-металлургического комплекса России» 15.12.2022 г. предусмотрена также материальная помощь целевого назначения – на оздоровление при уходе работника в очередной отпуск [7].

С учетом сказанного представляет интерес спор по делу № 2-386/2025, рассмотренному Октябрьским районным судом г. Самары о разделе совместно нажитого имущества супругов, в том числе трехкомнатной квартиры. Возражения ответчика касательно раздела указанной недвижимости в равных долях были основаны на том, что спорная квартира приобретена с использованием средств целевого жилищного займа под 6,5 % годовых, которые согласно договора Центрального банка РФ (кредитор, работодатель) предоставил ответчику (заемщику) на приобретение жилого помещения, при этом на сумму основного долга кредитором-работодателем ответчика была предоставлена материальная помощь в целях компенсации затрат на улучшение жилищных условий. Имея специальное целевое назначение, средства материальной помощи не являются совместно нажитым имуществом супругов, поэтому не могут быть разделены между ними, а, следовательно, и спорная квартира не является совместно нажитым имуществом.

С учетом положений ст. 34, 36 СК РФ приобретение жилого помещения состоялось в том числе на безвозмездно предоставленные денежные средства. При этом более важным, на наш взгляд, является ряд обстоятельств:

1. Получение подобного целевого жилищного займа не предполагает какого-либо участия супруги служащего Банка России как в совершении сделки, так и в ее последующем исполнении.

2. Материальная помощь предоставляется для погашения целевого жилищного кредита, денежные средства при этом не возвращаются супругу.

В данном случае основанием предоставления материальной помощи будет юридический состав, включающий в себя такие юридические факты, как:

1) наличие у служащего заключенного с Банком России трудового договора на неопределенный срок;

2) наличие у служащего Банка России не менее трех лет суммированного стажа работы в Банке России;

3) признание служащего нуждающимся в материальной помощи.

Целью же предоставления указанной материальной помощи является компенсация затрат на улучшение жилищных условий посредством аннулирования работодателем обязательств служащего по возврату заемных средств. Состав семьи работника, учитываемый при определении размера материальной помощи, не может влиять на правовую природу выплаты и правовой режим имущества, приобретенного с использованием указанных денежных средств. Состав семьи и нормы обеспечения общей площадью жилого помещения влияют на размер общей площади жилого помещения с целью расчета максимальной суммы материальной помощи.

Интересно заметить, что расчетный размер общей площади жилого помещения на семью может быть увеличен за безупречную и эффективную работу служащего в Банке России (п. 2.11 Положения Банка России).

Таким образом, материальная помощь работнику, в том числе бывшим работникам, и/или членам их семей, – это всегда безвозмездная выплата. Однако в зависимости от конкретизации в локальном нормативном акте или коллективном договоре цели расходования такой помощи, она может и не входить в нажитое супругами имущество, как в приведенном примере.

Как видим, иногда работодатель предоставляет материальную помощь для улучшения жилищных условий своих работников, которые состоят в браке. Расторжение брака и, как следствие, раздел жилых помещений, приобретенных с использованием указанных денежных средств, порой вызывают трудности при определении правового режима такого имущества.

С учетом сказанного представляет интерес следующий пример из судебной практики. Между супругами возник спор о разделе жилого помещения, приобретенного в период брака за счет разовой материальной помощи, предоставленной одному из супругов,

являвшемуся сотрудником Российской железной дороги. При этом обеспечение его жильем было предусмотрено условиями трудового договора и являлось обязанностью работодателя. Материальная помощь на приобретение жилья была отражена в лицевом счете оплаты труда и составила доход работника, подлежащий налогообложению. По мнению супруги, спорное недвижимое имущество совместно нажито, поэтому за ней должно было быть признано $\frac{1}{2}$ доли в праве собственности на данное жилье.

Суд первой инстанции исходил из того, что деньги на приобретение спорной квартиры были подарены и, соответственно, квартира, приобретенная на эти средства, является собственностью одаряемого на основании ст. 36 СК РФ.

Судебная коллегия по гражданским делам ВС РФ признала данные выводы суда неправильными, указав, что согласно п. 2 ст. 34 СК РФ доходы, полученные одним из супругов от трудовой деятельности, являются совместной собственностью супругов. В указанном Определении от 28.06.2011 г. № 5-В11-50 Судебная коллегия по гражданским делам ВС РФ фактически приравнивает средства, выплаченные в качестве материальной помощи, к доходам от трудовой деятельности [15].

Однако, в более позднем Определении от 26.03.2024 г. № 309-ЭС23-19711 по делу № А76-10126/2022 Судебная коллегия по экономическим спорам ВС РФ [12], признавая приведенные в кассационной жалобе доводы достаточным основанием для пересмотра обжалуемых судебных актов в кассационном порядке, соглашается с доводами стороны по делу в том, что выплата материальной помощи своим сотрудникам является дополнительной социальной гарантией, не предусмотренной законодательством РФ, и не является вознаграждением за труд, т. к. не зависит от квалификации работника, сложности, количества, качества и условий выполняемой работы.

Резюмируя сказанное, можно заключить следующее.

Согласно п. 2 ст. 34 СК РФ к общему имуществу супругов относятся доходы от трудовой, предпринимательской и интеллектуальной деятельности. Однако материальная помощь не всегда является доходом в классическом понимании. Выделяются два вида материальной помощи: нецелевая (например, выплаты к отпуску в связи с рождением ребенка) – включается в общие доходы семьи, и целевая (на лечение, погребение, приобретение жилья) – имеет специальное назначение и не должна смешиваться с общими средствами. Если работодатель выделяет работнику средства исключительно для покупки им квартиры, такие деньги не являются доходом, а представляют собой социальную поддержку или компенсацию, что исключает их из совместной собственности.

При определении правового режима имущества супругов необходимо учитывать безвозмездность и адресность выплаты. Целевая материальная помощь носит безвозмездный характер и предоставляется конкретному лицу на определенные цели (аналогично субсидии). Следовательно, приобретенное на нее имущество должно рассматриваться как полученное по безвозмездной сделке в соответствии с нормами ст. 36 СК РФ.

Для исключения имущества из состава общего необходимо подтвердить:

1) наличие распорядительного документа работодателя (приказ, соглашение), где указано, что средства выделены именно на покупку жилья;

2) должна быть доказана связь между выплатой и покупкой квартиры (например, указание в договоре купли-продажи источника финансирования).

Таким образом, жилое помещение, купленное в браке на целевую материальную помощь, предоставленную работодателем для этих целей, не должно включаться в состав общего имущества супругов, поскольку это соответствует, во-первых, принципу справедливости, ведь второй супруг не участвовал в получении средств; во-вторых, норме ст. 36 СК РФ (безвозмездное приобретение).

Предлагаем исключить из ст. 34 СК РФ указание на денежные выплаты, перечисленные в скобках данной статьи, поскольку они могут иметь специальное целевое назначение.

Список литературы

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс»
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 г. № 146-ФЗ // СПС «Гарант».
3. Письмо Минтруда России от 28.09.2020 г. № 14-1/ООГ-15412 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Постановление Правительства Астраханской области от 29.12.2011 г. № 655-П «О Порядке и условиях предоставления единовременной материальной помощи отдельным категориям граждан» [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/460120428> (дата обращения: 15.05.2025).
5. Федеральное отраслевое тарифное соглашение в жилищно-коммунальном хозяйстве Российской Федерации на 2023–2025 годы (утв. Общероссийским отраслевым объединением работодателей сферы жизнеобеспечения, Общероссийским профсоюзом работников жизнеобеспечения 12.05.2022) (ред. от 10.06.2024) (вместе с «Порядком временного приостановления действия отдельных положений Федерального отраслевого тарифного соглашения в ЖКХ РФ (ФОТС)») // СПС «КонсультантПлюс».

6. Отраслевое соглашение по лесному хозяйству Российской Федерации на 2025–2027 годы (утв. Рослесхозом, Профессиональным союзом работников лесных отраслей РФ 26.12.2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

7. Отраслевое тарифное соглашение по горно-металлургическому комплексу Российской Федерации на 2023–2025 годы (утв. Горно-металлургическим профсоюзом России, Общероссийским отраслевым объединением работодателей "Ассоциация промышленников горно-металлургического комплекса России" 15.12.2022 г.) (ред. от 17.12.2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

8. Капранова Т.С. Реализация совместно нажитого имущества супругов в процедуре банкротства гражданина // Ленинградский юридический журнал. 2017. № 3. С. 125–134.

9. Петрова М.И. Особенности признания за супругами права собственности на совместно нажитое имущество // Арбитражные споры. 2023. № 4. С. 131–139.

10. Федина А.С. Действие принципов законности, состязательности и диспозитивности при рассмотрении дел, возникающих из семейных правоотношений // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 2 (78). С. 185–194.

11. Черных И.И. Процессуальные особенности рассмотрения дел о разделе имущества супругов // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. № 3. С. 10–18.

12. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 26.03.2024 г. № 309-ЭС23-19711 по делу № А76-10126/2022 // СПС «Гарант».

13. Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 14.12.2023 г. № 308-ЭС22-21029(7) по делу № А61-1766/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

14. Определение Верховного Суда РФ от 09.02.2024 г. № 309-ЭС23-19711 по делу № А76-10126/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

15. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 28.06.2011 г. № 51-В11-3 // СПС «Гарант».

16. Судебная статистика РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://stat.api-пресс.рф/stats/gr/t/22/s/21?ysclid=maukkggaen668483939> (дата обращения: 15.05.2025).

Об авторах:

БРОННИКОВА Марина Николаевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева (Самарский университет) (443011, г. Самара, ул. Академика Павлова, д. 1), SPIN-код: 8688-9831, AuthorID: 822250, e-mail: bronnikova.mn@ssau.ru

САВЕЛЬЕВА Наталья Михайловна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева (Самарский университет) (443011, г. Самара, ул. Академика Павлова, д. 1), SPIN-код: 9283-3875, AuthorID: 885445, e-mail: saveleva.nm.2@ssau.ru

Legal problems of the division of financial assistance and property acquired using these funds between spouses

M.N. Bronnikova, N.M. Saveleva

Samara National Research University named after academician S.P. Korolev,
Samara

The article discusses the problem of qualifying property acquired in marriage with the funds of targeted financial assistance provided to one of the spouses by his employer. Based on the analysis of the norms of family, civil, tax, labor legislation and the norms of social security law, the legal positions of judicial practice regarding the definition of the legal regime of financial assistance in work, a conclusion is drawn about the intersectoral nature of this concept.. Of particular interest is the issue of the legal regime of an apartment acquired in marriage with targeted financial assistance provided by an employer for the purchase of housing. The article proves that if there is a targeted nature of the payment, the apartment.

Keywords: *family law, spouse's personal property, joint ownership, targeted financial assistance, employee, local regulations, purpose of providing financial assistance, intersectoral category.*

About authors:

BRONNIKOVA Marina – PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of Department of Civil and Business Law of Samara National Research University named after S.P. Korolev (Samara University) (443011, Samara, Akademika Pavlova str., 1), SPIN-code: 8688-9831, AuthorID: 822250, e-mail: bronnikova.mn@ssau.ru

SAVELYEVA Natalia – PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of Department of Civil and Business Law of Samara National Research University named after S.P. Korolev (Samara University) (443011, Samara, Akademika Pavlova str., 1), SPIN-code: 9283-3875, AuthorID: 885445, e-mail: saveleva.nm.2@ssau.ru

Бронникова М.Н., Савельева Н.М. Правовые проблемы раздела материальной помощи и имущества, приобретенного с использованием указанных средств, между супругами // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 2 (82). С. 9–18.

Статья поступила в редакцию 25.05.2025 г.

Подписана в печать 16.06.2025 г.

Механизм осуществления контроля за исполнением концессионером концессионного соглашения: проблемы теории и практики

А.Ю. Бурова

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского», г. Нижний Новгород

В данной статье обосновывается актуальность формирования механизма осуществления контроля за исполнением концессионером концессионного соглашения. Автором выделяются четыре этапа в исполнении концессионных соглашений, каждому из которых соответствуют цели, определяющие формы и характер проводимых контрольных мероприятий. Порядок и сроки осуществления контроля за концессионером должны быть включены в перечень существенных условий любого концессионного соглашения. Предлагается унифицировать механизм осуществления контроля в концессионных соглашениях в едином нормативно-правовом акте, допуская возможность установления специальных правил для отдельных сфер.

Ключевые слова: концессионное соглашение, контроль, механизм осуществления контроля, концессионер, концедент.

Согласно результатам ежегодного мониторинга заключения и реализации заключенных концессионных соглашений, проводимого Министерством экономического развития РФ, в 2023 г. в России было заключено 316 концессионных соглашений. Большинство соглашений заключаются в коммунально-энергетической сфере (232), меньшее количество – в социальной (70), транспортной (11), иных сферах (3). При этом средний срок действия заключенных в 2023 г. концессионных соглашений составляет 15 лет. В транспортной сфере срок действия концессионных соглашений составляет в среднем 27 лет [6].

Уже только лишь такой продолжительный срок действия концессионных соглашений, на который концедент передает концессионеру права владения и пользования соответствующими объектами, заставляет задуматься о необходимости и важности контроля, осуществляемого публичным партнером в отношении частного.

Существенный объем финансирования исполнения заключенных в 2022 г. концессионных соглашений за счет средств бюджетов бюджетной системы РФ, который согласно результатам мониторинга Минэкономразвития РФ составляет 34,6 % (325 млрд руб.) от общего объема финансирования (937 млрд руб.), а также социально-экономическая значимость концессионных проектов побуждают к более

тщательному контролю за исполнением концессионером принятых на себя обязательств.

Материалы судебной практики свидетельствуют о большом количестве нарушений, допускаемых концессионерами на разных стадиях реализации концессионных соглашений. Поэтому, на наш взгляд, возникает необходимость детально проработать и закрепить механизм осуществления контроля за исполнением концессионером концессионного соглашения, не умаляя значения контроля, осуществляемого правоохранительными органами [14, с. 62–65].

Следует учитывать, что с 01.10.2023 г. вступили в силу изменения в ч. 3 ст. 8 Федерального закона от 21.07.2005 г. № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» (далее – Закон о концессионных соглашениях) [1], направленные на установление обязанности концедента по осуществлению контроля за соблюдением концессионером условий концессионного соглашения. Ранее действующая редакция рассматривала контроль за соблюдением концессионером условий концессионного соглашения как право концедента, а не его обязанность.

Несмотря на доминирующую в настоящее время в науке гражданского права позицию о том, что концессионное соглашение является гражданско-правовым договором [13, с. 186], нам представляется, что обязанность концедента контролировать концессионера не противоречит автономии воли сторон, т. к. обусловлена необходимостью надлежащего исполнения заключенного договора.

После принятия Закона о концессионных соглашениях Правительством РФ было утверждено несколько примерных форм концессионных соглашений в разных сферах, которые существенно не конкретизируют порядок осуществления концедентом контроля за исполнением концессионером концессионного соглашения, ограничиваясь формулировками из упомянутого закона [3].

Исходя из определения концессионного соглашения, данного в ч. 1 ст. 3 Закона о концессионных соглашениях, можно выделить два этапа в его исполнении: этап создания или реконструкции определенного соглашением имущества и этап использования (эксплуатации) объекта концессионного соглашения концессионером.

Оба этапа являются длительными и потому требуют регулярного периодического отслеживания их реализации. На наш взгляд, для создания целостного механизма контроля необходимо также учитывать, что этапу создания или реконструкции объекта предшествует этап передачи данного объекта или имущества, образующего единое целое с объектом концессионного соглашения, концессионеру (ч. 4, ч. 4.1 ст. 3 Закона о концессионных соглашениях), а срочный характер действия

концессионного соглашения предполагает возврат имущества концеденту (ст. 14 Закона о концессионных соглашениях).

Так, согласно упоминавшимся результатам проводимого Минэкономразвития РФ мониторинга, по состоянию на конец 2023 г. количество концессионных соглашений на стадии создания (реконструкции) объекта составляет 2 155 шт., на стадии эксплуатации объекта – 1 226 шт. Данные показатели означают, что в обозримом будущем назреет необходимость массового возврата объектов концессионных соглашений концедентам и корректного завершения исполнения договоров сторонами. Полагаем, что этот важнейший этап в исполнении концессионных соглашений также не должен быть оставлен без внимания. Кроме того, законом предусмотрена возможность досрочного расторжения концессионных соглашений на основании решения суда, последствием которого также является необходимость возврата объекта соглашения концеденту.

Таким образом, контроль представляется актуальным на четырех этапах исполнения концессионного соглашения, для каждого из которых свойственны собственные цели, определяющие формы и характер проводимых контрольных мероприятий¹.

1. Контроль на этапе передачи объекта концессионного соглашения и иного имущества концессионеру.

В зависимости от предмета заключаемого концессионного соглашения может потребоваться предоставление концессионеру необходимого земельного участка, прав владения и пользования объектом концессионного соглашения и (или) имущества, необходимого для создания, реконструкции или использования объекта концессионного соглашения.

Целью контроля на этапе передачи является удостоверение в том, что концессионер принял необходимое имущество и созданы условия для дальнейшего исполнения концессионного соглашения.

Контроль на данном этапе можно назвать однократным, поскольку сама передача, как правило, занимает небольшую часть срока действия соглашения по сравнению со следующими двумя этапами. Он выражается в фиксации передачи объекта концессионного соглашения и иного имущества концессионеру, их состояния и состава, отражения технико-экономических показателей объекта при подписании акта приема-передачи сторонами.

¹ Помимо контроля за исполнением концессионного соглашения можно выделить контроль на стадии его заключения, который не является предметом настоящей статьи. Контроль на стадии заключения договора представляет собой самостоятельный контрольный механизм и охватывает мероприятия, связанные с подготовкой соглашения к заключению и отбором концессионера, способного выполнить условия договора надлежащим образом.

Практика показывает, что контроль здесь важен, в первую очередь, во избежание споров, связанных с составом переданного концессионеру имущества и необходимостью обеспечения его обслуживания и содержания. Например, в рассматриваемых делах судами было установлено, что ни концессионные соглашения на реконструкцию сетей водоснабжения и их дальнейшее использование, ни соответствующие акты приема-передачи имущества не содержали условия о передаче концессионерам пожарных гидрантов, вследствие чего концессионеры отказывались нести расходы на их содержание. Для того чтобы установить соответствующую обязанность концессионеров и сделать вывод о том, что пожарные гидранты представляют собой составную часть сложной вещи, являющейся объектом концессионного соглашения, судам пришлось анализировать целую совокупность многочисленных нормативных и технических актов в области пожарной безопасности [8, 9].

Важность фиксации технико-экономических показателей объекта на дату его передачи концессионеру подтверждается законом. Согласно ч. 2.1. ст. 15 Закона о концессионных соглашениях, передача концессионеру объекта концессионного соглашения, не соответствующего условиям концессионного соглашения, при определенных обстоятельствах может быть признана существенным нарушением концессионного соглашения концедентом и повлечь за собой досрочное расторжение соглашения по инициативе концессионера на основании решения суда.

2. Контроль на этапе создания или реконструкции объекта концессионного соглашения.

Предметами контроля концедента на этапе создания или реконструкции объекта являются, прежде всего, соблюдение установленных концессионным соглашением для данного этапа сроков, обеспечение соответствия технико-экономических показателей объекта установленным концессионным соглашением показателям.

В судебной практике встречаются случаи, когда концессионер не выполняет свои обязательства по созданию (реконструкции) объекта, однако приступает к его использованию, извлекая тем самым прибыль для себя. Так, по заключенному концессионному соглашению концессионер обязался осуществить реконструкцию существующего здания (детский сад), строительство пристройки с благоустройством и озеленением территории. После выполнения указанных обязательств концессионер должен был осуществлять организацию учебно-воспитательного процесса и развития детей. По факту концессионер мероприятия по строительству и реконструкции не выполнил, при этом осуществлял воспитательную и образовательную деятельность в переданном здании. Концедентом несколько раз составлялись акты о результатах контроля, в ходе которого были выявлены отсутствие

подготовки проектной документации, осуществленной реконструкции и фактическое осуществление учебно-воспитательной деятельности в объектах без проведения их реконструкции. Концессионное соглашение было расторгнуто в судебном порядке по иску концедента [12].

Представляется, что при относительно коротком сроке этапа создания или реконструкции объекта концессионного соглашения (до трех лет) необходимо более частое проведение контрольных мероприятий (минимум один раз в полгода в целях своевременного выявления нарушений концессионера), не ограничивающихся стандартными проверками отчетных документов, но и предполагающими проведение выездных проверок.

3. Контроль на этапе использования (эксплуатации) объекта концессионного соглашения.

Предметом контроля на данном этапе является соблюдение концессионером целей и порядка эксплуатации объекта, осуществление деятельности, предусмотренной концессионным соглашением, поддержание объекта в исправном состоянии, обеспечение возможности получения потребителями соответствующих товаров, работ, услуг, предоставление им предусмотренных нормативно-правовыми актами льгот.

Материалы практики свидетельствуют о том, что нарушения, совершаемые концессионерами на данном этапе, являются разноплановыми и могут влечь за собой недополучение части дохода в бюджет, нарушение прав пользователей услугами, оказываемыми концессионерами.

В одном из проанализированных нами дел концессионер нарушил порядок использования объекта концессионного соглашения, эксплуатируя его в целях, не установленных концессионным соглашением, что, согласно пп. 2 ч. 2 ст. 15 Закона о концессионных соглашениях, признается основанием для досрочного расторжения договора по требованию концедента в судебном порядке. Такой иск концедента был удовлетворен судом, поскольку после проведенной реконструкции нежилого здания было установлено, что концессионер не использует данный объект по назначению (организация учреждений клубного типа, организация культурных мероприятий, отдыха и развлечений, деятельность в области спорта), предоставляя помещения внутри реконструированного здания коммерческим структурам для оказания услуг солярия, банкетного зала и проч., а также размещая на фасаде здания рекламные конструкции без согласования с концедентом [7]. Указанные нарушения могли быть выявлены только в ходе осуществления концедентом контрольных мероприятий.

Формы контрольных мероприятий на этапе создания (реконструкции) и этапе использования (эксплуатации) объекта концессионных соглашений являются схожими, поскольку их цель

сводится к подтверждению соответствия действий концессионера условиям соглашения (надлежащий предмет, соблюдение сроков и проч.). Соответственно, контроль может проводиться в формах документарной проверки о ходе выполнения работ на основании представленных концессионером по запросу концедента сведений и документов, визуального комиссионного осмотра объекта, привлечения специалистов и экспертов для установления фактов, требующих специальных технических и иных познаний.

Периодичность контроля представляет собой важнейший вопрос, с учетом длительности указанных этапов¹. Полагаем, что короткие сроки осуществления этапов создания (реконструкции) и эксплуатации (использования) объектов обуславливают более частое проведение контрольных мероприятий в отношении концессионера (минимум один раз в полгода). В случае долгосрочных проектов установление конкретных сроков проведения проверок в законе может быть нецелесообразным, учитывая разнообразие сфер реализации концессионных соглашений, однако установленная обязанность контролировать концессионера, по нашему мнению, обуславливает необходимость включения сроков и порядка осуществления концедентом контроля в перечень существенных условий концессионного соглашения, определенный ст. 10 Закона о концессионных соглашениях.

В любом случае, равномерная периодичность осуществления концедентом контрольных мероприятий должна соблюдаться, поскольку, во-первых, концедент заинтересован в надлежащем исполнении концессионного соглашения, т. к. объект концессионного соглашения находится в его собственности, а во-вторых, исполнение концессионного соглашения улучшает исполнение государством или муниципалитетом публичных функций вследствие социально-экономической значимости концессионной деятельности. Приложением к концессионному соглашению может выступать график проведения плановых выездных или документарных проверок концессионера с обеспечением концессионеру права на присутствие его представителей при проведении проверки и отметки о возможных возражениях к акту о результатах контроля. Однако концедент не имеет права вмешиваться в осуществление хозяйственной деятельности концессионера.

4. Контроль на этапе возврата объекта концессионного соглашения и иного имущества концеденту.

¹ Средний срок создания (реконструкции) объектов концессионных соглашений, заключенных по состоянию на 2023 г., по данным Минэкономразвития РФ, составляет от двух до восьми лет, средний срок эксплуатации объектов концессионных соглашений – от шести до двадцати четырех лет в зависимости от сфер реализации соглашений.

Рассматриваемый этап зачастую остается без внимания поскольку, возможно, срок действия основного объема концессионных соглашений еще не окончен. Однако, как было показано ранее, соглашения могут прекращаться не только по истечении срока их действия, но и по причине досрочного расторжения договора по инициативе одной из сторон. С учетом темпов роста популярности концессионных соглашений в ближайшее время продуманный механизм возврата имущества будет необходим.

Целью контроля на данном этапе является удостоверение в факте передачи объекта концессионного соглашения и иного имущества обратно во владение и пользование концедента. При этом важен не только возврат имущества, но и возврат относящихся к нему документов (документация, необходимая для эксплуатации имущества, сведения о потребителях и т. п.) [11]. В акте приема-передачи имущества отражается не только факт самой передачи имущества, но и его состояние, состав, технико-экономические показатели на дату возврата. Во многих случаях может потребоваться техническая оценка и экспертиза состояния объекта и его показателей.

В судебной практике встречаются проблемы, связанные с несвоевременным возвратом объекта концессионного соглашения и возможностью взыскать предусмотренную соглашением неустойку либо плату за фактическое пользование имуществом после прекращения действия концессионного соглашения [10].

Таким образом, механизм осуществления контрольных мероприятий должен быть различным в зависимости от этапа концессионного соглашения, на котором осуществляется контроль, вследствие разницы в целях и предмете контроля. Сообразно им определяются формы и порядок его осуществления.

Изложенный выше механизм осуществления контроля за исполнением концессионером концессионного соглашения, по нашему мнению, должен быть конкретизирован в подзаконном правовом акте (постановлении Правительства РФ) по аналогии с порядком, предусмотренным для соглашений о государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве (далее – соглашения о ГЧП) [4]. Однако они не могут быть совершенно аналогичными, если отталкиваться от особенностей концессионных соглашений и соглашений о ГЧП. Согласно модели последних, объект соглашения после его создания будет находиться в собственности частного партнера, что закреплено в ч. 1 ст. 12 Федерального закона от 13.07.2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон о ГЧП) [2]. Концессионное соглашение не предполагает передачу права собственности на объект соглашения, что обуславливает более жесткие

требования к деятельности концессионера и контрольным мероприятиям концедента. Кроме того, использование (эксплуатация) объекта по соглашению о ГЧП может осуществляться публичным партнером (ч. 4.1 ст. 12 Закона о ГЧП), а следовательно, потребность в контроле за частным партнером на этом этапе может отпадать.

В 2022 г. Правительством РФ были утверждены Правила осуществления контроля в концессионных соглашениях, объектом которых являются объекты транспортной инфраструктуры и технологически относящиеся к ним транспортные средства, обеспечивающие деятельность, связанную с перевозками пассажиров транспортом общего пользования, за исключением метрополитена [5]. В данном документе устанавливаются порядок проведения выездных плановых проверок и проверок документов и информации, порядок уведомления о проведении контрольных мероприятий, права и обязанности представителей обеих сторон в ходе осуществления контрольного мероприятия, правила оформления акта о результатах контроля. Периодичность контрольных мероприятий в указанных Правилах не устанавливается. Таким образом, в настоящее время существует единственный нормативно-правовой акт, устанавливающий правила проведения контроля в определенной сфере реализации концессионных соглашений. Единые правила по-прежнему отсутствуют.

По результатам проведенного исследования автор приходит к следующим выводам:

1. Необходимость осуществления контроля концедента за исполнением концессионером концессионного соглашения обусловлена несколькими обстоятельствами: высокой долей числа концессионных соглашений в общем объеме соглашений в области публично-частного партнерства; социально-экономической значимостью проектов, реализуемых в форме концессионных соглашений; существенным объемом бюджетного финансирования исполнения концессионных соглашений; продолжительным сроком действия заключенных концессионных соглашений; сохранением за концедентом права собственности на объект концессионного соглашения при передаче прав владения и пользования им концессионеру; подтвержденным практикой большим количеством нарушений, допускаемых концессионерами на разных этапах реализации концессионных соглашений.

2. Учитывая многочисленность факторов, обосновывающих необходимость контроля за исполнением концессионером концессионного соглашения, следует позитивно оценить общую политику законодателя, направленную на трансформацию контроля из права концедента в обязанность.

3. Существенным недостатком вышеупомянутой поправки выступает то, что порядок осуществления контроля концедентом по-прежнему недостаточно конкретизируется в нормативно-правовых

актах, что может нарушать интересы как концессионера, так и концедента.

4. В перечень существенных условий концессионного соглашения, определенный в ст. 10 Закона о концессионных соглашениях, целесообразно включить сроки и порядок осуществления контроля за исполнением концессионером концессионного соглашения.

5. Выделены четыре этапа реализации концессионных соглашений, для каждого из которых свойственны собственные цели, определяющие формы и характер проводимых контрольных мероприятий на каждом из этапов: этап передачи объекта и иного имущества концессионеру, этап создания (реконструкции) объекта, этап использования (эксплуатации) объекта, этап возврата объекта и иного имущества концеденту.

6. Порядок осуществления контроля на каждом этапе следует конкретизировать предпочтительнее в отдельном постановлении Правительства РФ), т. е. выстроить механизм осуществления контроля: определить его предмет, цели, сроки и формы осуществления контрольных мероприятий на каждом этапе реализации концессионного соглашения. Данный нормативно-правовой акт должен содержать унифицированные правила в отношении всех концессионных соглашений в целом. В отношении концессионных соглашений в определенных сферах можно установить специальное регулирование, либо предоставить сторонам право самостоятельно регулировать рассматриваемые вопросы в концессионном соглашении в пределах, установленных постановлением Правительства РФ.

7. Обосновано, что короткие сроки осуществления этапов создания (реконструкции) и эксплуатации (использования) объектов обуславливают более частое проведение контрольных мероприятий в отношении концессионера (минимум один раз в полгода).

8. Несмотря на закономерные концентрацию и усиление контрольных полномочий концедента, важно не нарушать баланс интересов концедента и концессионера, иначе их взаимодействие будет терять частноправовую природу, которая, безусловно, сопутствует концессионным соглашениям.

Список литературы

1. Федеральный закон от 21.07.2005 г. № 115-ФЗ (ред. от 22.07.2024 г.) «О концессионных соглашениях» // СЗ РФ. 2005. № 30 (ч. II). Ст. 3126.
2. Федеральный закон от 13.07.2015 г. № 224-ФЗ (ред. от 08.08.2024 г.) «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 29 (часть I). Ст. 4350.
3. Постановление Правительства РФ от 14.02.2009 г. № 138 (ред. от 20.01.2015 г.) «Об утверждении примерного концессионного соглашения в

отношении объектов здравоохранения, в том числе объектов, предназначенных для санаторно-курортного лечения» // СЗ РФ. 2009. № 9. Ст. 1106.

4. Постановление Правительства РФ от 30.12.2015 г. № 1490 (ред. от 24.11.2022 г.) «Об осуществлении публичным партнером контроля за исполнением соглашения о государственно-частном партнерстве и соглашения о муниципально-частном партнерстве» // СЗ РФ. 2016. № 2 (часть I). Ст. 365.

5. Постановление Правительства РФ от 24.11.2022 г. № 2138 «Об утверждении Правил осуществления субъектом Российской Федерации, являющимся самостоятельной стороной концессионного соглашения, объектом которого являются объекты транспортной инфраструктуры и технологически связанные с ними транспортные средства, обеспечивающие деятельность, связанную с перевозками пассажиров транспортом общего пользования, за исключением метрополитена, и концедентом по которому выступает муниципальное образование, контроля за исполнением такого концессионного соглашения, а также требований к составу результатов выполнения этапов исполнения условий концессионного соглашения, объектом которого являются объекты транспортной инфраструктуры и технологически связанные с ними транспортные средства, обеспечивающие деятельность, связанную с перевозками пассажиров транспортом общего пользования, за исключением метрополитена» // СЗ РФ. 2022. № 48. Ст. 8506.

6. Результаты мониторинга заключения и реализации заключенных концессионных соглашений, в том числе на предмет соблюдения сторонами концессионного соглашения взятых на себя обязательств по достижению целевых показателей, содержащихся в концессионном соглашении, сроков их реализации, объема привлекаемых инвестиций и иных существенных условий концессионного соглашения, за 2023 год. Министерство экономического развития РФ [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/da0e1ae71d826dca19b593406d9f98e4/resultaty_monitoringa_zh_2023_115-fz.pdf (дата обращения: 01.11.2024).

7. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 25.01.2017 г. по делу № А41-19359/16 // СПС «КонсультантПлюс».

8. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 02.03.2018 г. по делу № А81-3697/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

9. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 16.04.2021 г. по делу № А43-22499/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

10. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 30.05.2022 г. по делу № А78-4798/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

11. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 05.07.2022 г. по делу № А71-4112/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

12. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 21.06.2023 г. по делу № А45-22165/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

13. Холодкова Ю.С. Понятие и правовая природа концессионных соглашений // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 405. С. 184–189.

14. Хусяйнова С.Г. Прокурорский надзор за исполнением законов в сфере концессионных соглашений // Современная наука. 2022. № 2. С. 62–65.

Об авторе:

БУРОВА Александра Юрьевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса юридического факультета ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» (603950, Россия, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23), SPIN-код: 1509-2740, AuthorID: 866549, e-mail: ayuburova@yandex.ru

Mechanism of supervision over performance of concessionary agreement by concessionaire: problems of theory and practice

A.Yu. Burova

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod

In the article the relevance of the formation of mechanism of supervision over performance of concessionary agreement by concessionaire is substantiated. The author singles out four stages in the execution of concessionary agreements, each of which corresponds to the objectives that determine the forms and nature of control measures. The procedure and terms for exercising supervision over concessionaires should be included in the list of essential conditions of any concessionary agreement. It is proposed to unify mechanism of supervision in concessionary agreements in a single legal act, while allowing for the possibility of establishing special rules for certain areas.

Keywords: *concessionary agreement, supervision, mechanism of supervision, concessionaire, grantor.*

About author:

BUROVA Alexandra – PhD in Law, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the Faculty of Law of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (603950, Nizhny Novgorod, 23 Gagarin Avenue), SPIN-code: 1509-2740, AuthorID: 866549, e-mail: ayuburova@yandex.ru

Бурова А.Ю. Механизм осуществления контроля за исполнением концессионером концессионного соглашения: проблемы теории и практики // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 2 (82). С. 19–29.

Статья поступила в редакцию 25.12.2024 г.

Подписана в печать 16.06.2025 г.

КЛАССИФИКАЦИЯ ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЕДИНООБРАЗИЯ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

К.С. Рыжков

ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»,
г. Челябинск

В статье анализируются правовые средства обеспечения единообразия судебной практики по гражданским делам. Исследуется сущность правовых средств в целом и применительно к рассматриваемому в статье вопросу. Предложена классификация указанных правовых средств с учетом анализа действующего правового регулирования. Выделены правовые средства, касающиеся определения подсудности гражданского дела, доказывания по гражданским делам, формы и содержания судебных актов, публикации судебных актов, проверки и пересмотра судебных актов. Отдельно рассмотрены и классифицированы организационно-правовые средства обеспечения единообразия судебной практики.

Ключевые слова: *судебный акт, судебная практика, единообразие судебной практики, правовое средство, организационно-правовое средство, подсудность, проверка судебных актов, пересмотр судебных актов.*

Достижение единообразия судебной практики представляет ценность не само по себе, а, прежде всего, в контексте реализации процессуально-правовых принципов законности и равенства всех перед законом и судом. Правовые нормы не могут применяться произвольно, а их содержанию не должен придаваться принципиально разный смысл в различных случаях.

В контексте вышесказанного необходимо рассмотреть правовые средства, обеспечивающие единообразие судебной практики, посредством чего, в конечном итоге, достигается основная цель правосудия – восстановление и защита нарушенных прав, свобод и законных интересов. Тем более что, по справедливому замечанию Т.В. Коршуновой, механизм обеспечения единства судебной практики представляет собой единую систему правовых средств, основанных на нормативном правовом акте, конкретизированных судебной практикой и дополненных определенными положениями правовой доктрины [12, с. 33].

Понятие правовых средств неоднозначно трактуется в юридической науке. А.В. Мильков отмечает, что о них говорят и как о праве в целом, и как о режимах правового регулирования, и как об элементах механизма правового регулирования [15, с. 113]. По мнению В.А. Сапуна, правовые

явления, рассматриваемые в качестве правовых средств, обладают регулятивным потенциалом, отличаются реальной применимостью, их использование приводит к достижению социально значимых результатов [18, с. 12].

С.С. Алексеев констатировал, что в качестве правовых средств в юридической литературе называют юридические нормы, индивидуальные властные предписания, правоприменительные акты, договоры, юридические факты, субъективные права, юридические обязанности, запреты, льготы, меры поощрения, меры наказания, акты реализации прав и обязанностей и т. д. [6, с. 16]. П.В. Попинов также отмечает, что к числу правовых средств допустимо относить нормы и принципы права [17, с. 36].

Исходя из вышеизложенного, в контексте настоящего исследования в качестве правовых средств, обеспечивающих единообразие судебной практики по гражданским делам, будут рассмотрены процессуально-правовые нормы и институты, посредством которых реализуются правовые механизмы, обеспечивающие единообразие судебной практики.

В связи с вышесказанным следует рассмотреть значение различных институтов и отдельных правовых норм в контексте достижения единообразия судебной практики. При этом критерием классификации указанных правовых средств будет выступать их целевое назначение в рамках процессуальной деятельности.

1. Нормы о подсудности и их роль в достижении единообразия судебной практики.

Функциональное значение норм о подсудности многоаспектно: оно состоит в распределении нагрузки между судами, повышении качества отправления правосудия за счет специализации конкретных видов судов на рассмотрении определенных категорий дел (родовая подсудность), повышении доступности правосудия (территориальная подсудность).

При этом наиболее существенным в контексте настоящего исследования является вопрос о специализации судов. Так, зарубежные авторы справедливо указывают на важность такой специализации для достижения единообразия судебной практики [21, с. 1170]. При этом отмечается необходимость существования «умеренной специализации» судов как способа преодоления проблемы все возрастающей сложности дел, рассматриваемых судами [20, с. 195].

Действительно, достижение и поддержание единообразия судебной практики требует высокого профессионального уровня судей. Специализация на рассмотрении отдельных категорий дел этому во многом способствует. К примеру, рассмотрение всех дел о банкротстве арбитражными судами как судами со специальной компетенцией, направленной на рассмотрение экономических споров, в целом доказало свою эффективность. Также повышению качества правосудия

способствовали и создание специализированного Суда по интеллектуальным правам с собственной уникальной компетенцией (ч. 4 ст. 34 Арбитражного процессуального кодекса РФ (далее – АПК РФ) [2]), и отнесение отдельных специфических категорий споров к подсудности Московского городского суда (ч. 3 ст. 26 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее – ГПК РФ) [1]).

В то же время следует отметить, что нормы о подсудности разнонаправленно влияют на возможность достижения единообразия судебной практики. Они могут не только обеспечивать достижение единообразия в толковании и применении правовых норм, но и создавать сложности для его достижения. С одной стороны, они создают условия для специализации судов на рассмотрении конкретных категорий дел, что повышает качество правосудия, поскольку судье легче сосредоточиться на изучении практики рассмотрения определенных видов дел, а значит, и соотносить собственную правоприменительную деятельность со сложившимися правовыми позициями. Однако с другой стороны, нормы о подсудности в силу своего многообразия, а также сложностей в их толковании и применении в конкретных ситуациях зачастую сами служат предпосылкой для нарушений единообразия судебной практики. Представляется, что решением указанной проблемы является повышение эффективности данного правового средства посредством совершенствования указанных норм о подсудности путем их максимальной конкретизации в части условий применения. Это позволит в полной мере реализовать преимущества института подсудности в качестве комплекса правовых средств достижения единообразия судебной практики.

2. Нормы о доказывании и их роль в достижении единообразия судебной практики.

Отдельные нормы, касающиеся доказывания, способствуют достижению единообразия судебной практики. Так, законом и судебной практикой в ряде случаев сформулированы определенные подходы к определению предмета и бремени доказывания в зависимости от категории дела или конкретных его обстоятельств. Например, согласно п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [5] по делам о возмещении убытков истец обязан доказать, что ответчик является лицом, в результате действий (бездействия) которого возник ущерб, а также факты нарушения обязательства или причинения вреда, наличие убытков (п. 2 ст. 15 Гражданского кодекса РФ) [3].

Также для однотипных правовых ситуаций установлены определенные правила доказывания, которые в правовой плоскости выражаются также в необходимости применения определенных видов доказательств (например, в силу ст. 283 ГПК РФ по делам о признании

гражданина недееспособным должна проводиться судебно-психиатрическая экспертиза).

Очевидно, что в подобных однотипных ситуациях требуется обеспечить единообразное применение соответствующих процессуальных норм. Однако допустимо также и иное утверждение: нормы о предмете доказывания, как и иные процессуальные нормы, позволяют типизировать конкретные дела, сформировать единые подходы к их рассмотрению и разрешению по существу. А это, в свою очередь, создает предпосылки для сопоставления судебных актов на предмет их единообразия (точнее, на предмет единообразия подходов к толкованию и применению норм в таких делах).

3. Нормы о форме и содержании судебных актов и их роль в достижении единообразия судебной практики.

Несомненно, требования к судебным актам во многом определяют их содержание и, как следствие, существенным образом влияют на возможность достижения единообразия судебной практики. Именно путем вынесения судебных актов закрепляется и конкретизируется воля суда, а значит, реализуются функции судебной власти. Более того, именно судебная практика является критерием качества закона [8, с. 16]. И что наиболее важно, именно в судебных актах толкуются и применяются правовые нормы, в связи с чем именно они становятся основным предметом исследования при рассмотрении вопроса о единообразии судебной практики.

Традиционно в качестве требований, предъявляемых к судебному решению, выделяют его законность, обоснованность и мотивированность. В контексте темы настоящего исследования особо следует выделить требование законности судебного решения, которое предполагает правильность не только применения правовых норм, но и их толкования.

Не менее важны требования к форме и содержанию судебных актов, что позволяет не только относительно легко находить и анализировать их (в силу требований к письменной форме их закрепления), но и эффективно производить их сопоставление, чему способствуют требования к структуре таких актов (например, судебного решения) и составу сведений, содержащихся в них.

4. Нормы о публикации текстов судебных актов и их роль в достижении единообразия судебной практики.

Не менее значимым относительно обеспечения единообразия судебной практики является такой аспект, как публикация текстов судебных актов.

Знания о применении права судами необходимы, прежде всего, для самой судебной системы. Также, если у субъектов, на которых распространяются правовые нормы, не будет достаточно подробной информации о том, как эти нормы применяются, сложно будет требовать

от них правомерного поведения и высокого уровня развития правосознания. По справедливому замечанию М.Ш. Пацация, транспарентность способствует прогнозируемости деятельности вышестоящих судов [16, с. 52].

Основные правила публикации судебных актов в государственных информационных системах закреплены Федеральным законом от 22.12.2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» [4].

5. Нормы о проверке и пересмотре судебных актов.

Возможность проверки и пересмотра судебных актов позволяет не только достичь цели защиты нарушенных прав, свобод и законных интересов, но и способствует достижению единообразия судебной практики.

Безусловно, деятельность всех проверочных инстанций направлена на защиту нарушенных прав, свобод и законных интересов. Указанная защита производится путем устранения ошибок, допущенных нижестоящими судами. При этом судебная ошибка, обладая свойством противоправности [7, с. 123], представляет собой несовпадение результата судебной деятельности с целью гражданского судопроизводства, которая заключается в защите нарушенных прав [19, с. 6]. Именно ее выявление и устранение является основной задачей суда, проверяющего судебный акт в порядке апелляции, кассации или надзора. В то же время, устраняя судебные ошибки, суды проверочных инстанций способствуют формированию единообразной судебной практики.

Также на практике возможны случаи, когда фактические обстоятельства меняются и суду необходимо на это реагировать. Так, изменение фактических обстоятельств дела может привести к пересмотру судебного решения по новым обстоятельствам. Основания для пересмотра по новым обстоятельствам могут быть связаны с изменением обязательного к применению толкования правовых норм (п. 3 и 5 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ, а также п. 3 и 5 ч. 3 ст. 311 АПК РФ). При этом суд в силу закона не может не учитывать практику Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ. А потому сам факт наличия в процессуальном законодательстве таких оснований для пересмотра судебных актов представляется обоснованным.

6. Организационно-правовые средства.

Отметим также, что в контексте достижения единообразия судебной практики не менее значимы организационно-правовые средства. К числу таковых можно отнести следующие:

6.1. Нормы права, предусматривающие специализацию судей.

Как справедливо отмечает О.А. Капустин, «такого рода факторы, как объемное и постоянно изменяющееся законодательство, широкая и зачастую противоречивая судебная практика, высокая судебная нагрузка в силу объективных причин не позволяют обеспечить должный уровень

компетентности судьи во всех отраслях права, а значит, и высокий профессионализм при рассмотрении любых категорий дел. Приведенные обстоятельства актуализируют обращение к специализации судей при исполнении ими своих полномочий» [11, с. 115].

Как следствие, специализация, будучи элементом принципа профессионализма судей [13, с. 34–36], выступает гарантией качества судебной деятельности.

В нормах законодательства, касающихся судоустройства, характерным для внутренней структуры судов является формирование составов и коллегий (в зависимости от уровня суда), формируемых как раз по признаку специализации (например, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ).

Нормы процессуальных кодексов также упоминают понятие специализации, в частности в ч. 3 ст. 14 ГПК РФ и ч. 1 ст. 18 АПК РФ указано, что состав суда для рассмотрения дела формируется с учетом специализации судей.

Безусловно, применение правовых механизмов специализации судей сталкивается и с определенными проблемами. Так, по замечанию М.С. Матейковича, у специализации есть существенные недостатки. К примеру, в небольших районных судах обеспечить разделение труда по предметному признаку достаточно сложно. Кроме того, в настоящее время происходит стремительное взаимопроникновение публично-правового и частноправового начал, что также отчасти снижает эффективность специализации [14, с. 32]. Полагаем однако, что указанные проблемы не носят принципиального характера и являются неизбежными в случае, когда речь идет о поиске оптимального баланса между комплексным характером юридических знаний (чего требует статус судьи) и потребностью в доскональном понимании судьей всех аспектов применяемых им правовых норм. Как следствие, сама по себе специализация судей, будучи научно и практически обоснована, имеет больше преимуществ, чем недостатков. В особенности ее значение проявляется как раз в контексте достижения единообразной судебной практики, поскольку таковое невозможно без детального знания судьями не только правовых норм, но и всех тонкостей их толкования и применения с учетом правовых позиций высших судебных инстанций.

6.2. Нормы права, предусматривающие осуществление кодификационно-справочной работы в суде.

Существующее правовое регулирование предусматривает создание в составе аппаратов судов отдельных структурных подразделений или возложение на конкретных сотрудников аппарата суда функций по ведению кодификационно-справочной работы, включая вопросы анализа и обобщения судебной практики.

К примеру, в рамках Верховного Суда РФ указанные полномочия возложены на Управление систематизации законодательства и анализа

судебной практики Верховного Суда. В кассационных и апелляционных судах общей юрисдикции аналогичные функции выполняют отделы информатизации, судебной статистики, анализа и обобщения судебной практики.

Указанная деятельность, хотя и является вспомогательной, имеет существенное значение с точки зрения информирования судей об актуальном состоянии законодательства и судебной практики, позволяя получать полную и достоверную правовую информацию. Это, в свою очередь, дает возможность не только повысить качество правосудия, но и сформировать единообразную судебную практику.

6.3. Нормы права, предусматривающие функционирование научно-консультативных советов.

Другим правовым механизмом является деятельность формируемых при судах научно-консультативных советов. Формирование таких советов возможно в судах различного уровня (Верховный Суд РФ, кассационные и апелляционные суды общей юрисдикции, суды субъектов РФ, Суд по интеллектуальным правам, арбитражные суды первой, апелляционной и кассационной инстанций и т. д.).

Утверждаемые ими документы имеют скорее справочно-методический характер, что обусловлено несколькими причинами:

1. Термин «рекомендация» сам по себе не подразумевает обязательности применения судами правовых позиций научно-консультативных советов.

2. Научно-консультативным советам закон не предоставляет полномочий по принятию нормативных правовых актов или обязательных к применению судами актов толкования. Рекомендации научно-консультативных советов судов любого уровня в отличие от постановлений Пленума и Президиума Верховного Суда РФ, а также его обзоров судебной практики, не могут быть указаны в мотивировочной части судебного решения. Также они не являются основанием для пересмотра дела по новым или вновь открывшимся обстоятельствам.

В то же время несомненна ценность таких рекомендаций с точки зрения обобщения судебной практики, а также формулирования научно-обоснованных правовых позиций по наиболее сложным ситуациям, возникающим в практике судов. Этому во многом способствует состав научно-консультативных советов, представленный в значительной степени ведущими учеными-правоведами, которые являются признанными специалистами в конкретных отраслях права. Показательной в данном случае является структура Научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ, в составе которого образованы следующие секции: административно-правовая, гражданско-правовая, уголовно-правовая, экономико-правовая, международно-правовая.

Также существенное значение имеет публикация текстов указанных рекомендаций в периодических изданиях судов, что позволяет не ограничивать информирование о данных правовых позициях исключительно представителями судейского сообщества, а уведомлять о них максимально широкий круг лиц.

6.3. Нормы права, предусматривающие использование цифровых технологий в судебной деятельности.

Применение цифровых технологий, безусловно, положительно отражается на достижении единообразия судебной практики. Активное использование электронных справочно-правовых систем [10, с. 67], внедрение автоматизированных информационных систем в сфере судопроизводства, создание сайтов судов в сети Интернет повышают осведомленность судей и других участников процесса о действующем законодательстве, правовых позициях высших судов и существующей судебной практике. При этом особенно следует отметить положения упомянутого выше Федерального закона № 262-ФЗ, которыми предусмотрена публикация в сети Интернет информации о деятельности судов.

Кроме того, в научной литературе отмечается перспективность применения в судебной деятельности механизмов искусственного интеллекта, благодаря чему «судебные решения могут стать более предсказуемыми и понятными профессиональному сообществу и общественности» [9, с. 82].

6.4. Нормы права, регулирующие формулирование правовых позиций и обобщение судебной практики высшими судебными инстанциями.

Законодательству известны правовые механизмы, обеспечивающие единообразие судебной практики и касающиеся при этом деятельности высших судебных инстанций (Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ). В качестве примера можно привести полномочия Пленума Верховного Суда РФ по вынесению постановлений, или нормы, предусматривающие утверждение Президиумом данного суда обзоров судебной практики. Не менее существенное значение по данному вопросу имеют и постановления Конституционного Суда РФ. В указанных актах содержатся правовые позиции относительно толкования и применения правовых норм, которые должны учитываться судами при рассмотрении и разрешении конкретных дел. Поэтому можно сделать вывод об особой роли данного организационно-правового средства обеспечения единообразия судебной практики.

Подводя итог, следует отметить, что правовые средства, обеспечивающие единообразие судебной практики по гражданским делам, многочисленны и различны по своей природе. В то же время только их комплексное применение позволяет достичь непротиворечивости подходов к толкованию и применению правовых

норм. При этом допустимо классифицировать указанные правовые средства на следующие виды:

- 1) правовые средства, касающиеся определения подсудности;
- 2) правовые средства, касающиеся доказывания;
- 3) правовые средства, касающиеся формы и содержания судебных актов;
- 4) правовые средства, касающиеся публикации текстов судебных актов;
- 5) правовые средства, касающиеся проверки и пересмотра судебных актов;
- 6) организационно-правовые средства.

Список источников

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 01.04.2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 01.04.2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024 г., с изм. от 31.10.2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон от 22.12.2008 г. № 262-ФЗ (ред. от 14.07.2022 г.) «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Алексеев С.С. Правовые средства, постановка проблемы, понятие, классификация // Советское государство и право. 1987. № 6. С. 12–19.
7. Борисова Е.А. Апелляция, кассация, надзор по гражданским делам: Учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. 352 с.
8. Гаджиев Г.А. Принцип правовой определенности и роль судов в его обеспечении. Качество законов с российской точки зрения // Сравнительное конституционное обозрение. Институт права и публичной политики. 2012. № 4 (89). С. 16–28.
9. Емелина Л.А., Яворский С.А. Судебное правотворчество в эпоху цифровизации: перспективы и ограничения // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 3 (79). С. 76–85.
10. Захаров Г.Н., Туманова Л.В. // Правосудие с доставкой на дом? // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 1(69). С. 65–69.
11. Капустин О.А. Специализация как условие компетентного исполнения судьями своих полномочий // Социология и право. 2016. № 1 (31). С. 114–120.
12. Коршунова П.В. Единство судебной практики и правовые средства ее обеспечения // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки. 2019. № 2 (50). С. 25–35.

13. Макеева Ю.К. Специализация как элемент принципа профессионализма судей в Российской Федерации // *Право и государство: теория и практика*. 2019. № 8 (176). С. 34–36.
14. Матейкович М.С. О специализации и универсализации судей федеральных судов общей юрисдикции // *Судебная практика в Западной Сибири*. 2014. № 4. С. 32–34.
15. Мильков А.В. К определению понятия «Правовые средства» // *Проблемы экономики и юридической практики*. 2009. № 1. С. 113–115.
16. Пацация М.Ш. К вопросу об обеспечении доступности в кассационной инстанции в гражданском процессе как основе справедливого судебного разбирательства // *Российское правосудие*. 2019. № 9. С. 42–53.
17. Попинов П.В. Правовые средства регулирования рыночных отношений в современной России: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Нижний Новгород, 2005. 188 с.
18. Сапун В.А. Теория правовых средств и механизм реализации права. автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. Нижний Новгород, 2002. 321 с.
19. Терехова Л.А. Право на исправление судебной ошибки как компонент судебной защиты: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.15. Екатеринбург, 2008. 458 с.
20. Nylund A. Institutional Aspects of the Nordic Justice Systems: Striving for Consolidation and Settlements // *Rethinking Nordic Courts. Ius Gentium: Comparative Perspectives on Law and Justice*. 2021. № 90. С. 187–211.
21. Revesz R.L. Specialized Courts and the Administrative Lawmaking System // *University of Pennsylvania Law Review*. 1990. № 138. С. 1111–1175.

Об авторе:

РЫЖКОВ Константин Сергеевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Уральского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» (454135, г. Челябинск, ул. Энергетиков, 63), ORCID: 0000-0002-3882-6612, SPIN-код: 4924-7795, e-mail: knrz2006@yandex.ru

Classification of legal means to ensure uniformity of judicial practice in civil cases

K.S. Ryzhkov

Urals Branch, Russian State University of Justice, Chelyabinsk

The article analyzes the legal means of ensuring uniformity of judicial practice in civil cases. The essence of legal means in general and in relation to the issue considered in the article is investigated. The classification of these legal means is proposed, taking into account the analysis of the current legal regulation. Legal means have been allocated concerning the determination of the jurisdiction of a civil case, evidence in civil cases, the form and content of judicial acts, publication of judicial acts, verification and revision of judicial acts. The organizational and legal means of ensuring uniformity of judicial practice are separately considered and classified.

Keywords: *judicial act, judicial practice, uniformity of judicial practice, legal means, organizational and legal means, jurisdiction, verification of judicial acts, revision of judicial acts.*

About author:

RYZHKOV Konstantin – PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of Department of Civil Law Disciplines, Ural Branch of the Russian State University of Justice (63 Energetikov str., Chelyabinsk, 454135), ORCID: 0000-0002-3882-6612, SPIN code: 4924-7795, e-mail: knrz2006@yandex.ru

Рыжков К.С. Классификация правовых средств обеспечения единообразия судебной практики по гражданским делам // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 2 (82). С. 30–40.

Статья поступила в редакцию 02.12.2024 г.

Подписана в печать 16.06.2025 г.

Актуальные вопросы публичного права

УДК 347.51

DOI: 10.26456/vtpravo/2025.2.041

Судебная защита права граждан на возмещение вреда, причиненного их здоровью неблагоприятным воздействием окружающей среды в контексте экологической политики Российской Федерации

Ю.В. Васильчук

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье исследуются вопросы теории и практики возмещения вреда, причиненного здоровью человека неблагоприятным воздействием окружающей среды с учетом основных направлений государственной политики в сфере охраны окружающей среды. Целью исследования является выявление особенностей и проблем судебной защиты права граждан на возмещение вреда, причиненного его здоровью экологическим правонарушением, включая право на возмещение морального вреда. В качестве выводов формулируются причины, предопределяющие сложность судебной защиты данного права и некоторые пути их решения.

Ключевые слова: экологическая политика, вред, окружающая среда, негативное воздействие на окружающую среду, информация о состоянии окружающей среды, экологическое правонарушение, здоровье, судебная защита, доказывание.

В настоящее время состояние окружающей природной среды в результате развития научно-технического прогресса, роста производства, численности населения с учетом глобальных экологических проблем не отвечает требованиям благоприятности, что обуславливает необходимость выработки и реализации государственной экологической политики в целях сохранения благоприятных условий жизнедеятельности населения. Многочисленные лесные пожары, участвовавшие сбросы нефтепродуктов, несанкционированные свалки и другие проявления негативного воздействия на природу стали оборотной стороной общественного прогресса.

По мнению Н.И. Кузнецовой, под экологической политикой следует понимать системную деятельность, стратегию, политический курс, а также совокупность мер и мероприятий, осуществляемых различными субъектами экологической политики, направленных на охрану окружающей среды и ее компонентов, устранение накопленного экологического ущерба, минимизацию рисков от хозяйственной и иной деятельности человека, обеспечение экологической безопасности общества и каждого конкретного человека [14, с. 13]. Эффективное

использование природных ресурсов, развитие производства являются важнейшими факторами социально-экономического развития государства. С другой стороны, благосостояние народа, его здоровье в современных условиях в решающей степени связаны с качеством окружающей среды [15, с. 58]. При этом становится очевидным, что стратегическое экономическое развитие должно учитывать экологические факторы и быть ориентировано на неукоснительное соблюдение требований экологического законодательства. Н.И. Кузнецова верно отмечает, что подавляющее большинство совершаемых экологических преступлений так или иначе связаны именно с экономической деятельностью человека, в которой он, исходя из корыстных побуждений, наносит вред окружающей среде. Согласно статистике, ежегодно более 300 тыс. чел. преждевременно уходят из жизни из-за неблагоприятного состояния окружающей среды; к зонам экологического неблагополучия относятся около 15 % территорий Российской Федерации, где проживают более половины населения страны [14, с. 7–8].

Многочисленные исследования последних лет убедительно доказывают, что негативное состояние окружающей среды напрямую влияет на состояние здоровья населения, что приводит к увеличению количества заболеваний, появлению неспецифических болезней, повышению смертности и другим негативным последствиям. Экологический вред опасен по своей масштабности, т. к. затрагивает интересы большого количества людей, проживающих на загрязненной территории, состояние которой представляет реальную угрозу жизни и здоровью граждан, угрожает социально-демографической ситуации нынешнего и будущих поколений.

В юридической литературе по вопросу возмещения вреда, причиненного жизни и здоровью граждан в результате воздействия загрязненной окружающей среды, отмечается, что негативные факторы окружающей среды (загрязнение атмосферного воздуха, воды, продуктов питания, физические факторы – шум, электромагнитные поля и т. д.) оказывают все большее влияние на состояние здоровья населения. По данным Всемирной организации здравоохранения неблагоприятные природные факторы являются причиной дополнительных 13 млн смертей населения в мире каждый год. Около 19 % – онкологические заболевания, $\frac{1}{3}$ от всех заболеваний – болезнь детей в возрасте до 5 лет, усугубление сердечно-сосудистых и легочных заболеваний. Это далеко не исчерпывающий перечень последствий загрязнения окружающей среды. При этом большая часть негативных последствий для жизни и здоровья человека до сих пор не изучена [6, с. 37].

Несмотря на предпринимаемые в последнее время государством активные меры по снижению негативного воздействия на окружающую среду, в том числе в рамках национальных проектов «Экология» и

«Экологическое благополучие», состояние окружающей среды, ее отдельных компонентов не отвечает в полной мере требованиям безопасности и благоприятности для человека и общества в целом. В связи с этим, с учетом сложившейся экологической ситуации в Российской Федерации, особую значимость имеют вопросы возмещения вреда, причиненного здоровью граждан неблагоприятным воздействием окружающей среды. Об актуальности темы исследования свидетельствует информация о состоянии окружающей среды, ее отдельных компонентов в Докладе о состоянии окружающей среды в Тверской области в 2022 г. Одним из важнейших факторов внешней среды, определяющим условия проживания населения, является состояние атмосферного воздуха. В пробах воздуха, отобранных на посту, определялись концентрации 15 загрязняющих веществ: взвешенные вещества (пыль), диоксид серы, оксид углерода, диоксид азота, оксид азота, сероводород, формальдегид, бенз(а)пирен, медь, никель, хром, железо, марганец, цинк, свинец. Всего за год было отобрано 6 333 пробы. По значению комплексного индекса загрязнения атмосферы (ИЗА), уровень загрязнения воздуха в Твери в 2022 г. характеризовался как «повышенный». За последние пять лет в атмосферном воздухе г. Твери наблюдается тенденция повышения концентрации оксида углерода, диоксида азота, снижения – бенз(а)пирена» [13, с. 21–22].

Особо следует отметить проблему обеспечения качественной питьевой водой, которая приобретает определяющее значение для здоровья населения Тверской области. Согласно Докладу о состоянии окружающей среды в Тверской области за 2022 г. практически все источники подвергаются антропогенному воздействию разной интенсивности. Наиболее сильно подвержены загрязнению поверхностные воды. На качество воды из артезианских скважин влияет несоблюдение режима эксплуатации зон санитарной охраны и ненадлежащее содержание водоисточников. В 2022 г. исследовано 1 909 проб воды из подземных источников централизованного водоснабжения. Доля проб воды, не соответствующих гигиеническим нормативам, составила 38,4 %, что выше среднероссийского показателя (30,3 %). В 15 районах Тверской области доля проб воды из подземных источников водоснабжения не соответствуют гигиеническим нормативам по санитарно-химическим показателям [13, с. 36].

Среди основных причин загрязнения следует назвать отсутствие в достаточном количестве эффективного комплекса современных систем и технологий очистки и обеззараживания сточных вод, в результате чего в водные объекты поступает большое количество загрязняющих веществ, включая нефтепродукты, фенолы, соединения меди, железа, формальдегид и другие, которые не только ухудшают органолептические свойства воды, но и оказывают физиологическое воздействие на

человеческий организм [11, с. 66]. Определенная работа в субъектах Российской Федерации, в том числе в Тверской области, по разработке соответствующей документации, проектированию и строительству (реконструкции) очистных сооружений осуществлялась в рамках проекта «Оздоровление р. Волги», однако в силу финансовых, организационных и иных факторов кардинально не изменила сложившуюся ситуацию.

М.И. Васильева верно отмечала, что в экологическом праве возмещение вреда здоровью граждан составляет неординарную правовую проблему, что объясняется исключительностью характера самого вреда. С точки зрения медицинских аспектов экологии здоровье понимается как сбалансированность между приспособительными возможностями организма и состоянием окружающей среды, ухудшение качества окружающей среды нарушает этот баланс, и, как следствие, возникает расстройство здоровья. Доказано достоверное увеличение заболеваемости населения, проживающего на наиболее загрязненных территориях. Вклад только лишь загрязнения атмосферного воздуха в суммарную заболеваемость взрослого населения составляет примерно 10 %, а в заболевании детей – более 30 %, причем в заболевании органов дыхания – около 50 %. Что касается данных о доле заболеваемости, обусловленной загрязнением окружающей среды, то в общей заболеваемости и ее вкладе в ухудшение здоровья: от 7–10 % до 40–60 %. По большинству известных оценок, примерно 20 % заболеваемости населения обусловлено действием факторов окружающей среды (природно-климатические факторы и качество окружающей среды), а на некоторых территориях этот процент значительно выше [9, с. 26–27].

Вред, причиненный здоровью граждан неблагоприятным воздействием окружающей среды, следует отличать от вреда, причиненного окружающей среде. Вместе с тем Н.Г. Жаворонкова и Г.В. Выпханова справедливо отмечают, что системное рассмотрение вреда, причиненного нарушением законодательства в области охраны окружающей среды, вызывает необходимость пересмотра методологических подходов к возмещению вреда, нанесенного здоровью и имуществу граждан. В частности, эффективность законодательства о вреде окружающей среде можно и нужно оценивать не только в количественных и качественных критериях объема и видов загрязнения, нарушения, изъятия ее компонентов, но также исходя из категории «качество жизни», устойчивого развития территорий, обеспечивающего безопасность и благоприятные условия жизнедеятельности человека, ограничение негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду, охрану и рациональное использование природных ресурсов в интересах настоящего и будущего поколений с точки зрения восприятия населением региона результата природоохранной политики. Тем более важно использование понятия «вред окружающей среде» в контексте

вреда населению [12, с. 64]. Действительно, возмещение вреда, причиненного окружающей среде, ее отдельным компонентам в результате хозяйственной и иной деятельности, имеет важное значение, т. к. первоначально вред причиняется окружающей среде и выражается, допустим, в загрязнении водного объекта химическими веществами (например, в результате сброса сточных вод, химического загрязнения нефтепродуктами), в загрязнении атмосферного воздуха, в загрязнении почв путем поступления вредных химических веществ и т. п. Источники загрязнения или иного изменения свойств природных объектов многообразны, их классифицируют по различным основаниям, например, в зависимости от вида загрязнения выделяют химическое, физическое, биологическое. В большинстве случаев источником загрязнения является антропогенная деятельность человека, прежде всего хозяйственная, связанная с осуществлением отдельных видов экономической деятельности, приводящая к причинению вреда природным объектам и ресурсам. При этом вред окружающей среде может причиняться как в результате деятельности конкретного предприятия (группы предприятий), в том числе относящегося к группе экологически опасных (например, нефтеперерабатывающего комплекса), иных химических, металлургических предприятий, так и возникать вследствие сочетания различного рода факторов, в том числе на первый взгляд безобидных. Так, в г. Твери основным источником загрязнения атмосферного воздуха является автотранспорт. Достаточно часто вред окружающей природной среде причиняется в результате суммарного влияния различных источников негативного воздействия, включая хозяйственную деятельность, повлекшую загрязнение природных объектов, размещения несанкционированных свалок, незаконной рубки лесов и т. п. Не исключено, безусловно, и причинение вреда окружающей природной среде в результате природных явлений и бедствий, однако в большинстве своем антропогенный источник превалирует в структуре различных форм негативного воздействия на природу.

Правовое регулирование отношений, связанных с возмещением вреда, причиненного жизни и здоровью граждан экологическим правонарушением, отличается определенной новизной, обусловленной развитием правового института экологических прав граждан. Право граждан на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением, закрепленное в ст. 42 Конституции РФ, находит свое дальнейшее развитие в различных нормативных правовых актах [1]. Одновременно следует отметить отсутствие в настоящее время специального федерального закона, системно регулирующего данные правоотношения. Нормы экологического законодательства закрепляют общие положения о праве граждан на возмещение вреда применительно к отдельным видам

хозяйственной деятельности. В качестве примера можно привести ч. 2 ст. 29 Федерального закона «Об охране атмосферного воздуха»: граждане и общественные объединения имеют право предъявлять иски о возмещении вреда здоровью и имуществу граждан, окружающей среде, причиненного загрязнением атмосферного воздуха [5]. При изучении данного вопроса необходимо учитывать положения Основ законодательства об охране здоровья граждан, в частности, в соответствии со ст. 18 данного нормативного правового акта каждому гарантируется право на охрану здоровья, которое обеспечивается в том числе охраной окружающей среды. Федеральный закон от 10.01.2002 г. «Об охране окружающей среды» в ст. 79 закрепляет положение о том, что вред, причиненный здоровью и имуществу граждан негативным воздействием окружающей среды в результате хозяйственной и иной деятельности юридических и физических лиц, подлежит возмещению в полном объеме [4]. Определение объема и размера возмещения вреда, причиненного здоровью и имуществу граждан в результате нарушения законодательства в области охраны окружающей среды, осуществляется в соответствии с законодательством. Речь идет прежде всего о гражданском законодательстве. Так, в соответствии со ст. 1064 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред. На основании ст. 1085 ГК РФ, при причинении гражданину увечья или ином повреждении его здоровья возмещению подлежит утраченный потерпевшим заработок (доход), который он имел либо определенно мог иметь, а также дополнительно понесенные расходы, вызванные повреждением здоровья, в том числе расходы на лечение, дополнительное питание, приобретение лекарств, протезирование, посторонний уход, санаторно-курортное лечение, приобретение специальных транспортных средств, подготовку к другой профессии, если установлено, что потерпевший нуждается в этих видах помощи и ухода и не имеет права на их бесплатное получение [3].

Различные негативные воздействия человека на природу, влекущие загрязнение, истощение природных ресурсов, сокращение биоразнообразия, деградацию и другие неблагоприятные последствия, возникают в результате как правомерных, так и неправомерных действий. Далее загрязненная окружающая природная среда, ее отдельные компоненты оказывают негативное воздействие на условия проживания, здоровье и даже жизнь человека. Природа как бы опосредует все негативное антропогенное воздействие, не являясь при этом непосредственным источником причинения такого вреда в отношении человека. К подобному мнению приходит и Л.И. Брославский, отмечая, что экологический вред как следствие хозяйственной и иной деятельности человека может наступить в

результате: 1) нарушения законодательных и иных нормативных правовых актов, в том числе обязательных стандартов, технических регламентов, санитарных правил и других актов технического регулирования, закрепляющих требования к качеству объектов (компонентов) окружающей среды и потенциальным источникам ее ухудшения; 2) правомерных действий хозяйствующего субъекта – природопользователя [8, с. 37–43].

Возмещение вреда, причиненного неблагоприятным воздействием окружающей среды, в судебном порядке происходит в рамках гражданской ответственности за причинение вреда здоровью, а значит в предмет доказывания по такого рода делам входят следующие обстоятельства: 1) факт причинения вреда здоровью; 2) факт причинения вреда здоровью неблагоприятным воздействием окружающей среды; 3) факт неправомерной (противоправной деятельности) причинителя вреда (факт правонарушения или преступления); 4) наличие причинно-следственной связи между причинением вреда здоровью и противоправной деятельностью причинителя вреда (ответчиком).

Прежде всего истцу необходимо доказать, что причиненный вред здоровью носит экологически обусловленный характер. Напомним, что согласно Уставу Всемирной организации здравоохранения, здоровье – это не просто отсутствие болезней или физических недостатков, а состояние полного физического, душевного или социального благополучия [2]. Однако, если вы обратитесь в органы здравоохранения, то вряд ли врач даст заключение о связи заболевания с негативными факторами окружающей среды. Вместе с тем взаимосвязь между отдельными видами негативного воздействия на окружающую среду и рядом заболеваний, в том числе неспецифичных, очевидна. М.И. Васильева, анализируя правовые вопросы возмещения такого вреда, справедливо отмечала, что субъективно для человека вред выражается в заболевании, ином расстройстве здоровья, негативных генетических эффектах, нравственных и физических страданиях, снижении работоспособности. Экологическое воздействие может выступать как в роли катализатора, ускоряя и усиливая течение многих неспецифичных болезней, так и быть непосредственной причиной их возникновения. В частности, могут возникать заболевания, связанные исключительно или преимущественно с загрязнением окружающей среды. В масштабах общества экологически обусловленная заболеваемость является одной из причин роста общей заболеваемости, снижения продолжительности жизни, фактором ухудшения демографической ситуации. При этом отсутствуют как юридические механизмы, так и экономические методики оценки ущерба. Выявление и оценка взаимосвязей в системе «общество–здоровье», а также выраженности долевого вклада отдельных видов загрязнений окружающей среды в развитие основных форм патологий человека является трудной задачей [9, с. 27–28].

Как отмечают специалисты в сфере медицины, с усилением антропогенного воздействия на окружающую среду увеличивается и количество экологических проблем, в том числе и в Тверской области. В то же время известна взаимосвязь состояния окружающей среды и заболевания населения. Основными источниками загрязнения воздушного бассейна в Тверской области являются предприятия химической и нефтехимической промышленности, железнодорожного машиностроения, стекловолоконных соединений, энергетики, автотранспорт [8, с. 66]. Ученые отмечают, что здоровье детей и подростков имеет особое медико-социальное значение, определяя настоящее и будущее здоровье популяции. На формирование здоровья влияет большое число факторов, в частности индивидуальные особенности организма и климатические условия. В ряде исследований установлено, что удельный вес этих факторов меняется в зависимости от конкретных условий каждой страны, региона, даже микрорайона. Под влиянием факторов окружающей среды на организм человека не только формируется адаптивная функция, но и происходят негативные изменения здоровья: воздействие факторов окружающей среды влечет за собой нагрузку на деятельность всех систем и органов, вызывая неспецифические ответные реакции, выражающиеся в нарушениях системного характера, росте общей и нозологической заболеваемости [16, с. 562].

На сегодняшний день взаимосвязь между целым рядом специфических и неспецифических заболеваний, ухудшением здоровья и определенными источниками загрязнения не вызывает сомнения у специалистов. Так, проживание рядом с цементным заводом приводит к заболеваниям органов дыхания, раку легких; близость целлюлозно-бумажного комбината провоцирует заболевания дыхательных органов, астму, аллергию и другие заболевания. Возможны и генетические изменения, вызванные негативным воздействием окружающей среды, которые могут проявляться и в следующих поколениях.

С данным выводом трудно не согласиться. В реальной действительности расстройство здоровья напрямую сопряжено с проживанием в экологически неблагоприятном районе или в непосредственной близости от вредного промышленного производства, но невероятно сложно доказать наличие причинно-следственной связи между загрязнением окружающей среды и экологическим вредом, причиненном жизни и здоровью граждан.

По своей правовой природе экологический вред может быть как правомерным, так и неправомерным. Применительно к рассматриваемому вопросу о праве граждан на возмещение вреда, причиненного его жизни и здоровью неблагоприятным состоянием окружающей среды, следует отметить, что в судебном порядке может быть возмещен вред, причинный в результате экологического

правонарушения, в связи с чем истцу необходимо доказать, что вред его здоровью был причинен противоправной деятельностью ответчика. Как уже отмечалось ранее, хозяйственная деятельность сама по себе является источником негативного воздействия на окружающую среду, но важно установить, что имело место не просто неправомерное деяние ответчика, но и наступление последствий в результате такого деяния. Например, выброс загрязняющих веществ в атмосферу осуществлялся при отсутствии соответствующего разрешения, при сбросе загрязняющих веществ сточных вод в водный объект имело место несоблюдение установленных нормативов, что явилось причиной появления заболеваний у граждан. Не исключено, как отмечалось ранее, совокупное воздействие различного рода факторов негативного воздействия на окружающую среду. По сути речь идет о нарушении права граждан на благоприятную окружающую среду. При этом любая хозяйственная и иная деятельность оказывает негативное воздействие на окружающую среду и создает угрозы ее благоприятному состоянию. Важно учитывать, что степень такого воздействия различна и может осуществляться с соблюдением норм и требований экологического законодательства либо с их нарушением (несоблюдением), быть неправомерной по своему характеру [10, с. 169–181].

Требует доказывания в суде причинная связь между противоправной деятельностью ответчика и вредом, причиненном здоровью граждан неблагоприятным воздействием окружающей среды в результате противоправной деятельности ответчика. Сложность установления и доказывания причинной связи между неблагоприятным воздействием окружающей среды и наступлением вреда здоровью обусловила небольшое количество исков о возмещении вреда, причиненного таким воздействием.

Г.Д. Богданова, Д.В. Галкина отмечают, что между такими правонарушениями и наступившими неблагоприятными последствиями для граждан могут пройти целые годы, в течение которых этот вред возникает и со временем все сложнее установить причинно-следственную связь между деянием субъекта, нарушившего экологическое законодательство и наступившими неблагоприятными последствиями для самой окружающей природной среды, человека. Так, в решении Киселевского городского суда Кемеровской области от 31.10.2011 г. по иску гр. Ф к ответчику ООО «Участок-Коксовый» из-за неправомерной деятельности последнего, по мнению истца, выражающейся в добыче угля и его отвале в непосредственной близости от дома истца, в связи с чем общий уровень пыли в воздухе вызвал проблемы со здоровьем, что подтверждено медицинским заключением, судом было отказано в удовлетворении заявленных требований по причине отсутствия достаточных доказательств, которые позволили бы с уверенностью определить причинно-следственную связь между

деятельностью ответчика и ухудшившимся здоровьем истца. В частности, суд отметил, что представленные результаты исследования недостаточны для определения вины ответчика, в связи с чем необходимо было провести экспертизу общего фона по всему району города в целом, т. е. оценить общую экологическую обстановку [7, с. 17–24].

В случае предъявления иска о возмещении экогенного вреда здоровью неизбежно назначение судебной экспертизы. Необходимо определить принадлежность вещества какому-либо источнику загрязнения (причинная связь между загрязнением окружающей среды и деятельностью конкретных субъектов). Это может быть установлено непосредственно судом на основании представленных гражданином сведений о состоянии окружающей среды в определенный период в месте его постоянного либо непродолжительного пребывания. Однако далеко не всегда население владеет в полном объеме информацией о состоянии окружающей среды, экологических правонарушениях и не предполагает прямой взаимосвязи между уровнем здоровья и неправомерной экологически неблагоприятной деятельностью. Таким образом, защита права граждан на возмещение вреда, причиненного их здоровью неблагоприятным воздействием окружающей среды, напрямую зависит от своевременного и достоверного информирования населения о состоянии окружающей среды, выявляемых нарушениях экологического законодательства. Отметим, что с 2021 г. органы государственной власти и местного самоуправления обязаны размещать экологическую информацию на своих официальных сайтах, включая сообщения (данные) о состоянии и загрязнении атмосферного воздуха, поверхностных водных объектах, почв, об обращении с отходами производства и потребления, о стационарных источниках, об уровне и (или) объеме или о массе выбросов, сбросов загрязняющих веществ и др.

Существует возможность компенсации морального вреда в результате причинения вреда здоровью граждан неблагоприятным воздействием окружающей среды, что подтверждено Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования», и на сегодняшний день является альтернативой возмещения реального вреда, причиненного жизни и здоровью граждан неблагоприятным воздействием окружающей среды [18]. Вместе с тем по искам о возмещении морального вреда, причиненного неблагоприятным воздействием окружающей среды, также возникают сложности доказывания факта причинения такого вреда и предоставления доказательств того, что ответчик является причинителем данного вреда. Так, истец обратился в суд с иском о взыскании компенсации морального вреда, мотивируя требования тем, что в результате деятельности мусоросжигательного завода на жилые

дома распространяется зловонный запах, выбросы вредных веществ, что влечет за собой влияние на здоровье населения, рост заболеваний, нарушение их права на благоприятную окружающую среду. Суд первой инстанции в заявлении указанных требований отказал. Судебная коллегия по гражданским делам Московского городского суда по делу № 33-42596/19, оставляя апелляционную жалобу без удовлетворения, отметила, что суду не были представлены доказательства наличия причинной связи между выбросами вредных веществ в атмосферу и состоянием здоровья истца. В ходе рассмотрения дела было установлено, что размещение данного объекта согласовано в установленном законом порядке, выбросы осуществляются на основе специального разрешения и находятся в пределах предельно допустимых выбросов. Выброс вредных веществ мусоросжигательным заводом без разрешения (ответчик привлекался к административной ответственности по ч. 1 ст. 8.21 КоАП РФ) не свидетельствует о безусловном причинении вреда истцу, поскольку такой выброс мог быть осуществлен и при наличии специального разрешения. При этом вопрос определения критериев безопасности или вредности воздействия неблагоприятных факторов (выбросов) на людей, растения и животных, особо охраняемые природные территории либо оценки состояния атмосферного воздуха не рассматривался [19].

Несмотря на снижение некоторых показателей по уровню загрязнения отдельными веществами, современное состояние окружающей среды в целом можно признать неблагоприятным. Безусловно, следует отметить некоторые позитивные изменения показателей по уровню загрязнения отдельных природных объектов в результате принимаемых государством мер, в частности в рамках национального проекта «Экология», и осознанием определенной частью общества важности, а в некоторых случаях – приоритетности существующих экологических проблем, что отражается в том числе на принятии управленческих решений, определении стратегических задач и направлений современной государственной экологической политики.

Судебная практика возмещения вреда, в том числе и морального, по-прежнему невелика, что обусловлено прежде всего сложностью доказывания как самого вреда, так и причинно-следственной связи между экологическим правонарушением, повлекшим загрязнение окружающей среды, и здоровьем человека. Сам факт совершения экологического правонарушения ответчиком также не является безусловным доказательством причинения вреда здоровью человека и требует доказывания причинно-следственной связи с наступившим вредом для здоровья.

Несмотря на развитие современных информационных ресурсов существуют проблемы, связанные со своевременным и достоверным информированием населения о состоянии отдельных компонентов

окружающей среды, подвергшихся неблагоприятному воздействию в результате конкретных субъектов хозяйственной и иной деятельности, в связи с признанием их виновными в установленном законе порядке в совершении экологических правонарушений.

Особенностью экологического вреда является его причинение в совокупности несколькими источниками, относящимися к объектам, отличающимся уровнем негативного воздействия на окружающую среду.

Инициирование небольшого количества дел о возмещении вреда, причиненного жизни и здоровью граждан неблагоприятным воздействием окружающей среды, обусловлено также проблемой доступа к правосудию по причине несения значительных судебных расходов, обусловленных необходимостью проведения судебных экспертиз. Представляется целесообразным также изменение бремени доказывания по данной категории дел.

В реальности невозможно в полной мере возместить вред, причиненный здоровью негативным воздействием окружающей среды, в лучшем случае речь может идти о соразмерности компенсации, в том числе в денежной форме. Как верно отмечает А.Я. Рыженков, «материальная оценка вреда окружающей среде и здоровью граждан весьма условна» [17, с. 79].

Это означает, что основные усилия государства должны быть сосредоточены на предотвращении и предупреждении причинения такого вреда и окружающей среде, и здоровью населения. Специфика возмещения вреда, причиненного здоровью граждан неблагоприятным воздействием окружающей среды, требует специального правового регулирования, включая закрепление в процессуальном законодательстве особенностей рассмотрения данной категории дел.

Необходимо развивать конвергенцию и дальнейшее взаимопроникновение междисциплинарного взаимодействия в целях выявления и исследования объективно существующих факторов влияния измененных под влиянием хозяйственной и иной деятельности людей компонентов окружающей среды на среду обитания, условия жизни и здоровье различных половозрастных групп, при этом основу должны составлять результаты естественно-научных исследований.

Принципиально важно объединение усилий представителей разных направлений науки: медиков, экологов, правоведов, биологов, химиков, физиков; только консолидация научного сообщества по исследованию последствий негативного воздействия химического, физического и биологического загрязнения окружающей среды, в том числе в части их влияния на здоровье человека, позволит сохранить не только окружающую среду, но и качество жизни и здоровья населения.

Неблагоприятное состояние окружающей среды требует принятия более эффективных мер предупредительного характера с целью обеспечения конституционного права граждан на благоприятную

окружающую среду, состояние которой не должно представлять угрозу их жизни и здоровью.

Технический прогресс должен быть направлен на минимизацию вредного воздействия производства с одновременным повышением заинтересованности хозяйствующих субъектов в экологической модернизации производства, внедрении новых очистных сооружений, развитии ресурсосберегающих и экологически эффективных технологий с целью снижения негативного воздействия на окружающую среду. Кроме того, соблюдение предусмотренных законодательством экологических требований наряду с обеспечением неотвратимости юридической ответственности требуют повышения уровня экологического образования и воспитания, ответственного отношения всего общества к вопросам охраны окружающей среды.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12.12.1993 г., с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г. // СПС «КонсультантПлюс».
2. Устав ВОЗ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.who.int/ru/about/governance/constitution> (дата обращения: 15.04.2025).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 13.12.2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон от 10.01.2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Федеральный закон от 04.05.1999 г. № 96-ФЗ (ред. от 08.08.2024 г.) «Об охране атмосферного воздуха» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Анисимов А.П., Каюшникова Ю.Е. Возмещение вреда, причиненного здоровью человека экологическим правонарушением // Правовая парадигма. 2017. Т. 16, № 2. С. 36–44.
7. Богданова Т.Г. Галкина Д.В. Возмещение вреда, причиненного экологическим правонарушением // Актуальные исследования. 2023. № 2 (132) С. 17–24.
8. Брославский Л.И. России нужен закон о возмещении экологического вреда // Экологическое право. 2020. № 3. С. 37–43.
9. Васильева М.И. Правовые проблемы возмещения вреда, причиняемого здоровью граждан неблагоприятным воздействием окружающей среды // Государство и право. 2008. № 10. С. 26–27.
10. Васильчук Ю.В. Макушенко Е.А. Понятие и особенности судебной защиты права граждан на благоприятную окружающую среду (с учетом практики Волжской природоохранной прокуратуры) // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2018. № 1. С. 169–181.
11. Виноградова М.Г. Артемьева Е.А. Некоторые экологические проблемы Тверской области и здоровье населения // Успехи современного естествознания. 2008. № 10. С. 66–67.

12. Выпханова Г.В., Жаворонкова Н.Г. теоретико-правовые проблемы возмещения вреда, причиненного окружающей среде // Lex russica. 2018. № 3(136). С. 52-67.

13. Доклад о состоянии и охране окружающей среды в Тверской области в 2002г. [Электронный ресурс]. URL: https://xn--d1ahaoghfib6i.xn--80aaccp4ajwpkgbl4lpb.xn--p1ai/deyatelnost-iogv/napravleniya/okhrana-okruzhayushchey-sredy/%D0%93%D0%BE%D1%81%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4%20%D0%B7%D0%B0%202022_%D0%B3%D0%BE%D0%B4.pdf (дата обращения: 15.04.2025).

14. Кузнецова Н.И. Уголовная политика в сфере обеспечения экологической безопасности. СПб., 2023. 164 с.

15. Лукьянчинков Н.Н., Потравный И.М. Экономика и организация природопользования : учебник для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ, 2007. 591 с.

16. Лучанинова В.Н., Цветкова М.М., Веремчук Л.В., Крукович Е.В., Мостовая И.Д. Состояние здоровья детей и подростков и факторы, влияющие на его формирование // Гигиена и санитария. 2017. № 96(6). С. 561–568.

17. Рыженков А.Я. Правовое регулирование возмещения экологического вреда: проблемы теории и практики // Вестник Университета им О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 3. С. 77–85.

18. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 г. № 21 (ред. от 15.12.2022 г.) «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» // СПС «КонсультантПлюс».

19. Решение Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 24.09.2019 г. по делу № 33-42596/2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/11110b10-c658-4d2d-afd9-6092886c72cf> (дата обращения: 15.04.2025).

Об авторе:

ВАСИЛЬЧУК Юлия Владимировна – кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой экологического права и правового обеспечения профессиональной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 2840-5509; e-mail: vasilchuk.74@mail.ru

Judicial protection of the right of citizens to compensation for harm caused to their health by adverse environmental impacts in the context of the environmental policy of the Russian Federation

Yu.V. Vasilchuk

Tver State University, Tver

The article examines the issues of theory and practice of compensation for harm caused to human health by adverse environmental impacts, taking into account the main directions of state policy in the field of environmental protection. The purpose of the study is to identify the features and problems of judicial protection of the right of citizens to compensation for harm caused to their health by an environmental offense, including the right to compensation for moral damage. The conclusions include the reasons that determine the complexity of judicial protection of this right and some ways to solve them.

Keywords: *environmental policy, harm, environment, negative impact on the environment, information on the state of the environment, environmental offense, health, judicial protection, proof.*

About author:

VASILCHUK Yulia – PhD in Law, assistant professor, head of chair of environmental law and legal support of professional activity Tver State University (170100, Tver, ul. Zhelyabova, 33), SPIN-code: 2840-5509, e-mail: vasilchuk.74@mail.ru

Васильчук Ю.В. Судебная защита права граждан на возмещение вреда, причиненного их здоровью неблагоприятным воздействием окружающей среды в контексте экологической политики Российской Федерации // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 2 (82). С. 41–55.

Статья поступила в редакцию 25.05.2025 г.

Подписана в печать 16.06.2025 г.

Направления совершенствования правового регулирования деятельности лиц в сфере таможенного дела

А.Б. Вобликов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Объектом исследования являются правоотношения, возникающие в связи с деятельностью лиц в сфере таможенного дела. Предметом исследования выступают нормы таможенного права. Целью исследования является установление пробелов в правовом регулировании деятельности лиц в сфере таможенного дела с учетом последних изменений таможенного законодательства, разработка предложений по совершенствованию правовых норм, регламентирующих деятельность указанных лиц, в частности операторов электронной торговли. Необходимо скорректировать нормы, регламентирующие осуществление деятельности лиц в сфере таможенного дела.

Ключевые слова: *таможенное законодательство, нормы таможенного права, деятельность лиц в сфере таможенного дела, оператор электронной торговли, таможенные операции, таможенное декларирование.*

С принятием Федерального закона от 08.08.2024 г. № 229-ФЗ «О ратификации Протокола о внесении изменений в договор о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза» [3] претерпели существенную корректировку положения Таможенного кодекса Евразийского экономического союза (далее – ТК ЕАЭС) [1] о лицах, осуществляющих деятельность в сфере таможенного дела, о таможенных операциях и таможенном декларировании. Таможенным законодательством ЕАЭС и законодательными актами Российской Федерации предусмотрена возможность осуществления деятельности в сфере таможенного дела таможенным представителем, таможенным перевозчиком, владельцем склада временного хранения, владельцем таможенного склада, владельцем свободного склада, владельцем магазина беспошлинной торговли и новым лицом – оператором электронной торговли. Следует отметить, что правовой статус уполномоченного экономического оператора в рамках данного исследования не рассматривается. Таможенным законодательством понятие лица, осуществляющего деятельность в сфере таможенного дела, определяется рядом признаков. Признак конкретного лица в ТК ЕАЭС определен его видом деятельности. Таможенный представитель совершает от имени заинтересованных лиц и по их поручению таможенные операции; таможенный перевозчик перемещает находящиеся под таможенным контролем товары; владелец склада

© Вобликов А.Б., 2025

временного хранения совершает операции, связанные с временным хранением товаров, в отношении которых осуществляется таможенный контроль; владелец таможенного склада реализует соответствующую таможенную процедуру; владелец свободного склада размещает и использует товары в соответствии с таможенной процедурой свободного склада; владелец магазина беспошлинной торговли хранит и реализует товары, обеспечивая исполнение требований таможенной процедуры беспошлинной торговли; оператор электронной торговли совершает операции с товарами электронной торговли. В ст. 2 ТК ЕАЭС «Определения» указано понятие таможенного представителя. Определений других лиц, осуществляющих деятельность в сфере таможенного дела, нет. Это позволяет предположить необходимость корректировки данной статьи с целью точного и четкого определения каждого лица, которое в соответствии с разделом 8 ТК ЕАЭС относится к лицам, осуществляющим деятельность в сфере таможенного дела.

Лицом, осуществляющим деятельность в сфере таможенного дела, может быть признано юридическое лицо государства, входящего в состав Евразийского экономического союза (далее – Союза). В Российской Федерации признаются юридическими лицами способные осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности организации, обладающие обособленным имуществом [2]. Налоговая служба Российской Федерации ведет единый государственный реестр юридических лиц. Помимо этого реестра юридическое лицо должно быть включено в соответствующий реестр Федеральной таможенной службы Российской Федерации (далее – ФТС РФ). Эти обязательные условия для всех лиц, осуществляющих деятельность в сфере таможенного дела, указаны в главах ТК ЕАЭС различным образом, но в основном в нормах, устанавливающих условия для включения лица в соответствующий реестр.

Специфика и особенности функционирования конкретных лиц, осуществляющих деятельность в сфере таможенного, закреплены в ТК ЕАЭС и иных нормативных актах. Одним из направлений совершенствования законодательства о лицах, осуществляющих деятельность в сфере таможенного дела, является правовое регулирование имеющих место внешнеторговых операций, которые интенсивно развиваются и занимают существенную нишу внешней торговли в интересах физических лиц. К таким операциям относится внешнеторговый обмен с использованием сети Интернет. Регламентация данного вида внешнеторговой деятельности выразилась в создании нового лица, осуществляющего деятельность в сфере таможенного дела, – оператора электронной торговли. Деятельность оператора электронной торговли может осуществляться после включения в соответствующий реестр таможенным органом государства, входящего в состав Евразийского экономического союза. Помимо общих требований к

лицам, осуществляющим деятельность в сфере таможенного дела, оператор электронной торговли обязан иметь информационную систему, которая обеспечит его взаимодействие с таможенными органами.

Содержание деятельности оператора электронной торговли, в соответствии с положениями ст. 429.1 ТК ЕАЭС, состоит в совершении таможенных операций. Предметом таких операций обозначены товары, входящие в специфическую группу товаров электронной торговли.

Законодательством обозначены признаки товаров электронной торговли – это приобретенные физическими лицами либо перемещаемые с целью продажи физическим лицам товары, которые реализуются на электронных площадках с использованием сети Интернет.

Конкретизация таможенных операций, осуществляемых оператором электронной торговли, в указанной норме отсутствует. Между тем законодательством предусмотрены многочисленные таможенные операции, связанные с прибытием товаров на таможенную территорию, их убытием с этой территории, временным хранением, декларированием, выпуском товаров. Кроме перечисленных операций законодательством предусмотрены таможенные операции, связанные с трансграничным перемещением товаров без помещения их под таможенные процедуры: перемещение товаров в международных почтовых отправлениях, перемещение припасов, перемещение товаров отдельными категориями иностранных лиц и др.

Некоторые особенности совершения таможенных операций в отношении товаров электронной торговли обозначены в гл. 43.1 ТК ЕАЭС как операции, совершаемые декларантом при приобретении таких товаров физическими лицами либо в отношении предназначенных для реализации физическим лицам товаров. В первом случае товары подлежат выпуску без помещения под таможенные процедуры, во втором – могут быть помещены под таможенные процедуры таможенного склада, выпуска для внутреннего потребления или реэкспорта. Особенности таможенной операции временного хранения для товаров электронной торговли выражаются в возможности осуществления этой операции на складах оператора электронной торговли, без обращения к услугам владельца склада временного хранения. Законодательством предусмотрены особенности декларирования товаров электронной торговли. Физические лица при приобретении этой категории товаров могут выступать в качестве декларантов при достижении шестнадцатилетнего возраста, что соответствует общим требованиям к декларантам – физическим лицам, перемещающим через таможенную границу товары для личных целей. При помещении товаров электронной торговли под таможенные процедуры декларирование осуществляется оператором электронной торговли. Декларирование товаров осуществляется с применением декларации на товары, транзитной декларации, пассажирской

таможенной декларации, декларации на транспортное средство. Особенностью таможенной операции декларирования товаров электронной торговли является необходимость использования нового вида декларации – декларации на товары электронной торговли (ст. 105 ТК ЕАЭС). Таким образом, исключена возможность использования декларации на товары и пассажирской декларации. При помещении товара под таможенную процедуру таможенного транзита оператор электронной торговли может использовать транзитную декларацию.

Деятельность таможенного представителя заключается в совершении таможенных операций от имени представляемого лица. Базовая таможенная операция, осуществляемая таможенным представителем, – таможенное декларирование. Именно при таможенном декларировании возникают вопросы и проблемы, требующие на определенном этапе корректировки некоторых правовых положений. Круг лиц, прибегающих к услугам таможенного представителя, достаточно широк. Иностранные лица в соответствии с действующими нормами права не могут от своего имени осуществлять таможенное декларирование, за исключением крайне малого перечня обстоятельств и в отношении чрезвычайно ограниченного перечня таможенных процедур, под которые помещаются товары. Речь может идти о декларировании иностранным перевозчиком товаров при помещении их под таможенную процедуру таможенного транзита. Дипломатические представительства, консульские учреждения, зарегистрированные в соответствии с законодательством стран, входящих в Евразийский экономический союз, филиалы иностранных организаций вправе осуществлять от своего имени декларирование только тех товаров, которые предназначены для их собственных нужд. В иных случаях иностранные лица обращаются к услугам таможенных представителей, включенных в реестр таможенных представителей ФТС РФ. Все реестры лиц, осуществляющих деятельность в сфере таможенного дела государств ЕАЭС, ведет ФТС РФ. Представляется, что установленные таможенным законодательством ограничения права таможенного декларирования иностранными лицами вполне обоснованны. При таможенном декларировании товаров совершается большая часть нарушений таможенного законодательства. Основные нарушения связаны с занижением таможенной стоимости товаров и предоставлением недостоверной классификации товаров по товарной номенклатуре внешнеторговой деятельности. По сведениям ФТС РФ за 1 квартал 2025 г. такие нарушения выявлены на сумму 18,8 млрд рублей, что на 28 % больше чем за 1 квартал 2024 г. (14,3 млрд рублей). В бюджет дополнительно перечислено 14,9 млрд рублей (на 26 % больше чем за 1 квартал 2024 г. – 11,9 млрд рублей) [4]. Результативная работа таможенных органов по выявлению указанных нарушений законодательства, их пресечению, привлечению к ответственности

правонарушителей и взысканию подлежащих уплате таможенных платежей возможна в отношении лиц государств, входящих в состав Евразийского экономического союза. Именно такими лицами являются таможенные представители, включенные в соответствующий реестр ФТС РФ. Осуществляя таможенные операции от имени лица, заключившего с ним соответствующий договор, таможенный представитель несет с этим лицом солидарную ответственность, связанную с уплатой всех видов таможенных платежей.

Выявление и пресечение нарушений таможенного законодательства таможенными представителями таможенные органы осуществляют, применяя таможенный контроль после выпуска товаров. Первоначально таможенный контроль осуществляется при решении вопроса о включении юридического лица в соответствующий реестр ФТС РФ. На этом этапе юридическое лицо представляет сведения о наличии договора страхования риска гражданской ответственности и об обеспечении соблюдения обязанностей осуществляющего деятельность в сфере таможенного дела юридического лица, предусматривающего уплату таможенных платежей. Страхование риска гражданской ответственности связано с возмещением вреда лицу, заключившему договор о совершении от его имени таможенных операций, например в случае некачественного проведения таможенных операций, недостоверного декларирования и утраты в связи с этим товаров и денежных средств. Обеспечение обязанностей таможенного представителя направлено на внесение в федеральный бюджет таможенных платежей, неуплата или занижение которых произошли в результате действий таможенного представителя. В отношении таможенного представителя, включенного в реестр ФТС РФ, осуществляется плановый таможенный контроль, а при необходимости – внеплановый. Формой такого контроля, как правило, является камеральная или выездная таможенная проверка, с использованием проверки документов и сведений, получением объяснений. Представляется, что выбор конкретного таможенного представителя в качестве объекта таможенного контроля следует совершенствовать посредством оптимизации способов выявления рисков нарушений таможенного законодательства, связанных с использованием возможного автоматического выбора объекта контроля при помощи автоматизированных технологий. В дальнейшем для предотвращения возможных нарушений таможенного законодательства либо выявления уже совершенных следует применять в качестве инструментов таможенный мониторинг, возможности отслеживания товаров с момента ввоза на таможенную территорию Евразийского экономического союза, далее – на территорию Российской Федерации и до завершающей реализации (сквозной контроль). Весьма эффективным средством определения конкретного таможенного представителя в

качестве объекта таможенного контроля могут служить результаты таможенного аудита.

Специфика и особенности функционирования таможенного перевозчика связаны с таможенным транзитом – перемещением по территории ЕАЭС товаров, находящихся под таможенным контролем, с использованием различных видов транспорта. Установленные законодательством ограничения не дают возможности таможенным перевозчикам перемещать товары через таможенную границу. Между тем надежность обеспечения исполнения таможенного законодательства включена в перечень условий приобретения юридическим лицом статуса таможенного перевозчика и включения в соответствующий реестр ФТС РФ. Наиболее частыми нарушениями условий таможенного транзита является замена транспортного средства без разрешения таможенного органа, несвоевременная доставка товаров на таможенный пункт окончания таможенного транзита, недоставка или утрата товара. При выявлении в ходе таможенного контроля утраты товара с таможенного перевозчика взыскиваются в федеральный бюджет таможенные платежи в размере, который предусмотрен при выпуске товара для внутреннего потребления, а владельцу товара возмещает причиненный утратой товара ущерб страховая компания, поскольку таможенный перевозчик обязан заключить договор о страховании своей гражданской ответственности. В соответствии с действующим законодательством трансграничное перемещение товаров осуществляет международный перевозчик.

Исходя из условий функционирования таможенного перевозчика, соблюдению таможенного законодательства могло бы способствовать расширение его прав, связанное с допуском для международных перевозок. Автоматизация таможенного контроля при осуществлении таможенного транзита позволяет использовать навигационные пломбы, что возможно и в отношении трансграничных перевозок товаров.

Особенности деятельности владельцев таможенного склада сопряжены не только с обязанностью обеспечения сохранности товаров и уплаты таможенных платежей в случае их утраты, но и с соблюдением условий таможенной процедуры таможенного склада. Владелец таможенного склада несет ответственность за реализацию запретов и ограничений при помещении товаров под таможенную процедуру таможенного склада и их нахождении под таможенной процедурой, а также за нарушение предельного срока данной процедуры. В этой связи для соблюдения требований таможенного законодательства вполне возможно расширение перечня таможенных процедур, под которые товары может поместить владелец таможенного склада по истечении трехлетнего срока действия процедуры и отсутствии декларанта.

Привлечение к ответственности владельцев магазинов беспошлинной торговли связано с нарушением условий таможенной

процедуры беспошлинной торговли – это реализация товаров предпринимателям, а не физическим лицам, оптом, а не в розницу; реализация товаров физическим лицам которые не убывают из страны и не прибывают на территорию страны; реализация товаров вне магазина беспошлинной торговли; реализация товаров, запрещенных к помещению под данную таможенную процедуру, либо с превышением количественных ограничений.

Применяемые для таможенного контроля в отношении владельцев магазинов беспошлинной торговли формы таможенного контроля и меры, обеспечивающие проведение таможенного контроля, с целью повышения его эффективности можно дополнить таможенным мониторингом для комплексной оценки владельцев магазинов беспошлинной торговли и их категорирования в системе управления рисками нарушений таможенного законодательства.

Представляется возможным обозначить направления совершенствования правового обеспечения деятельности таможенных органов при выполнении таможенного контроля в отношении лиц, осуществляющих деятельность в сфере таможенного дела, на этапе, предшествующем таможенному декларированию, на этапе таможенного декларирования и на этапе после выпуска товаров:

1. Разработка и правовое обеспечение единой информационной системы с целью создания возможности использования максимально наполненной сведениями предварительной информации всеми органами государственного контроля (таможенными, санитарными, ветеринарными и др.) в одном международном пункте пропуска таможенного поста (таможни).

2. Разработка и правовое обеспечение использования навигационных пломб, возможность использования которых обеспечивает контроль не только ввозимых товаров, но и транзит через территорию Российской Федерации автомобильным и железнодорожным транспортом.

3. Разработка, правовое обеспечение и реализация возможностей самообучающихся систем, методов семантического анализа при осуществлении автоматической сверки сведений о лицензиях, иных разрешительных документах, а также сведений, в них содержащихся, поступающих из государственных органов стран, входящих в ЕАЭС, в электронном виде.

Перечисленные меры предлагаются для использования на этапе, предшествующем выпуску товаров. Следующие направлены на совершенствование таможенного контроля в отношении таможенных представителей, таможенных перевозчиков, владельцев склада временного хранения:

1. Разработка и правовое обеспечение технологий интенсивного межведомственного взаимодействия, сотрудничества с таможенными

органами государств, не входящих в ЕАЭС, ассоциациями участников внешнеторговой деятельности и иными лицами с целью максимального привлечения информационных ресурсов для анализа рисков нарушений таможенного законодательства. В отношении больших массивов данных предусмотреть возможность использования интеллектуального анализа.

2. Разработка и правовое обеспечение таможенного мониторинга для оценки деятельности лиц, идентификации рисков нарушения таможенного законодательства, определения уровня рисков и дальнейших рисков нарушений таможенного законодательства. В отношении больших массивов данных предусмотреть возможность использования интеллектуального анализа.

3. Разработка и правовое обеспечение таможенного мониторинга для оценки деятельности лиц, идентификации рисков нарушения таможенного законодательства, определения уровня рисков и дальнейшего категорирования по этим признакам участников внешнеторговой деятельности.

4. Разработка и правовое обеспечение информационных ресурсов, содержащих обязательные классификационные решения для российских участников внешнеторговых отношений, реализуемых и на всей территории Евразийского экономического союза. Применение актуальных аналитических методов и максимальное использование для этих целей информации о ситуациях, связанных с недостоверным указанием страны происхождения товаров, неверной классификации товаров по коду товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности. Использование наиболее совершенных средств и технологий семантического анализа таможенных деклараций при решении вопроса о соответствии заявленных в декларациях сведений нормативным требованиям классификации товаров.

Эти меры, направленные на совершенствование таможенного контроля в отношении таможенных представителей, рекомендуются для реализации на этапе таможенного декларирования.

Разработка и правовое обеспечение таможенного мониторинга для комплексной оценки лиц, осуществляющих деятельность в сфере таможенного дела с целью выявления и идентификации категорий рисков нарушений таможенного законодательства и уровня этих рисков.

Разработка и правовое обеспечение сквозного контроля ввозимых товаров с момента пересечения границы Российской Федерации до реализации конечному потребителю. Вывозимых товаров – с момента регистрации таможенной декларации до фактического вывоза через международный пункт пропуска пограничного таможенного поста. Осуществление таможенного аудита как инструмента для детального анализа таможенных операций участников внешнеторговой деятельности. Использование автоматизированных технологий для определения объектов таможенного контроля.

Такие меры, направленные на совершенствование таможенного контроля в отношении таможенных представителей, владельцев складов временного хранения, владельцев таможенных складов, владельцев свободных складов, владельцев магазинов беспошлинной торговли, являются оптимальными на этапе таможенного контроля после выпуска товаров.

Безусловно, перечисленные направления совершенствования правового регулирования деятельности лиц в сфере таможенного дела нуждаются в оценке и корректировке по итогам применения.

Список литературы

1. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11.04.2017 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024 г., с изм. от 31.10.2024 г.) // «СПС «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон от 08.08.2024 г. № 229-ФЗ «О ратификации Протокола о внесении изменений в Договор о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 года» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Ведомственная статистическая отчетность ФТС РФ // Официальный сайт ФТС РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://customs.gov.ru/activity/pravooxranitel-naya-deyatel-nost-/informacziya-upravleniya-tamozhennykh-rassledovaniy-i-doznaniya/document/254829> (дата обращения: 03.05.2025).

Об авторе:

ВОБЛИКОВ Андрей Борисович – кандидат философских наук, доцент кафедры конституционного, административного и таможенного права Тверского государственного университета (170100, г. Тверь ул. Желябова, д. 33), SPIN-код:7021-8090, e-mail: Voblikov.AB@tversu.ru

Directions for improving the legal regulation of the activities of persons in the field of customs

A.B. Voblikov

Tver State University, Tver

The object of the study is the legal relations arising in connection with the activities of persons in the field of customs. The subject of the study is the norms of customs law. The purpose of the study is to identify gaps in the legal regulation of the activities of persons in the field of customs, taking into account the latest changes in customs legislation, to develop proposals for improving the legal norms governing the activities of these persons, in particular, electronic commerce operators. It is necessary to adjust the rules governing the activities of persons in the field of customs.

Keywords: *customs legislation, customs law norms, activities of persons in the field of customs, electronic commerce operator, customs operations, customs declaration.*

About author:

VOBLIKOV Andrey – PhD in philosophical sciences, associate professor of the department of constitutional, administrative and customs law of Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova St., 33), SPIN-code: 7021-8090, e-mail: Voblikov.AB@tversu.ru

Вобликов А.Б. Направления совершенствования правового регулирования деятельности лиц в сфере таможенного дела // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 2 (82). С. 56–65.

Статья поступила в редакцию 25.05.2025 г.

Подписана в печать 16.06.2025 г.

Вопросы обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетних правонарушителей

О.В. Жукова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье рассматриваются вопросы предупреждения и профилактики правонарушений несовершеннолетних с точки зрения обеспечения их прав и законных интересов. Автором проанализированы основные направления правового регулирования деятельности органов и учреждений системы профилактики правонарушений, дана оценка эффективности их деятельности. Особое внимание уделено положениям законодательства о пробации. Отмечается необходимость обращения к историческому и зарубежному опыту установления надзора в отношении несовершеннолетних правонарушителей. Следует различать меры, которые применяются ко всем несовершеннолетним с целью предотвращения совершения возможных правонарушений, а также меры, направленные на недопущение совершения несовершеннолетними правонарушителями новых общественно опасных деяний. Обосновывается вывод о закреплении особого надзора за несовершеннолетним правонарушителем. Сформулированы предложения по внесению изменений в законодательство о профилактике правонарушений среди несовершеннолетних.

Ключевые слова: защита прав и интересов, несовершеннолетний, профилактика правонарушений.

Обеспечение прав и законных интересов несовершеннолетних правонарушителей требует особого подхода, поскольку необходимо не только гарантировать соблюдение их прав и свобод, но и оказать на них определенное воспитательное воздействие. Поэтому противодействие и пресечение совершения противоправных деяний и создание эффективной системы профилактики являются приоритетными государственными задачами [15, с. 71]. Важно не только законодательно предусмотреть особый порядок привлечения несовершеннолетних к административной или уголовной ответственности в случае совершения ими общественно опасных деяний, но и закрепить такие меры, которые будут направлены на устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также установить со стороны государства особый надзор за несовершеннолетними правонарушителями, который обеспечит защиту их прав и законных интересов, и не допустит совершения ими повторных общественно опасных деяний.

Вопросы предупреждения и профилактики правонарушений среди несовершеннолетних являются предметом научных дискуссий на протяжении длительного периода времени, поскольку

несовершеннолетние являются наиболее криминогенно уязвимой категорией населения [33, с. 51–54]. В научных исследованиях подчеркивается, что существующая система профилактики является малоэффективной, отмечаются проблемы организации системы профилактики [11; 15; 16; 21].

Представляется, что меры, принимаемые государством по профилактике и противодействию правонарушениям, должны меняться в зависимости от развития общества, существующей социальной, политической и экономической ситуации. Поэтому при рассмотрении правовых и организационных вопросов, связанных с предупреждением совершения правонарушений несовершеннолетними, возможно обратиться к истории становления и развития отечественного законодательства [15, с. 12; 19, с. 7–13; 26, с. 14–30]. Так, в начале XX в. дела, связанные с правонарушениями несовершеннолетних, разрешали мировые судьи в упрощенном порядке, и фактически рассмотрение сводилось к беседе судьи с несовершеннолетним. В силу специфики судебного разбирательства к мировым судьям предъявлялись особые требования по знанию детской психологии, поэтому зачастую на эти должности избирались врачи или педагоги [11, с. 13]. Основной применяемой мерой воздействия (фактически мерой ответственности) на несовершеннолетнего, назначаемой судом, являлся попечительский надзор [29, с. 158–166]. Мировой судья осуществлял также судебный надзор за работой учреждений, взявших на себя заботу о малолетних преступниках и детях, лишенных родительского попечения [28, с. 582–589]. При этом роль судьи не ограничивалась только работой с детьми. Важное место отводилось работе с родителями. Так, судья мог наложить штраф на родителей, заставить их вносить деньги на содержание ребенка в приюте, принять иные меры, направленные, прежде всего, на создание для ребенка нормальных условий жизни [32, с. 56–57].

События 1917 г. оказали влияние на функционирование судов для несовершеннолетних: были созданы комиссии для несовершеннолетних, действующие на основании Декрета СНК РСФСР от 14.01.1918 г. «О комиссиях для несовершеннолетних», которым утверждалось положение о том, что указанные комиссии находятся в исключительном ведении Народного Комиссариата общественного призрения и состоят из представителей ведомств. Значимым отличием таких комиссий от существовавших ранее судов для несовершеннолетних являлся их состав, включавший в себя не мировых судей, а представителей ведомств (юстиции, народного просвещения и общественного призрения). Интересен также и тот факт, что комиссии не только занимались рассмотрением правонарушений, совершенных несовершеннолетними лицами, но были призваны осуществлять профилактическую работу и борьбу с беспризорностью. Комиссия могла освободить от уголовной ответственности несовершеннолетнего или направить в воспитательные

и лечебно-воспитательные учреждения (детские дома, школы-коммуны, приюты, приемники, именуемые в декрете «убежищами», институты трудового воспитания для особо трудных подростков). Почти все дела о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, рассматривались в комиссиях о несовершеннолетних, которые определяли меры наказания, как правило, не связанные с лишением свободы. И только в исключительных случаях комиссии передавали дела в суд, если считали, что меры медико-педагогического воздействия не оказывали должного результата [15, с. 50–51; 17, 198–205].

31.05.1935 г. Совет Народных Комиссаров СССР и ЦК ВКП(б) приняли специальное постановление «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности», в соответствии с которым были ликвидированы комиссии по делам несовершеннолетних. Обязанности по организации противодействия преступности перешли к правоохранительным органам [26, с. 14–30]. В составе органов милиции были бы созданы специализированные подразделения, непосредственно занимающиеся работой с несовершеннолетними правонарушителями. С этого времени берут свое начало подразделения по делам несовершеннолетних органов внутренних дел (далее – ПДН), основной задачей которых стала профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, выявление и устранение причин, способствующих этому, защита прав и интересов детей. С течением времени название службы изменялось. Она называлась детской комнатой милиции, инспекцией по делам несовершеннолетних, подразделением по делам несовершеннолетних, однако поставленные перед данной службой задачи оставались прежними [18, с. 117–138].

И только указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 29.08.1961 г. были восстановлены комиссии по делам несовершеннолетних, основными задачами которых стали организация и координация деятельности государственных органов и общественных организаций по предупреждению безнадзорности и рассмотрению дел о правонарушениях несовершеннолетних [26, с. 14–30; 32, с. 56–57].

В настоящее время правовое регулирование деятельности органов системы профилактики осуществляется на основании Федерального закона от 23.06.2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» [3] (далее – ФЗ об основах системы профилактики), который устанавливает правовую и организационные основы системы профилактики правонарушений, общие правила ее функционирования, основные принципы, направления, виды профилактики правонарушений и формы профилактического воздействия, полномочия, права и обязанности субъектов профилактики правонарушений и лиц, участвующих в профилактике правонарушений.

С 01.01.2024 вступил в силу Федеральный закон «О пробации в Российской Федерации» [4] (далее – ФЗ о пробации), в соответствии с

которым предполагается реализация комплекса мер, применяемых в отношении осужденных, лиц, которым назначены иные меры уголовно-правового характера, и лиц, освобожденных из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, которые оказались в трудной жизненной ситуации, в том числе ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация, защита прав и законных интересов указанных лиц. В ФЗ о пробации закрепляется три направления пробации: 1) исполнительная (применяемая уголовно-исполнительными инспекциями в отношении лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации, при исполнении наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества); 2) пенитенциарная (в учреждениях, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы); 3) постпенитенциарная (в отношении лиц, освободившихся из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, и оказавшихся в трудной жизненной ситуации) (ст. 5). К сожалению, ФЗ о пробации не только не закрепляет отдельных положений, которые могут применяться в отношении несовершеннолетних осужденных, но и не включает создание определенной службы (органа государственной власти), в полномочия которой входило бы содействие в социальной адаптации, реабилитации, ресоциализации несовершеннолетних осужденных, поскольку комплексные программы по содействию социальной адаптации несовершеннолетних в постпенитенциарный период невозможно выполнить без участия государства, без определенного компетентного органа, наделенного специальными полномочиями [30, с. 200–208]. Вместо этого, ст. 27 ФЗ о пробации закрепляет возможность создания центров пробации в целях оказания помощи лицам, в отношении которых применяется постпенитенциарная пробация. Законом установлено, что такие центры могут создаваться только некоммерческими, в том числе религиозными, организациями и общественными объединениями, социально ориентированными некоммерческими организациями [8]. При этом разработка индивидуальной программы для лица, в отношении которого применяется исполнительная пробация, а также для лица, в отношении которого применяется постпенитенциарная пробация, носит исключительно заявительный характер и не предусмотрена для всех осужденных.

Представляется, что в ФЗ о пробации должна появиться отдельная глава, посвященная защите интересов несовершеннолетних правонарушителей, поскольку каждый ребенок имеет потребность в поддержке, необходимой для преодоления трудной жизненной ситуации. Индивидуальная программа ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации должна применяться в отношении каждого несовершеннолетнего правонарушителя в зависимости от

характеристики его личности и индивидуальной нуждаемости, включать в себя восстановление и формирование социальных связей; консультирование по социальным и правовым вопросам; оказание психологической помощи; оказание содействия в трудоустройстве и получении образования, как это в настоящее время предусмотрено положениями гл. 5 ФЗ о пробации в отношении «совершеннолетних» осужденных.

Кроме того, правовое регулирование предупреждения преступности несовершеннолетних осуществляется на основании специального Федерального закона от 24.06.1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [2] (далее – ФЗ об основах системы профилактики несовершеннолетних), который закрепляет, что основными задачами деятельности по профилактике правонарушений несовершеннолетних являются предупреждение правонарушений и антиобщественных действий несовершеннолетних, выявление и устранение причин и условий, способствующих этому; обеспечение защиты прав и законных интересов несовершеннолетних; социально-педагогическая реабилитация несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении; выявление и пресечение случаев вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений, других противоправных и (или) антиобщественных действий, а также случаев склонения их к суицидальным действиям (ст. 2).

Необходимо отметить, что ФЗ об основах системы профилактики несовершеннолетних был принят в прошлом веке. За время действия этого закона сменилось не одно поколение молодых людей. Можно с уверенностью утверждать, что этот закон устарел, он не соответствует современному законодательству. Например, положениям ФЗ о пробации, которые закрепляют порядок реализации комплекса мер, применяемых в отношении осужденных. Современное состояние общества, общественных отношений предопределяет необходимость поиска новых направлений, способов и методов профилактики, разработки законопроекта о профилактике антиобщественного и противоправного поведения несовершеннолетних и защите их прав, предмет правового регулирования которого будет охватывать не только общественные отношения, возникающие в сфере профилактики, но и защиту прав несовершеннолетних, обеспечивая их неразрывное единство [22, с. 106–115].

Статья 4 ФЗ об основах системы профилактики несовершеннолетних устанавливает, что систему органов профилактики правонарушений несовершеннолетних составляют комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, органы управления социальной защитой населения, органы управления в сфере образования, органы опеки и попечительства, органы по делам

молодежи, органы управления здравоохранением, органы службы занятости, органы внутренних дел, учреждения уголовно-исполнительной системы (следственные изоляторы, воспитательные колонии и уголовно-исполнительные инспекции), Уполномоченный при Президенте РФ по правам ребенка и уполномоченные по правам ребенка в субъектах РФ, другие органы, учреждения и организации.

С одной стороны, проблемами несовершеннолетних занимаются государственные и муниципальные органы власти, образующие систему органов и учреждений профилактики правонарушений. С другой стороны, анализ организации системы органов, занимающихся профилактикой, свидетельствует о ее сложносоставной структуре, об отсутствии правового регулирования координации внутри этой системы [20, с. 601–608; 24, с. 117–124]. Ведь ФЗ об основах системы профилактики несовершеннолетних не разграничены полномочия органов системы профилактики по ресоциализации (социальной адаптации) несовершеннолетних, а также порядок мер воздействия, применяемых к несовершеннолетним, за которыми, безусловно, должен осуществляться контроль со стороны государства. Получается как в русской поговорке: «У семи нянек дитя без глаза». Поскольку каждый орган власти просто «перекладывает» ответственность на другого, сложно говорить об эффективности системы профилактики правонарушений несовершеннолетних в целом.

Необходимо отметить, что в настоящее время координацию деятельности органов и учреждений системы профилактики правонарушений несовершеннолетних осуществляют комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав во взаимодействии с ПДН органов внутренних дел. Кроме ФЗ об основах системы профилактики несовершеннолетних правовое регулирование деятельности комиссий осуществляется на основании примерного положения о комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав [6] и положения о Правительственной комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав [5]. Порядок осуществления деятельности комиссий субъектов РФ и территориальных (муниципальных) комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав и осуществления в соответствии с законодательством конкретного субъекта РФ. Например, порядок образования комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав в Тверской области, а также вопросы организации их деятельности, регулирует Закон Тверской области «О комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав в Тверской области» [7].

Все три уровня комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав (федеральный, региональный, территориальный) являются коллегиальными органами. При этом правительственная комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав является координационным органом, образованным для обеспечения единого государственного

подхода к решению проблем защиты прав и законных интересов несовершеннолетних. Основным направлением региональных комиссий является координация работы органов власти в соответствующем субъекте РФ по профилактике правонарушений среди несовершеннолетних, осуществление контроля за деятельностью муниципальных комиссий, обобщение опыта профилактической работы. Основное звено профилактической работы – территориальные (муниципальные) комиссии – не только реализуют функции по социальной реабилитации несовершеннолетних, но и рассматривают в соответствии со ст. 23.2 КоАП РФ дела об административных правонарушениях, совершенных несовершеннолетними и их родителями (законными представителями).

В юридической литературе высказываются предложения о целесообразности принятия специального федерального закона, регламентирующего деятельность комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав [13, с. 147–151; 31, с. 40–46], который должен изменить порядок создания комиссий на региональном и муниципальном уровнях, обеспечить централизацию деятельности всех трех уровней комиссий [12, с. 107–110]; решить организационные, финансовые, информационно-коммуникационные, материально-технические проблемы [22, с. 106–115], в том числе установить требования к составу и членам комиссий, предусмотрев, что ими не могут быть лица, имеющие либо имевшие судимость [23]. Кроме того, отмечается разрозненность региональной правоприменительной практики по профилактике правонарушений [10, с. 34], необходимость повышения эффективности применяемых профилактических мер, улучшения форм и методов противодействия правонарушениям, совершаемым несовершеннолетними [15, с. 5].

При этом в МВД РФ принята отдельная инструкция, которая достаточно подробно регулирует организацию индивидуальной профилактической работы с несовершеннолетними правонарушителями, их родителями или иными законными представителями в системе органов внутренних дел РФ, особенности организации индивидуальной профилактической работы с отдельными категориями несовершеннолетних правонарушителей, устанавливает порядок деятельности ПДН органов внутренних дел [7]. Сотрудники ПДН ставят на профилактический учет несовершеннолетних правонарушителей и родителей или иных законных представителей несовершеннолетних на основании: приговора, определения или постановления суда; протокола об административном правонарушении, по которому принято решение о назначении административного наказания; заключения о постановке несовершеннолетнего, родителя, иного законного представителя на профилактический учет в подразделении по делам несовершеннолетних

и заведении учетно-профилактической карточки или учетно-профилактического дела на несовершеннолетнего.

Следует согласиться с мнением О.В. Зайцева в том, что наличие проблем в организации и осуществлении профилактики антиобщественного и противоправного поведения несовершеннолетних требует переосмысления основных начал осуществления подобной деятельности. Система профилактики должна включать общую, индивидуальную и специальную профилактическую работу. Первая должна быть ориентирована на раннее выявление и предупреждение антиобщественного и противоправного поведения несовершеннолетних, нарушения их прав, а также способствующих этому причин и условий и реализовываться в отношении как несовершеннолетнего, так и его родителей или иных законных представителей, а также лиц, совместно проживающих с ним. Индивидуальная профилактика должна быть направлена на выявление и пресечение уже проявившегося антиобщественного и противоправного поведения, нарушения прав несовершеннолетних, устранения причин и условий, способствующих этому, предупреждения повторного совершения ими антиобщественных действий и правонарушений. Необходимость выделения в системе профилактики антиобщественного и противоправного поведения несовершеннолетних специальной профилактической работы обусловлено спецификой реализуемых социальных, правовых, педагогических и иных мер, predetermined существенной деформацией личности несовершеннолетних, совершивших правонарушения, подпадающие под признаки преступления, в том числе содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы [22, с. 106–115].

Представляется, что говоря о профилактике правонарушений несовершеннолетних, следует различать меры, которые применяются ко всем несовершеннолетним с целью недопущения совершения возможных правонарушений, а также меры, направленные на предотвращение совершения новых общественно опасных деяний. Нет необходимости применять общие профилактические мероприятия к несовершеннолетним правонарушителям, ведь они уже совершили общественно опасные деяния, нельзя допустить повторные правонарушения. Фактически должен быть установлен особый надзор за несовершеннолетним правонарушителем. Ведь существующий сегодня порядок организации деятельности комиссий по делам несовершеннолетних не обеспечивает защиту прав и законных интересов несовершеннолетних правонарушителей. Прежде всего, должны меняться сами методы работы этих комиссий. Например, возможно для несовершеннолетних будет эффективным введение таких современных способов урегулирования споров, как медиация, которая позволяет разрешить определенную конфликтную ситуацию с привлечением

независимого специалиста. Обеспечение прав и законных интересов несовершеннолетних предполагает не только особую комфортную обстановку при рассмотрении дел с их участием, привлечение к работе в комиссиях психологов, специализирующихся на детской и подростковой психологии, но и обязательное участие адвоката, гарантирующего независимое квалифицированное представительство интересов ребенка.

В целях обеспечения интересов несовершеннолетних и предоставления процессуальных гарантий судебной защиты их прав при применении мер государственного принуждения воспитательно-профилактического характера в ноябре 2022 г. в Кодекс административного судопроизводства РФ [1] (далее – КАС РФ) был введен судебный порядок рассмотрения дел, связанных с пребыванием несовершеннолетних в специальных учреждениях [25, с. 347]. Существовавший ранее подход к рассмотрению вопросов, связанных с ограничением свободы несовершеннолетних, явно не соотносился с самим существом рассматриваемого вопроса, со значимостью ограничиваемого в результате его рассмотрения права несовершеннолетних на свободу и личную неприкосновенность, не учитывал особый статус несовершеннолетних в публичных правоотношениях, требующих принятия государством особых мер в целях наилучшего обеспечения интересов ребенка [14, с. 211].

Представляется, что следующий этап изменения законодательства – установление судебного постпенитенциарного контроля и дополнение КАС РФ специальными положениями, закрепляющими порядок установления особого надзора в отношении несовершеннолетних правонарушителей. Ведь именно судебный порядок применения мер воздействия к несовершеннолетним правонарушителям и их родителям сначала как ответственный надзор [27, с. 50–57], а затем в форме попечительского надзора, были закреплены в отечественном дореволюционном законодательстве. Кроме того, в настоящее время в законодательстве ряда государств предусмотрен пробационный надзор, целями которого является создание условий для исправления и ресоциализации несовершеннолетних, предупреждение совершения ими новых правонарушений. Например, несовершеннолетний может быть принужден к прохождению курса психологической реабилитации; на него может быть возложена обязанность по участию в пробационной программе или по прохождению курса обязательного обучения [30, с. 221–230].

Безусловно, установление со стороны государства особого надзора за несовершеннолетними правонарушителями в целях защиты их прав и законных интересов и недопущения совершения ими повторных общественно опасных деяний, требует отдельного дальнейшего исследования.

Список литературы

1. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8.03.2015 г. № 21-ФЗ (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.
2. Федеральный закон от 24.07.1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // Собрание законодательства РФ. 1999. № 26. Ст. 3177.
3. Федеральный закон от 23.06.2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // Российская газета. 2016. 28 июня.
4. Федеральный закон от 06.02.2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 6. Ст. 917.
5. Постановление Правительства РФ от 06.05.2006 г. № 272 «О Правительственной комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав» // Российская газета. 2006. 11 мая.
6. Постановление Правительства РФ от 06.11.2013 г. № 995 «Об утверждении Примерного положения о комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав» // СЗ РФ. 2013. № 45. Ст. 5829.
7. Приказ МВД России от 15.10.2013 г. № 845 «Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2014. № 11.
8. Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 16.09.2024 г. № 278 «Об утверждении Правил организации деятельности центров пробации» // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru) 18.09.2024 г. № 0001202409180006.
9. Закон Тверской области от 09.12.2005 г. № 143-ЗО «О комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав в Тверской области» // Тверские ведомости. 2005. 16–22 дек.
10. Алиев Ш.И., Таилова А.Г. Освобождение от наказания несовершеннолетних: вопросы теории и правоприменительной практики. Махачкала, 2023. 95 с.
11. Архипова Н.О. Теоретико-правовые аспекты формирования ювенальной юстиции в Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 25 с.
12. Банщикова С.Л. Система комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав в России // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2016. № 3(19). С. 107–110.
13. Боренштейн А.Л. О современных проблемах функционирования комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав // Научный вестник Омской академии МВД России. 2022. № 2(85). С. 147–151.
14. Бурашникова Н.А. Особенности рассмотрения дел, связанных с пребыванием несовершеннолетних в специальных учреждениях // Актуальные вопросы обеспечения и защиты публично-правовых интересов: монография. М.: Проспект, 2023.
15. Быстрова Ю.В. Проблемы предупреждения правонарушений, совершаемых несовершеннолетними в Российской Федерации: монография. Орел, 2024.

16. Ветошкин С.А. Профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: учеб. пособие. Екатеринбург: Издательство РГППУ, 2010. 308 с.
17. Винниченко Е.О. Историко-правовой опыт профилактики правонарушений несовершеннолетних // Вестник Тюменского государственного университета. Серия: Право. 2014. № 3. С. 198–205.
18. Гинцяк Л.Ф., Ильченко В.Н. Субъекты профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: учебное пособие. Екатеринбург, 2018. С. 117–138.
19. Дородонова Н.В. Эволюция системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в истории Российского государства // Право. Законодательство. Личность. 2017. № 2(25). С. 7–13.
20. Дородонова Н.В., Евстифеева Е.В., Ильгова Е.В. Предупреждение преступности несовершеннолетних: опыт США и Новой Зеландии // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 4. С. 601–608.
21. Дубоносова А.Э. Развитие идей предупреждения правонарушений несовершеннолетних в правовой мысли России: XIX – начало XX вв.: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 22 с.
22. Зайцев О.В. Тенденции развития судебной практики по защите прав несовершеннолетних при профилактике антиобщественного и противоправного поведения // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 2. С. 106–115.
23. Законопроект № 157281-8 «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/157281-8>. (дата обращения: 15.04.2024).
24. Зуев А.В., Макеева И.А., Индык К.П. Проблемные аспекты защиты прав несовершеннолетних // Ленинградский юридический журнал. 2017. № 3. С. 117–124.
25. Комментарий к Кодексу административного судопроизводства Российской Федерации: в 2 ч. Ч. 2 / под общ. ред. Л.В. Тумановой. М., 2025.
26. Кудин В.А., Гутман М.Ю. Профилактика безнадзорности и преступности несовершеннолетних: исторический опыт правового регулирования // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 4(72). С. 14–30.
27. Кузнецов Д.Ю. Опыт реализации специальных мер по предупреждению преступлений несовершеннолетних в России во второй половине XIX века // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2021. № 2(87). С. 50–57.
28. Матвеев С.В. Генезис идеи о дифференциации подхода к несовершеннолетним от Устава уголовного судопроизводства до УПК Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 4. С. 582–589.
29. Мирзоян М.А. Эволюция ювенальной юстиции в законодательстве России XX века // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6. № 2. С. 158–166.
30. Несовершеннолетние как субъекты уголовно-правовых отношений: монография / под ред. С.У. Дикаева. СПб., 2023. 232 с.
31. Писаревская Е.А. Субъекты профилактики несовершеннолетних преступлений: вопросы законодательной регламентации // Вестник Томского государственного университета. Право. 2016. № 2(20). С. 40–46.

32. Санташов А.Л. Ответственность несовершеннолетних, совершивших преступление: de lege lata et de lege ferenda: монография. М., 2021.

33. Шестакова Е.В. Помещение несовершеннолетних в центры временного содержания органов внутренних дел: проблемы законодательной регламентации // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2018. № 1 (10). С. 51–54.

Об авторе:

ЖУКОВА Олеся Витальевна – кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой судебной власти и правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 4257-9631, AuthorID: 322563, ORCID: 0000-0001-6716-3726, e-mail: Zhukova.OV@tversu.ru

Issues of ensuring rights and legitimate interests juvenile offenders

O.V. Zhukova

Tver State University, Tver

The article discusses the issues of prevention and prevention of juvenile delinquency from the point of view of ensuring their rights and legitimate interests. The author analyzes the main directions of legal regulation of the activities of bodies and institutions of the crime prevention system, and evaluates the effectiveness of their activities. Special attention is paid to the provisions of the probation legislation. It is noted that there is a need to refer to historical and foreign experience in establishing supervision over juvenile offenders. It is necessary to distinguish between measures that apply to all minors in order to prevent the commission of possible offenses, as well as measures aimed at preventing juvenile offenders from committing new socially dangerous acts. The conclusion on the establishment of special supervision over juvenile offenders is substantiated. Proposals have been formulated to amend the legislation on the prevention of juvenile delinquency.

Keywords: *protection of rights and interests, minors, prevention of offenses.*

About author:

ZHUKOVA Olesya – PhD in Law, Associate Professor, Head at the Department of Judicial Power and Law Enforcement of the Tver State University (Tver, Zhelyabova st., 33), SPIN-code: 4257-9631, AuthorID: 322563; ORCID: 0000-0001-6716-3726, e-mail: Zhukova.OV@tversu.ru

Жукова О.В. Вопросы обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетних правонарушителей // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 2 (82). С. 66–77.

Статья поступила в редакцию 25.05.2025 г.

Подписана в печать 16.06.2025 г.

**Следственные (процессуальные) ошибки, допускаемые
следователем по уголовным делам, подлежащим
рассмотрению судом с участием присяжных заседателей:
понятие, классификация, правовая характеристика
и причины возникновения**

А.А. Ильюхов

Московская академия Следственного комитета Российской Федерации
имени А.Я. Сухарева, г. Москва

Следственная ошибка определяется неправильным пониманием и оценкой следователем следственной ситуации, что влечет за собой принятие неправильного процессуального решения или выполнение процессуального действия. Следственная ошибка характеризуется добросовестным и непреднамеренным заблуждением следователя, облеченным в процессуальную форму, которое приводит к ошибочным действиям и недостижению желаемого результата. Следственные ошибки по уголовным делам, подлежащие рассмотрению присяжными заседателями, классифицируются на виды: 1) ошибки стратегического характера, порождающие тактические и процессуальные ошибки, как то: ошибки в доказывании, влекущие неполноту, односторонность и необъективность предварительного расследования; 2) ошибки процессуально-правового характера, предполагающие принятие неверных процессуальных решений и совершение процессуальных действий; 3) ошибки уголовно-правового характера, предполагающие неправильное применение норм материального права; 4) ошибки в организации и тактике расследования; 5) криминалистические ошибки (организационные и тактико-криминалистические). Следственные (процессуальные) ошибки обусловлены объективными и субъективными факторами.

Ключевые слова: следственные ошибки, классификация следственных ошибок, суд с участием присяжных заседателей, уголовный процесс.

Этимологически «ошибка» предполагает «неправильность» в действиях, поступках, суждениях, мыслях [14, с. 126], то же, что и неверное решение относительно выполнения действия для получения желаемого результата, который в итоге не наступил. Такое понимание ошибки схоже с понятием «следственная ошибка», поскольку оно также предусматривает неправильный выбор варианта поведения на конкретную следственную ситуацию [10, с. 9]. В свою очередь, ошибка в выборе поведения обусловлена расхождением между объективным содержанием ситуации и субъективным восприятием ее со стороны следователя, что приводит к неверным процессуальным решениям [5, с.

11; 8, с. 258] и процессуальным действиям, формируя следственную ошибку, которая находит свое отражение в процессуальных документах.

В указанной связи В.И. Власов уточняет, что следственная ошибка – это неправильная мыслительная деятельность, влекущая недостатки, упущения в работе следователя и не носящая преднамеренного характера на совершение правонарушений действий [4, с. 63]. Причем следственная ошибка, не будучи преднамеренной и противоправной, переформируется в противоправное действие, если при ее обнаружении, стремясь достичь желаемого результата, следователь этот факт игнорирует. Как справедливо отмечает А.Б. Соловьев, отсутствие умысла на противоправный характер действий и отграничивает следственную ошибку от уголовно-наказуемого правонарушения [12, с. 113].

Сказанное позволяет предложить авторское определение следственной (процессуальной) ошибки – связанное с добросовестным и непреднамеренным заблуждением умозаключение следователя, облеченное в процессуальную форму, приводящее к совершению ошибочного действия (бездействия) и недостижению желаемого результата, что не способствует реализации целей уголовного судопроизводства.

Предложенная дефиниция формирует характерные черты, присущие для следственной (процессуальной) ошибки: субъект правоприменительной деятельности (следователь, дознаватель); заблуждение следователя носит непреднамеренный и добросовестный характер; отрицательный результат от ошибочных действий; отражение следственной ошибки в процессуальных документах, что позволяет ее установить и устранить.

Для всестороннего правового анализа следственной ошибки, в том числе по уголовным делам, подлежащим рассмотрению присяжными заседателями, требуется ее классифицировать.

По мнению Ю.В. Корневского, с учетом характера нарушений со стороны следователя следственная ошибка подразделяется на ошибки: в доказывании, по причине неполноты и односторонности предварительного расследования; в оценке доказательств; в неправильном применении уголовного закона; в тактике расследования [9, с. 23].

Классификацию, предложенную Ю.В. Корневским, дополнила М.Е. Пучковская еще одним подвидом следственной ошибки: «нарушение уголовно-процессуального закона» [11, с. 9], что спорно, поскольку этимологически нарушение и ошибка – отличные понятия. Причем нарушение предполагает преднамеренные действия, а в ошибке это отсутствует, соответственно они не могут соотноситься друг с другом.

Свою классификацию следственных ошибок предлагает В.И. Власов, подразделяя ошибки: на логические и фактические;

материально-правовые и процессуально-правовые; допущенные при возбуждении уголовного дела и в ходе производства по уголовному делу; несущественные и существенные; спорные и бесспорные; явные и скрытые; ошибки нераспространенные, относительно распространенные и типичные [4, с. 64–96].

Представленные авторские классификации следственных ошибок хотя и логичны по своему смысловому содержанию, однако сложны и громоздки в понимании, притом что часть классификационных элементов, по мнению С.А. Шейфера, скорее выступают в качестве причин следственных ошибок (логические ошибки, недостатки при проведении следственных действий), тогда как ее другая часть этимологически не может выступать в качестве ошибок как таковых (несущественные, скрытые) [13, с. 206].

С учетом критической оценки С.А. Шейфером представленных выше классификаций следственных ошибок, иной вариант данной классификации предлагают Н.В. Григорьев и А.А. Плотников, подразделив следственную ошибку, с учетом степени воспрепятствования выполнения задач, стоящих перед уголовным судопроизводством, на следующие виды:

1. Процессуальные ошибки, связанные с несоблюдением требований Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ), представляющие: ошибки познавательного характера (ошибки в предмете и пределах доказывания); ошибки распорядительного характера, ведущие к принятию неверных процессуальных решений.

2. Организационно-тактические ошибки, заключающиеся в отступлении следователем от научных рекомендаций в ходе производства по уголовному делу; в недостатках организации и планировании хода расследования и тактики производства отдельных следственных действий, не позволяя тем самым сформировать необходимые предпосылки для разрешения уголовного дела в суде [7, с. 7–8].

С учетом предложенных выше позиций А.Ю. Головин следственные ошибки классифицировал по их объективным проявлениям на ошибки в применении норм материального права (уголовно-правовые); ошибки в применении норм процессуального права (уголовно-процессуальные); ошибки в тактике и организации расследования (тактические) [6, с. 7].

Предложенные авторами классификации следственных ошибок по своей сути многогранны и представляют научный интерес. Вместе с тем часть их идентична по своему смысловому содержанию, а причины их возникновения носят скорее условный характер и одна ошибка способна породить другую. Притом, что классификаций следственных ошибок по уголовным делам, подлежащим рассмотрению судом с участием присяжных заседателей, указанные авторы не предлагают. Хотя она может присутствовать с учетом особенностей состава суда, что дает

основание предложить классификацию следственных (процессуальных) ошибок по уголовным делам указанной категории.

Стратегическая ошибка, когда следователь упускает из виду тот факт, что результаты расследования присяжные заседатели оценивают по-иному, чем профессиональные судьи, а любые ошибки и просчеты со стороны следствия воспринимаются ими как неспособность установить виновность подсудимого, приводя к вынесению оправдательного вердикта. Данный факт следует учитывать, осуществляя процесс доказывания по уголовному делу, чтобы обстоятельства исследуемого события были присяжным заседателям понятны и вызвали доверие, иначе, как справедливо полагает профессор С.А. Шейфер, в случае сомнений к качеству таких доказательств, присяжные заседатели выносят оправдательный вердикт [13, с. 211].

Осознание следователем того факта, что правосудие вершат присяжные заседатели, исключит ошибки тактического характера, которые проявляются в игнорировании тактико-криминалистических рекомендаций и предписаний. Эти предписания касаются в том числе и применения технических средств фиксации доказательств, позволяя следователю формировать доказательства таким образом, чтобы присяжные заседатели могли их лучше уяснить и, проникнувшись доверием к ним, вынести справедливый и обоснованный вердикт.

Несоблюдение предписаний тактико-криминалистического характера проявляется, в числе прочего, в бессистемности и повторяемости следственных действий, что загромождает уголовное дело излишними для него материалами и это подтверждается примерами судебной практики¹. Кроме того, порой обвинение следователем предъявляется без должной проверки иных обстоятельств, способных поставить под сомнение выводы органов предварительного следствия. Помимо прочего, следователь игнорирует криминалистические рекомендации относительно производства экспертиз. Так, предпочтение отдавать следует тем экспертизам, которые не носят вероятностного характера, т. к. они вызывают больше доверия у присяжных заседателей (заключение биологической экспертизы, в которой указывается, что обнаруженная кровь определенной группы могла принадлежать как обвиняемому, потерпевшему, так и любому другому лицу с такой же группой крови). Следователь также игнорирует тот факт, что при производстве следственных и процессуальных действий следует применять технические средства фиксации доказательств, что позволит,

¹ По уголовному делу, рассмотренному Орловским областным судом с участием присяжных заседателей по обвинению Н. по п. «а» ч. 3 ст. 131 УК РФ, в ходе предварительного следствия потерпевшая допрашивалась пять раз, и в ходе каждого допроса появлялись новые обстоятельства, поразному интерпретирующие ситуацию, что имело место и в судебном следствии, отразившись на вынесении вердикта в пользу оправдания подсудимого [16].

к примеру, в протоколе осмотра места происшествия лучше отобразить характерные свойства изымаемого объекта. Кроме того, следует прилагать к протоколу осмотра фотографии или видеозапись, отображающие процедуру обнаружения, обработки и упаковки изымаемых объектов, что облегчит установление тождества изъятых и исследованных объектов.

Помимо тактических ошибок следователь допускает и процессуальные ошибки, что по уголовным делам, подлежащим рассмотрению присяжными заседателями, проявляется в недолжном разъяснении обвиняемому в ходе ознакомления с уголовным делом особенностей, процессуального порядка и правовых последствий принятия им решения о рассмотрении уголовного дела судом присяжных заседателей (ч. 5 ст. 217 УПК РФ). Такие нарушения имели место в 8 % изученных автором уголовных дел, став основанием их возвращения следователю прокурором в порядке ст. 221 УПК РФ [2]. Например, по уголовному делу по обвинению Ш. по п. «з» ч. 2 ст. 105 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) [1], следователь разъяснил обвиняемому его право и особенности рассмотрения уголовного дела судом с участием присяжных заседателей и возможные правовые последствия от принятого им решения, чем допустил нарушение ч. 5 ст. 217 УПК РФ [18].

Процессуальной ошибкой признается также и отказ в удовлетворении заявленного обвиняемыми, достигшими восемнадцатилетнего возраста, ходатайства о рассмотрении судом присяжных заседателей уголовного дела, если в качестве соучастника преступления к уголовной ответственности привлекается лицо, не достигшее восемнадцатилетнего возраста. По этой ситуации Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 22.05.2019 г. № 20 дал следующие разъяснения: в отношении граждан, не достигших восемнадцати лет, может быть рассмотрено уголовное дело в суде с участием присяжных заседателей, если это лицо совершило преступление в соучастии с совершеннолетними лицами, и если суд посчитал невозможным выделение уголовного дела в отношении несовершеннолетних в отдельное производство, поскольку это препятствует всесторонности и объективности рассмотрения уголовного дела судом [15].

Причины ошибок тактического и процессуального характера в работе следователя обусловлены объективными и субъективными факторами, где объективными факторами выступают: информационная неопределенность в работе следователя, усложняющая выбор наиболее правильной линии поведения и формирующая этим профессиональный риск, способный привести к следственной (процессуальной) ошибке; значительный объем уголовных дел, находящихся в производстве у следователя; недостаток в методических рекомендациях по

расследованию уголовных дел, в том числе тех, которые рассматриваются судом присяжных заседателей; несовершенство уголовно-процессуального законодательства; текучесть кадров в органах предварительного следствия.

Причинами субъективного характера возникновения следственной (процессуальной) ошибки выступают интеллект следователя, уровень его профессиональных навыков, стаж работы и жизненный опыт. В качестве причин выступают, в том числе, эмоциональные процессы, протекающие в сознании следователя, обусловленные его профессиональной деформацией, стереотипностью мышления, мотивируя его на направление уголовного дела с обвинительным заключением в суд, несмотря на наличие обстоятельств, свидетельствующих об обратном, формируя тем самым явно обвинительный уклон в его профессиональной деятельности. В свою очередь обвинительный уклон порождает односторонность, необъективность и неполноту в ходе производства по уголовному делу, проявляясь, к примеру, в необоснованных отказах в заявленных стороной защиты ходатайствах, доля которых достигает 20 % от общего их числа [3, с. 120].

Данные статистики подтверждаются судебной практикой. В частности, по уголовному делу по обвинению К. в преступлении, предусмотренном ч. 1 ст. 297 УК РФ, рассмотренному Свердловским областным судом с участием присяжных заседателей, следователь в рамках производства по уголовному делу отказал в заявленном стороной защиты ходатайстве о приобщении к материалам уголовного дела вещественного доказательства (аудиозаписи). Свой отказ он обосновал тем, что в материалах уголовного дела собрано достаточно доказательств, подтверждающих вину обвиняемой. В судебном следствии сторона защиты обратила внимание присяжных заседателей на неполноту и необъективность проведенного предварительного следствия, сославшись на имевший место в ходе производства по уголовному делу факт. В итоге, видеозапись в суде была изучена присяжными заседателями, и ими был вынесен оправдательный вердикт [17].

В качестве выводов научной статьи можно указать, что следственная (процессуальная) ошибка выступает как добросовестное и непреднамеренное заблуждение, умозаключение следователя, облеченное в процессуальную форму, приводящее с его стороны к ошибочному действию (бездействию) и отрицательному результату от него, не способствующему реализации целей уголовного судопроизводства.

Следственная (процессуальная) ошибка классифицируется на следующие виды:

1. Ошибка стратегического характера – непонимание следователем того обстоятельства, что оценку результатов расследования присяжные

заседатели воспринимают по-иному, нежели чем профессиональные судьи, а любые ошибки и просчеты предварительного следствия воспринимаются ими как неспособность доказать вину подсудимого.

2. Тактико-криминалистические ошибки, порожденные стратегической ошибкой, влекущие неполноту и односторонность расследования, проявляющиеся в игнорировании криминалистических предписаний и рекомендаций в ходе производства следственных действий, в частности в применении технических средств фиксации доказательств при производстве следственных действий; игнорирование доказательств, которые ставят результаты расследования под сомнение, в итоге приводя к неполноте и односторонности расследования; игнорирование экспертиз, результаты которых не носят вероятностного характера.

3. Процессуальные ошибки, проявляющиеся в игнорировании норм уголовно-процессуального права при производстве следственных и процессуальных действий или принятии процессуальных решений.

Перечисленные разновидности следственных (процессуальных) ошибок обусловлены объективными и субъективными факторами, образуя неполноту и односторонность предварительного следствия, что формирует в сознании присяжных заседателей сомнения в полноте и объективности проведенного расследования, в результате чего ими выносятся оправдательный вердикт.

Изложенное свидетельствует о том, что следственная ошибка связана с неправильным восприятием и оценкой следователем информации, приводит по причине добросовестного заблуждения к принятию им неверных решений и совершению ошибочных действий. И хотя эти решения и действия не носят преднамеренного и противоправного характера, вместе с тем они влекут отрицательный результат, находя отражение в процессуальных документах.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 02.05.2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 21.04.2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Белоковильский М.С. Ходатайства в уголовном судопроизводстве: проблемы правоприменения и совершенствования правового регулирования // Вестник удмуртского университета. 2013. Вып. 2. С. 119–124.
4. Власов В.И. Расследование преступлений. Проблемы качества. Саратов, 1988.
5. Гилязов Ф.Г. Особенности вины и значение ошибки в уголовном праве. Уфа: Изд-во Башкирского ун-та, 1993. 109 с.
6. Головин А.Ю. Тактические ошибки в расследовании преступлений. Тула, 2001. 42 с.

7. Григорьев Н.В., Плотников А.А. Следственные ошибки и причины их возникновения. Хабаровск, 1990. 74 с.
8. Зорин Г.А. Теоретические основы криминалистики. Минск: Амалфея, 2000. 416 с.
9. Кореневский Ю.В. Судебная практика и совершенствование предварительного следствия. М.: Юрид. лит., 1974. 112 с.
10. Крамаренко В.В. Ситуационный подход к выявлению и преодолению следственных ошибок: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2012. 24 с.
11. Пучковская М.Е. Следственные ошибки и пути их устранения судом на отдельных стадиях уголовного судопроизводства. Красноярск, 2006. 152 с.
12. Соловьев А.Б. Доказывание в досудебных стадиях уголовного процесса России: научно-практическое пособие. М.: Юрлитинформ, 2002. 160 с.
13. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам. М., 2008. 240 с.
14. Чич Б.Е. О понятии «следственная ошибка» // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2018. № 2. С. 125–127.
15. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22.05.2019 № 20-П «По делу о проверке конституционности пункта 2.1 части второй статьи 30 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Ленинградского областного суда» // СПС«КонсультантПлюс».
16. Уголовное дело № 1-34/2013 // Архив Орловского областного суда.
17. Уголовное дело № 2-29/2011 по обвинению К. в преступлении, предусмотренном ч. 1 ст. 297 УК РФ // Архив Свердловского областного суда за 2011 год.
18. Уголовное дело № 1-12/2007 // Архив Владимирского областного суда, уголовное дело за 2007 г.

Об авторе:

ИЛЬЮХОВ Алексей Александрович – кандидат юридических наук, доцент, доцента кафедры уголовного процесса факультета подготовки следователей Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева, полковник юстиции, SPIN-код: 7284-2309, AuthorID: 754554, e-mail: alexsmol672019@yandex.ru

Classification of investigative (procedural) errors committed by an investigator in criminal cases to be considered by a court with the participation of jurors and their legal characteristics

A.A. Ilyukhov

Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation
named after A.Ya. Sukharev, Moscow

An investigative error is defined as an incorrect understanding and assessment of the investigative situation by the investigator, which entails making an incorrect procedural decision or performing a procedural action. An investigative error is characterized by a bona fide and unintentional misconception of the investigator, clothed in a procedural form, which leads to erroneous actions and failure to achieve the desired result. Investigative errors in criminal cases subject to consideration by jurors are classified into the following types: 1) strategic errors that give rise to tactical and procedural errors, such as: errors in proof that lead to incompleteness, one-sidedness and bias of the preliminary investigation; 2) errors of a procedural and legal nature, implying making incorrect procedural decisions and performing procedural actions; 3) errors of a criminal-legal nature, implying incorrect application of the rules of substantive law; 4) errors in the organization and tactics of the investigation; 5) forensic errors (organizational and tactical and forensic). Investigative (procedural) errors are caused by objective and subjective factors.
Keywords: *investigative errors, classification of investigative errors, trial by jury, criminal procedure.*

About author:

ILYUKHOV Aleksey – PhD in Law, associate professor, associate professor of the criminal procedure department of the investigator training faculty of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation named after A.Ya. Sukharev, colonel of justice, SPIN-code: 7284-2309, AuthorID: 754554, e-mail: alexsmol672019@yandex.ru

Ильюхов А.А. Следственные (процессуальные) ошибки, допускаемые следователем по уголовным делам, подлежащим рассмотрению судом с участием присяжных заседателей: понятие, классификация, правовая характеристика и причины возникновения // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 2 (82). С. 78–86.

Статья поступила в редакцию 14.10.2025 г.

Подписана в печать 16.06.2025 г.

Нормы-принципы в конституционном праве: механизмы реализации и особенности защиты

Н.В. Ковалева

ФГКОУ ВО «Академия управления Министерства внутренних дел
Российской Федерации», Москва;

ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», Москва

Предпринята попытка определить природу и роль норм-принципов в конституционном праве с учетом тенденций трансформации конституционного права в России XXI в. Определены сущностные характеристики и ключевые признаки данных норм, выявлены основания для их классификации. Проиллюстрирован прямой и опосредованный характер закрепления норм-принципов, показан механизм их реализации в отраслевом законодательстве России. Выявлены ограничения, препятствующие применению норм-принципов, а также предложены варианты их преодоления.

Ключевые слова: *нормы-принципы, правовая система, правоприменение, Конституция Российской Федерации, конституционные принципы, Конституционный Суд Российской Федерации, конституционный контроль, публичная власть.*

Современные тенденции конституционного развития Российской Федерации свидетельствуют о постепенном смещении акцентов от формально-догматической структуры нормативных предписаний к аксиологически насыщенным и системообразующим правовым ориентирам. В этих условиях нормы-принципы выступают в качестве стержневых категорий, обеспечивающих целостность и устойчивость конституционно-правовой системы, интеграцию правовых институтов и адаптацию правопорядка к меняющимся социально-политическим реалиям. В этой связи справедливо подчеркивается, что конституционные принципы являются концентрированным выражением («движущими идеями») развития общественных отношений [9].

Трансформация конституционного регулирования в XXI в. обусловлена как внутренними, так и внешними детерминантами: изменения затрагивают не только нормативные конструкции, но и структуру самих правоотношений, включая их субъектный состав, что может представлять реальную угрозу и невозможность функционирования всей системы права [14].

К числу внутренних факторов относятся: конституционная реформа 2020 г., направленная на перераспределение полномочий в системе публичной власти и конституционализацию традиционных ценностей; административная реформа, направленная на оптимизацию государственной структуры; переосмысление роли центра и субъектов в федеративном устройстве. Среди внешних факторов следует выделить

обострение геополитической напряженности, конфликты юрисдикций, а также пересмотр моделей взаимодействия между национальными и международными правовыми порядками [2, 5]. На этом фоне именно нормы-принципы, обладающие высокой степенью абстрактности, стабильности и нормативной направленности, становятся основанием для переосмысления и легитимации обновленных моделей публичной власти и современных практик правореализации.

Актуальность тематики обусловлена необходимостью переосмысления принципов как самостоятельного типа нормативных установлений. Отсутствие единства в понимании и классификации норм-принципов в определенной мере препятствует формированию целостной доктрины. Методологическую основу исследования составляют общенаучные и частнонаучные методы: догматико-юридический, системно-структурный и формально-юридический анализ. Использованы положения Конституции России, акты Конституционного Суда Российской Федерации (далее – Конституционный Суд РФ) и отраслевое законодательство. Применялись методы интерпретации норм, сопоставления доктринальных подходов, анализа правовых позиций.

Проблематика норм-принципов в конституционном праве получила ограниченное и преимущественно фрагментарное освещение в отечественной доктрине. Несмотря на наличие фундаментальных работ по принципам права в целом, их специальное исследование в контексте конституционного уровня нормативного регулирования остается недостаточно полным. Вопрос о том, обладают ли принципы статутной нормативной силой, являются ли они нормами в формально-юридическом смысле, или выступают исключительно как аксиологические ориентиры, по-прежнему остается дискуссионным.

В юридической науке отсутствует единый подход к определению норм-принципов, что связано с различиями в методологии и многообразием их функций в правовой системе. В конституционном праве под нормами-принципами стоит понимать нормативные положения, выражающие фундаментальные ценности, цели и исходные начала конституционного регулирования, обладающие обязательной юридической силой, применяемые как в качестве норм прямого действия, так и в качестве интерпретационных установлений. Другое определение дает исследователь И.А. Алешкова, согласно которому, «это императивные требования, выступающие регуляторами конституционных правоотношений, сформированные на основе обобщения закономерностей рациональной организации и деятельности публичной власти, выявленных в процессе развития российского государства, а также обобщения опыта взаимоотношений между субъектами конституционного права и их правового статуса» [8].

Нормы-принципы занимают учредительное положение в системе права: они не просто регулируют отношения, но и определяют рамки

допустимого нормативного конструирования, выполняя функцию эталона правовой легитимности [12]. К числу ключевых признаков норм-принципов относятся: высокая степень абстрактности, ценностная нагруженность, обязательность, интерпретационная функция, а также их системообразующая роль в системе права. Различаясь по степени абстракции, принципы и нормы конституционного права взаимно дополняют друг друга в механизме правового регулирования. Принципы формируют основу нормотворчества, определяя рамки правового регулирования и задавая ценностные ориентиры для правовых актов, в то время как иные нормы реализуют эти принципы на уровне конкретных предписаний.

Нормы-принципы конституционного права обладают рядом уникальных правовых свойств, отличающих их от иных видов нормативных установлений, что, безусловно, определяют их особую роль в системе источников права. Так, аксиоматичность норм-принципов проявляется в их самоочевидности, нормативной бездоказательности и исходном характере. Как отмечает ученый С. А. Мосин, такие принципы являются «непреложными истинами», определяющими направление развития правовой системы и обеспечивающими ее ценностную устойчивость [17].

Универсальность выражается в способности норм-принципов охватывать широкий круг общественных отношений, вне зависимости от конкретной правовой ситуации. Эти нормы не исчерпываются единичными случаями применения, а определяют стратегическую направленность правового регулирования в целом. Презумптивность предполагает, что нормы-принципы действуют в правовой системе независимо от прямого воспроизведения в конкретных актах. Их наличие и обязательность презюмируются и они же наполняют смыслом и легитимируют иные нормативные предписания, служа отправной точкой для их толкования и применения. Устойчивость норм-принципов выражается в их способности сохранять нормативное значение вне зависимости от изменчивости текущей политической обстановки и характеризуются высокой степенью правовой стабильности.

Нормы-принципы конституционного права могут быть классифицированы по ряду критериев, включая уровень обобщенности, сферу применения и специфику действия. В научной литературе, прежде всего, выделяются общеправовые, межотраслевые и отраслевые нормы-принципы [10].

Общеправовые рассматриваются как базовые нормативные положения, обладающие универсальностью и действующие во всех отраслях права. Они обеспечивают целостность правовой системы, служат ориентирами для правотворчества и правоприменения. К числу таких принципов относятся верховенство закона, демократизм, судебная защита прав и свобод граждан и т.п.

Межотраслевые нормы-принципы обеспечивают согласованность правового регулирования на уровне взаимодействия различных отраслей, соединяя в себе ценностную и нормативную функции, обеспечивая единство подходов в смежных сферах. К ним относятся принципы законности, справедливости, равенства, ответственности публичной власти и др.

Отраслевые нормы-принципы конституционного права определяют фундаментальные начала, присущие данной отрасли, отражают специфику предмета конституционно-правового регулирования: публичную власть, федеративное устройство, избирательный процесс и иные институты. К ним, например, относятся принципы народовластия, федерализма, разделения властей, приоритета прав и свобод человека и гражданина.

Стоит отметить, что специфика норм-принципов проявляется не только в их содержательных свойствах, но и в особенностях их конституционного выражения (закрепления). Несмотря на высокий уровень абстрактности и презумпцию нормативной силы, принципы нуждаются в институциональном закреплении, обеспечивающем их интеграцию в систему позитивного права [11].

Конституционное закрепление норм-принципов может носить как прямой, так и опосредованный характер. В первом случае речь идет о прямом текстуальном отражении принципа в положениях Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ), например, принцип народовластия (преамбула, ст. 1), приоритет прав и свобод человека и гражданина (ст. 2), федерализм (ст. 5), разделение властей (ст. 10), светский характер государства (ст. 14) и ряд др. [1].

Во втором случае закрепление осуществляется через включение принципов в конституционно-правовой порядок, где они обнаруживаются как исходные начала, лежащие в основании более конкретных нормативных предписаний. Нормы-принципы выступают не только как положения текста, но и как метанормативные ориентиры, определяющие дух и направленность всей конституционной конструкции. Это в определенной мере выражается в прецедентной деятельности Конституционного Суда РФ, а также в системной интерпретации положений Основного закона страны.

Конституционное закрепление норм-принципов представляет собой не только акт текстуальной фиксации, но и форму выражения ценностной и идеологической основы правопорядка, обеспечивая стабильность, направленность и преемственность конституционно-правового регулирования. Данные регуляторы обладают способностью непосредственно влиять на формирование содержания нормативных правовых актов, определяя пределы допустимого юридического конструирования, а также направленность правового регулирования в целом.

В правоприменении нормы-принципы могут реализовываться посредством прямого действия, однако такая реализация возможна лишь при их текстуальном закреплении в Конституции России, достаточной степени конкретности и признании соответствующей юридической силы Конституционным Судом РФ. Важно отметить, что именно Конституционный Суд придает данным регуляторам аксиологическое и интерпретационное значение, применяя их как ориентиры толкования, что в определенной мере служит обеспечением конституционного контроля правотворческой и правоприменительной деятельности.

При разрешении дел о конституционности нормативных актов Конституционный Суд РФ обращается к принципам как критерию оценки соответствия норм Основному Закону – они выступают не только как средства толкования, но и как самостоятельные нормативные ориентиры, формирующие обязательные для правоприменения правовые позиции. Это прослеживается, например, в Постановлении от 16.06.1998 г. № 19-П, где подчеркивается незыблемость принципа правового государства [20]. Высказанные позиции становятся источниками правовой аргументации и приобретают значение неких прецедентных ориентиров, обязательных для органов публичной власти.

Институционализация данных норм в рамках конституционного регулирования не ограничивается сферой публичного права. Нормы-принципы выполняют функцию соединяющего механизма, обеспечивающего их проекцию в иные отрасли законодательства. Такая трансформация обусловлена их метанормативным характером, позволяющим использовать конституционные принципы в качестве идеальной модели для нормативного конструирования в отраслевом правотворчестве. Например, принцип правового государства (ст. 1 Конституции РФ) становится нормативной основой в административном, уголовно-процессуальном и гражданском праве, определяя требования к правосудию, ответственности публичной власти и допустимым ограничениям прав. Принцип равенства (ст. 19 Конституции РФ) находит отражение в трудовом, семейном и избирательном законодательстве, выступая критерием допустимости законодательной дифференциации правового статуса субъектов. Принцип социального государства (ст. 7 Конституции РФ) раскрывается через положения Трудового кодекса Российской Федерации об охране труда и гарантиях минимального размера оплаты труда, через нормы Семейного кодекса Российской Федерации о поддержке семьи, а также через положения действующего законодательства в сфере обеспечения защиты инвалидов и пожилых граждан [3, 4, 6, 7]. Эти положения конкретизируют конституционный принцип, сохраняя его ценностную направленность и обеспечивая функциональную реализацию на уровне федеральных законов.

Большое значение имеет воздействие норм-принципов на процессуальные отрасли права, где они выполняют функцию

нормативных пределов для властных полномочий. В этом контексте трансформация принципов носит не только нормативный, но и интерпретационный характер, обеспечивая согласованность правовой системы и преемственность ее идеологических оснований.

Необходимо констатировать, что в российской правовой системе данные регуляторы сталкиваются с рядом объективно существующих ограничений. Одним из ключевых вызовов выступает декларативность: значительное число принципов формально закреплены в Конституции России или нормативных актах и не всегда явственен четкий механизм их реализации. Данный факт нередко приводит к их восприятию как абстрактных политико-правовых установок, а не как непосредственно применимых норм. Вызывает вопросы и определенная фрагментарность нормативного воплощения принципов, обусловленная отсутствием единообразного подхода к их «трансляции» в отраслевое законодательство.

Особую актуальность приобретает конкуренция норм-принципов с иными нормативными установлениями, прежде всего в сфере отраслевого регулирования, где не всегда учитывается конституционный контекст [11]. Это порождает коллизии, порой разрешаемые не в пользу фундаментальных начал, а в пользу формального позитивного регулирования. Такая ситуация снижает эффективность принципов как инструмента легитимации и ограничивает их способность выполнять роль критерия конституционной допустимости нормативных предписаний. Эффективная реализация норм-принципов требует институционального усиления их юридического статуса, а также преодоления доктринальной неопределенности, препятствующей их целостному восприятию и функциональному использованию в правотворчестве и правоприменении.

Необходимо указать, что Конституционный Суд РФ последовательно исходит из того, что принципы, закрепленные в Конституции РФ, обладают высшей юридической силой и непосредственным действием, подлежащим применению при оценке конституционности нормативных актов и правоприменительных решений [21]. Суд формирует устойчивую практику обращения к принципам правового государства (ст. 1), народовластия (ст. 3), равенства (ст. 19), социального государства (ст. 7), верховенства Конституции (ст. 15), а также принципу уважения достоинства личности (ст. 2) как к аксиологическим и нормативным основаниям решения по существу спора.

В правоприменительной деятельности судов общей юрисдикции нормы-принципы также находят отражение, особенно при разрешении правовых пробелов, коллизий, а также в условиях неопределенности нормативных предписаний. Апелляционные и кассационные определения по гражданским, административным и уголовным делам

содержат ссылки на конституционные принципы как на основу правовой позиции суда, в том числе при оценке соразмерности вмешательства государства в частную сферу, недопустимости дискриминации, обеспечения правового равенства сторон и процессуальных гарантий. Так, в Постановлении Конституционного Суда РФ от 20.12.1995 г. № 17-П подчеркивается недопустимость уголовной ответственности, нарушающей право на возвращение в страну и основанной на неопубликованных нормах, что вытекает из прямого действия ст. 15 и 27 Конституции России [19]. Аналогично, в Кассационном определении Верховного Суда Российской Федерации от 01.03.2023 г. судебное решение, нарушающее принцип независимости судебной власти, было признано незаконным. Это подтверждает возможность применения конституционных принципов в правоприменительной практике [18].

Эффективная защита норм-принципов в конституционном праве невозможна без функционирующих институциональных и политико-правовых механизмов, обеспечивающих их воспроизводимость, актуализацию и применение в правовой системе. К числу политико-правовых механизмов относится также деятельность органов исполнительной власти, обеспечивающих реализацию принципов на уровне подзаконного регулирования и административного правоприменения. Существенную функцию выполняют правозащитные институты – Уполномоченный по правам человека, общественные советы при органах власти, чьи заключения и обращения способствуют актуализации принципов в публичной плоскости и могут инициировать корректировку правоприменительной практики. Укреплению институциональной защиты способствует наличие устойчивой доктринальной интерпретации конституционных принципов. Роль юридической науки заключается в формулировании теоретически верифицированных подходов к раскрытию содержания принципов.

Защита конституционных норм-принципов представляет собой комплексный и межуровневый процесс, сочетающий в себе правовые, политические и институциональные компоненты, каждый из которых обеспечивает не только формальное соблюдение, но и субстантивную реализацию фундаментальных основ конституционного строя. Несмотря на закреплённость норм-принципов в Конституции России и их признанный регулятивный потенциал, сохраняются риски их нарушения, обесценивания и формализации. К числу ключевых угроз относится подмена ценностного содержания принципов прагматичными целями текущей политики, когда принципиальные положения конституционного строя уступают требованиям ситуационного нормотворчества или частной административной целесообразности. Это особенно заметно при разработке и применении правовых актов, которые номинально соответствуют букве закона, но вступают в противоречие с его духом и аксиологической основой [13]. Опасность представляют случаи, когда

отраслевое регулирование игнорирует или в той или иной мере искажает содержание норм-принципов.

Совокупность обозначенных рисков указывает на необходимость системных мер, направленных на преодоление нормативной неопределенности, устранение фрагментарности правового воплощения и институциональное укрепление принципов в публичной практике. В этих условиях актуализируется задача выработки рекомендаций, обеспечивающих воспроизводимость принципов в правотворчестве и правоприменении, усиление их прямого действия, а также формирование устойчивой культуры обращения к нормам-принципам.

Прямое действие норм-принципов в системе законодательства предполагает их нормативную актуализацию как самостоятельных регуляторов, обладающих юридической обязательностью вне зависимости от уровня детализации [15]. Для достижения этого необходимо закрепление в законодательной технике приоритета принципов над производными нормами, особенно в рамках конституционно значимого регулирования. Институционализация прямого действия ориентирует учитывать конституционные принципы на стадии законопроекта, закрепления принципов в качестве критерия допустимости нормативного регулирования и т.п.

Особую значимость приобретает формализация процедуры доктринальной и правовой верификации проектов нормативных актов с точки зрения их аксиологической совместимости с конституционными установлениями. Принципы должны фигурировать не только в преамбулах или декларативных положениях, но и в текстах норм, непосредственно регулирующих отношения в сфере публичной власти, прав и свобод личности. Так можно наделить принципы не абстрактным, а регулятивным статусом, обеспечивающим реальное влияние на содержание законодательства и устойчивость всей правовой системы.

Целесообразно формализовать процедуру правовой верификации проектов нормативных актов с точки зрения их аксиологической совместимости с конституционными установлениями. Рекомендуются предусматривать включение принципов не только в преамбулы или декларативные положения, но и непосредственно в тексты норм, регулирующих отношения в сфере публичной власти, прав и свобод личности. Такая практика придаст принципам более явственный регулятивный статус и обеспечит влияние на содержание действующего законодательства в целом.

Для обеспечения единообразного и обоснованного применения конституционных норм-принципов в правоприменительной практике необходимы соответствующие разъяснения, определяющие порядок и условия применения конституционных принципов в процессе судебного разбирательства, включая случаи разрешения правовых пробелов, коллизий и неопределенностей в законодательстве. В частности, порядок

применения конституционных принципов в случае отсутствия прямого законодательного регулирования; критерии оценки соответствия нормативных актов основным конституционным принципам; методологию толкования и применения принципов в различных отраслях права.

Представляется целесообразным рассмотреть интеграцию норм-принципов в отраслевое законодательство в качестве одного из приоритетных направлений законодательной политики, направленной на обеспечение внутренней согласованности и ценностного единства правовой системы. В этой связи уместно предусмотреть разработку процедуры предварительного и последующего анализа отраслевых нормативных актов на предмет их согласованности с конституционными принципами.

Особое внимание может быть уделено трансляции принципов в сферы, где наиболее ощутима потребность в аксиологической согласованности — в области публичной администрации, правосудия, социальной политики и регулирования прав человека. В указанных сферах именно нормы-принципы способны придать нормативной системе внутреннюю структурированность, повысить ее предсказуемость и устойчивость, а также способствовать устранению коллизий.

Дополнительно заслуживает внимания вопрос формирования устойчивого механизма мониторинга, который мог бы осуществляться, например, Советом при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства, Уполномоченным по правам человека или специализированными научными учреждениями. Такой мониторинг мог бы включать регулярный анализ законодательства и правоприменительных решений на предмет соответствия базовым принципам и сопровождаться опубликованием системных докладов.

В рамках разработки нормативных актов, имеющих стратегическое значение для конституционного строя, национальной безопасности или сферы прав человека, имеет смысл рассмотреть введение некоего обязательного заключения, в котором оценивать предлагаемые нормы с точки зрения их соответствия основополагающим принципам Конституции России, и формировать его при участии независимых экспертных советов или научных центров.

Нормы-принципы в конституционном праве обладают императивной юридической силой, аксиологической насыщенностью и системообразующей функцией, определяя пределы допустимого правового регулирования и легитимируя его содержание. Реализация их обеспечивается преимущественно через практику Конституционного Суда РФ, где они выступают нормами прямого действия и интерпретационными критериями, однако в отраслевом

законодательстве и правоприменении сохраняется фрагментарность и конкуренция нормативных установлений. Эффективная защита норм-принципов требует установления их приоритетного статуса в системе источников, выработке более эффективных механизмов реализации, обеспечивающей стабильность и ценностное единство конституционного правопорядка.

Перспективы дальнейших исследований норм-принципов особенно актуальны в контексте модернизации публичной власти, формирование институтов государственных функций [16] и развития правовой политики, ориентированной на устойчивость конституционного порядка. В той связи необходимо теоретическое уточнение их правового статуса, критериев и характеристик, а также разработка действенных механизмов их реализации и закрепления в системе нормативного регулирования с целью дальнейшего совершенствования действующего законодательства Российской Федерации.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 25.05.2025).
2. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 25.05.2025).
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (в ред. от 23.11.2024 г., с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025 г.) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 25.05.2025).
4. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ (в ред. от 07.04.2025 г.) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 25.05.2025).
5. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”» от 20.07.2020 г. № 236-ФЗ (в ред. от 20.12.2023 г.) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 25.05.2025).
6. Федеральный закон от 24.11.1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» (в последней ред.) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 25.05.2025).
7. Федеральный закон от 28.12.2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» (в последней ред.) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 25.05.2025).
8. Алешкова И.А. Соотношение принципов и норм конституционного права // Аграрное и земельное право. 2019. № 2 (170). С. 19–24.

9. Володина С.В. О понятии «принцип» в конституционном праве // *Lex Russica (Русский закон)*. 2023. Т. 76, № 12 (205). С. 52–60.

10. Вопленко Н.Н., Рудковский В.А. Основные принципы права: понятие и классификация // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция*. 2013. № 1 (18). С. 5–11.

11. Гамбарян А.С. Внесистемные коллизии и внутрисистемные конфликты принципов права: доктрина, практика, техника // *Юридическая техника*. 2020. № 14. С. 36–45.

12. Захарова И.Ю. Содержание и социальная ценность конституционных принципов // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2010. № 9 (190). С. 13–17.

13. Клейменов М.П., Сейбол Е.М. Проблема правового нигилизма в России // *Вестник Омского университета. Серия: Право*. 2024. Т. 21, № 2. С. 61–68.

14. Ковалева Н.В. Изменение в структуре правоотношений как фактор социальных опасностей в эпоху современных трансформаций // *Преступность. Общество. Безопасность: сб. науч. ст. по материалам Международного форума, международной науч.-практ. конф. (к 100-летию со дня рождения проф. С.В. Бородина) и круглого стола, Москва, 31 октября 2024 г.: в 2 ч. М.: Академия управления МВД России, 2024. С. 82–86.*

15. Ковалева Н.В. Социальное и технико-юридическое регулирование в обществе // *Вестник Уфимского юридического института МВД России*. 2019. № 4(86). С. 18–24.

16. Крусс В.И. К конституционной теории государственных функций // *Вестник ТвГУ. Серия: Право*. 2024. № 1 (77). С. 85–94.

17. Мосин С.А. Свойство аксиоматичности конституционных принципов // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право*. 2023. № 2 (53). С. 81–88.

18. Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 01.03.2023 г. № 18-КАД22-78-К4 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 25.05.2025).

19. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20.12.1995 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности ряда положений пункта "а" статьи 64 Уголовного кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. А. Смирнова» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 25.05.2025).

20. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16.06.1998 г. № 19-П «По делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 25.05.2025).

21. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14.07.2015 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона “О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней”, пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона “О международных договорах Российской Федерации”, частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350

Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 25.05.2025).

Об авторе:

КОВАЛЕВА Наталья Витальевна – доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра ФГКОУ ВО «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации» (Россия, 125993, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8), профессор ФГБОУ ВО «Государственный университет управления» (Россия, 109542, г. Москва, Рязанский проспект, дом 99), SPIN-код: 7445-8801, AuthorID: 581160, e-mail: doktor.kovaleva.nv@yandex.ru

Norms-principles in constitutional law: mechanisms of implementation and features of protection

N.V. Kovaleva

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation, Moscow;
State University of Management, Moscow

An attempt is made to determine the nature and role of norms and principles in constitutional law, taking into account the trends in the transformation of constitutional law in Russia in the 21st century. The essential characteristics and key features of these norms are determined, and the grounds for their classification are identified. The direct and indirect nature of the consolidation of norms and principles is illustrated, and the mechanism of their implementation in the sectoral legislation of Russia is shown. The limitations that hinder the application of the norms-principles are identified, and options for overcoming them are proposed.

Keywords: *norms-principles, legal system, law enforcement, Constitution of the Russian Federation, constitutional principles, Constitutional Court of the Russian Federation, constitutional control, public authority.*

About author:

KOVALEVA Natalia – Doctor of Law, Associate Professor, Chief Researcher at the Scientific Research Center of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation" (8 Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh str., Moscow, 125993, Russia), Professor, State University of Management (Russia, 99 Ryazansky Prospekt, Moscow, 109542), SPIN code: 7445-8801, AuthorID: 581160, e-mail: doktor.kovaleva.nv@yandex.ru

Ковалева Н.В. Нормы-принципы в конституционном праве: механизмы реализации и особенности защиты // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 2 (82). С. 87–98.

Статья поступила в редакцию 25.05.2025 г.

Подписана в печать 16.06.2025 г.

Интересы в конституционном праве России: взгляд сквозь призму поправок 2020 года

В.В. Комарова

ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», г. Москва

Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие в процессе конституционно-правового закрепления и защиты интересов в Российской Федерации. Предметом исследования выступает эволюция категории «интерес» в Конституции России, ее субъектный состав, формы закрепления и механизмы реализации до и после поправок 2020 г. Цель исследования – выявление и анализ изменений в конституционном регулировании интересов, определение новых субъектов-носителей и механизмов их защиты. Для достижения цели решаются следующие задачи: исследование закрепления индивидуальных и коллективных интересов в Конституции России, анализ субъектного состава, форм и способов защиты, оценка последствий конституционной реформы 2020 г. Методологическую основу составляют сравнительно-правовой и системный метод. В результате установлено, что поправки 2020 г. расширили сферу конституционного регулирования интересов, ввели новые категории субъектов и возложили дополнительные обязанности на органы власти. Автор приходит к выводу о необходимости разработки доктринальной концепции, обеспечивающей баланс между частными и публичными интересами и критерии их соотношения в правоприменении.

Ключевые слова: Конституция РФ, интересы, индивидуальные и коллективные интересы, национальные интересы, конституционная реформа 2020 г., субъекты-носители интересов, механизмы реализации, публичные и частные интересы, правовое регулирование, конституционные обязанности.

Конституция России до 2020 г., как известно, закрепляла термин «интерес» в нескольких аспектах. Например, в ст. 30 Конституции России интерес фигурировал как объект защиты, поскольку, согласно упомянутой норме, «каждый имеет право на объединение, включая право создавать профессиональные союзы для защиты своих интересов» [1]. Таким образом, был представлен индивидуальный интерес и способ его защиты коллективным субъектом, институтом гражданского общества.

В контексте коллективных интересов ст. 36 Конституции России предусматривает возможность защиты «законных интересов иных лиц». В данном случае применяется иной механизм – введение ограничений для собственников в отношении владения, пользования и распоряжения землей и другими природными ресурсами. Установленный запрет

направлен на предотвращение ущерба окружающей среде, а также на недопущение нарушений прав и законных интересов третьих лиц. Поскольку право собственности может принадлежать различным субъектам, обязанность по обеспечению защиты законных интересов в сфере охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов возлагается как на государственные органы, так и на хозяйствующих субъектов, институты гражданского общества и в ряде случаев на частных собственников.

Аналогичную формулировку «законные интересы других лиц» мы видим в ст. 55 Конституции России. В этой статье их защита осуществляется другим, нужно сказать исключительным способом – ограничением прав и свобод человека и гражданина федеральным законом. Следовательно, установлена обязанность органов федеральной власти и форма ее реализации. Отметим, что именно в этой статье подчеркнута важность предполагаемых коллективных законных интересов, поскольку конституционный законодатель разместил их наравне с такими чрезвычайно важными для государства и общества объектами, как основы конституционного строя, нравственность, здоровье других лиц, обеспечение обороны страны и безопасности государства.

Следовательно, до 2020 г. в конституционном тексте, по нашему мнению, как объект защиты фигурировали индивидуальные интересы и косвенным образом закреплялись групповые интересы. Формы защиты, так же как и субъекты, на которые была возложена обязанность защиты, отличаются в зависимости от различных сфер размещения интересов.

В процессе конституционной реформы сфера конституционного закрепления интересов расширилась.

Так, в новом п. «ж» ст. 83 Конституции России впервые закреплены коллективные интересы, где субъект, их носитель, – нация. Национальные интересы, их обеспечение наравне с безопасностью личности, общества и государства, а также поддержание гражданского мира и согласия в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, предотвращение внутренних и внешних угроз – полномочия главы государства, который формирует Совет Безопасности РФ в целях содействия реализации его полномочий. Таким образом, конституционный законодатель создает механизм реализации новых для конституционного текста национальных интересов, устанавливая субъектов–носителей обязанности Президента РФ и Совет Безопасности РФ, посредством отсылочных норм устанавливает обязанность законодательного органа принять федеральный закон о статусе Совета Безопасности РФ.

Особенно внимание обращает на себя п. 3 ст. 132 Конституции России, который гласит, что «органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в

Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории».

Несомненно, ключевая значимость данной статьи, на наш взгляд, заключается не только в закреплении единой системы публичной власти, но и в том, что, во-первых, в ней определены интересы населения, во-вторых, обозначены субъекты, принимающие участие в их реализации. В-третьих, объединяя органы местного самоуправления и органы государственной власти в единую систему публичной власти в Российской Федерации, конституционный законодатель формирует ее цель: наиболее эффективное решение задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории. В-четвертых, указывает форму достижения поставленной цели – взаимодействие. В Федеральном законе от 08.12.2020 г. №394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» перечислены виды взаимодействия: организационно-правовое, функциональное и финансово-бюджетное [3]. Помимо достоинств, упомянутая конституционная норма порождает вопросы, на которые пока нет ответов. К таковым можно отнести наполнение термина «интересы населения», формы и способы их выявления, критерии отнесения, субъектов выявления, методы закрепления и проверку эффективности. Точно так же, как и «наиболее эффективное решение задач», что требует выработки и закрепления критериев определения эффективного взаимодействия и наиболее эффективного взаимодействия, способов и субъектов достижения установленных задач.

В ст. 69 Конституции России появились индивидуальные интересы, подразумевающие коллективные групповые интересы, у совершенно нового субъекта: соотечественников. Отметим особую, на наш взгляд, целевую обязанность Российской Федерации в сфере защиты интересов соотечественников, проживающих за рубежом. Конституционно законодатель, закрепляя обязанности России поддерживать проживающих за рубежом соотечественников в осуществлении их прав, обеспечении защиты их интересов, устанавливает границы этой поддержки, ее цель, которая, на наш взгляд, выражается в сохранении общероссийской культурной идентичности.

Интерес нашего государства и общества на современном этапе, заявленный в преамбуле Конституции России и получивший уточнение в процессе конституционной реформы 2020 г., – это будущее поколение,

Косвенным способом, по глубокому убеждению автора, интерес закреплен посредством использования новой формы целеполагания: приоритета. Так, конституционным интересом, закрепленным в 2020 г., являются дети, с уточнением направления и форм реализации: дети как важнейший приоритет государственной политики РФ; направление воспитания детей: воспитание в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим (п. 4 ст. 67.1); установление обязанности

государства: оно «создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей», «... обеспечивая приоритет семейного воспитания, берет на себя обязанности родителей в отношении детей, оставшихся без попечения».

Концепция патриотического воспитания граждан Российской Федерации определяет патриотизм как «любовь к Родине, преданность своему Отечеству, стремление служить его интересам и готовность, вплоть до самопожертвования, к его защите». В большинстве проанализированных материалов патриотизм определяется через категорию любви. Однако одним из исключений является Росвоенцентр, занимающийся организационным сопровождением данной программы, где акцент делается на поведенческий аспект: «патриотизм рассматривается как особая направленность социального поведения граждан, высший смысл жизни и деятельности личности, долг и ответственность перед обществом, предполагающие приоритет общественных интересов над индивидуальными вплоть до самопожертвования, пренебрежения опасностью для личной жизни и здоровья при защите интересов Отечества» [17].

Следующим аспектом, на наш взгляд, является фрагментарное закрепление на конституционном уровне категории «молодежь», представленной через молодежную политику (п. «е» ст. 72). В то же время ее более детализированное регулирование осуществляется на отраслевом уровне в Федеральном законе от 30.12.2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации», где установлены критерии отнесения к данной категории, включая социальное положение и наличие «специфических интересов и ценностей». Однако ни содержание первого, ни второго критерия в законе не раскрывается [2].

Актуальнейшим интересом в условиях экономических санкций являются не только социальные, но и экономические аспекты – основа для стабильной государственности и устойчивого развития. Конституционно закреплены устойчивое экономическое развитие и новые (для конституционного уровня) механизмы его достижения.

Отметим, что конституционно закрепленные интересы в прямом и опосредованном виде, получают конкретные и плановые механизмы реализации в отраслевом законодательстве на федеральном уровне, и в субъектах федерации, и в актах стратегического планирования.

Кроме того, до конституционализации в узком смысле, национальные интересы и стратегические национальные приоритеты Российской Федерации были установлены ранее в сфере экологической, информационной безопасности нашей страны и др. [8, 9, 11].

Были поставлены задачи обеспечения национальных интересов при развитии информационного общества и в области цифровой экономики (п. 22) [7].

Субъекты Российской Федерации конкретизировали интересы в своих основных законах; в Мурманской области это приоритеты социально-экономической политики [12]; в Камчатском крае – приоритет защиты прав и интересов несовершеннолетних и нетрудоспособных членов семьи [13].

В создании механизмов реализации нового конституционного статуса детей, закрепленного в конституциях и уставах субъектов федерации, участвуют общие нормы: о приоритетах охраны жизни и здоровья человека, его всестороннего развития, обеспечения благоприятных экологических условий для его жизнедеятельности при соблюдении прав и законных интересов других лиц (г. Москва) [14]; приоритете образования (Калининградская область) [15].

Устав города Москвы и Владимирской области [16] закрепляют базовые основы в одном направлении: «землепользование ... осуществляется исходя из приоритета охраны жизни и здоровья человека при соблюдении прав и законных интересов других лиц».

После конституционного установления и уточнения общественных и государственных интересов (не как противоречивых величин, а как двух сторон одной медали) глава государства своими актами обозначил направления отраслевого регулирования в решении вопросов первостепенной значимости. Такими, как Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [6] в рамках устранения или нивелирования противоречий между национальными государствами на региональном, межрегиональном и глобальном уровнях, защиты национальных интересов РФ в международной сфере [4] и отчасти во внутренней политике; в сфере защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей, закрепленных в Указе Президента РФ от 09.11.2022 г. «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [5].

На решение задачи сбалансированности различных интересов и их закрепления в отраслевом национальном законодательстве, на наш взгляд, направлено закрепление в тексте Конституции России институтов гражданского общества и создание механизмов их участия в выработке и проведении государственной политики посредством закрепления соответствующей обязанности Правительства России, в том числе и по осуществлению мер по поддержке институтов гражданского общества (п. «е.1» ст. 114 Конституции РФ).

Задолго до 2020 г. Конституционный Суд Российской Федерации отметил, что политические партии и многопартийная система способны полноценно отражать интересы и потребности общества: «именно политические партии <...> содействуют по смыслу статьи 13 Конституции Российской Федерации, процессу волеобразования народа

<...>, что, в свою очередь, требует согласованного функционирования избирательной системы и многопартийной политической системы, способной адекватно выражать интересы и потребности общества как в Государственной Думе, являющейся, по смыслу Конституции Российской Федерации, организационной формой представительства воли и интересов многонационального народа Российской Федерации, так и в представительных органах государственной власти субъектов Российской Федерации и представительных органах муниципальных образований [10].

По глубокому убеждению автора, «...целью деятельности субъектов политического процесса является выявление требований, интересов, правомерных ожиданий многонационального народа нашей страны, как основы политики государства и соответствующих направлений развития общества, в рамках, обозначенных Конституцией России; нормативное ее оформление, планирование и формирование механизмов ее реализации, контроля результатов» [18, с. 310].

В заключение можно сделать вывод о том, что категория «интерес» в процессе поправок в Конституцию России 2020 г. расширилась; появились новые субъекты–носители конституционного интереса, элементы конституционных механизмов реализации закрепленных в тексте интересов, которые выражаются в прямых обязанностях органов власти и должностных лиц, новых формах их достижения. Конституционная модель находит свою реализацию в правовых актах федерального уровня и на уровне субъектов Российской Федерации. Между тем риски противоречий в реализации системы конституционно закрепленных интересов, безусловно, необходимо предотвратить. По твердому убеждению автора, требуется доктринальная концепция как основа правовой политики в обозначенной сфере, включающая, в числе прочего, системообразующие факторы конституционных интересов, баланс частных и публичных интересов, критериев баланса интересов индивидуальных и коллективных.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г. // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 30.12.2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 1 (ч. I). Ст. 28.
3. Федеральный закон от 08.12.2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 50 (ч. III). Ст. 8039.
4. Указ Президента РФ от 31.03.2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 14. Ст. 2406.

5. Указ Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СЗ РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.

6. Указ Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.

7. Указ Президента РФ от 09.05.2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

8. Указ Президента Российской Федерации от 19.04.2017 г. № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ. 2017. № 17. Ст. 2546.

9. Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 50. Ст. 7074.

10. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 07.07.2011 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности положений части 3 статьи 23 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и частей 2 и 3 статьи 9 Закона Челябинской области «О муниципальных выборах в Челябинской области» в связи с жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и граждан И. И. Болтушенко и Ю. А. Гурмана» // СЗ РФ. 2011. № 29. Ст. 4557.

11. Военная доктрина Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации 25.12.2014 г. № Пр-2976) // РГ. 2014. № 298.

12. Устав Мурманской области (принят Мурманской областной Думой 26.11.1997 г.) // Ведомости Мурманской областной Думы. 2014. № 145. С. 121–157.

13. Устав Камчатского края от 04.12.2008 г. № 141 (принят Постановлением Законодательного Собрания Камчатского края от 14.11.2008 г. № 326) // Официальные Ведомости. 2008. № 199–200.

14. Закон г. Москвы от 28.06.1995 г. «Устав города Москвы» // Ведомости Московской Думы. 1995. № 4.

15. Закон Калининградской области от 18.01.1996 г. № 30 «О вступлении в действие Устава (Основного Закона) Калининградской области» (принят Калининградской областной Думой 28.12.1995 г.) // Янтарный край. 1996. № 20.

16. Закон Владимирской области от 14.08.2001 г. № 62-ОЗ «Устав (Основной Закон) Владимирской области» (принят постановлением ЗС Владимирской области от 14.08.2001 г. № 285) // Газета «Владимирские ведомости». 2001. 23 августа.

17. Военно-патриотическое воспитание российских граждан: состояние, проблемы, пути совершенствования [Электронный ресурс]. URL: <http://council.gov.ru/media/files/41d5955b7a69d880995f.pdf> (дата обращения: 10.03.2025).

18. Комарова В.В. Конституционные аспекты правового статуса субъектов политического процесса Национальные модели политического процесса как основа многополярного мира: конституционные и политологические аспекты: монография / отв. ред. А. В. Шапошников; науч. ред. и рук. авт. кол. В. В. Комарова. М.: Норма: ИНФРА-М, 2025. 424 с.

Об авторе:

КОМАРОВА Валентина Викторовна – профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права России Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Почетный работник высшего образования Российской Федерации, Почетный работник сферы образования Российской Федерации (125993, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9, стр. 2); ORCID: 0000-0002-5344-3003; SPIN-код: 7249-8150; e-mail: vvalentinak@ya.ru

Interests in Russian constitutional law: a view through the prism of the 2020 amendments

V.V. Komarova

Kutafin Moscow State University of Law (MSAL), Moscow

The object of the study is social relations arising in the process of constitutional-legal consolidation and protection of interests in the Russian Federation. The subject of the study is the evolution of the category of «interest» in the Constitution of Russia, its subject composition, forms of fixation and mechanisms of realization before and after the amendments of 2020. The purpose of the study is to identify and analyze changes in the constitutional regulation of interests, to identify new subjects-carriers and mechanisms for their protection. To achieve the goal the following tasks are solved: the study of the consolidation of individual and collective interests in the Constitution of Russia, the analysis of the subject composition, forms and methods of protection, the assessment of the consequences of the constitutional reform of 2020. The comparative-legal and system method form the methodological basis. As a result, it is established that the 2020 amendments expanded the scope of constitutional regulation of interests, introduced new categories of subjects and imposed additional responsibilities on the authorities. The author concludes that it is necessary to develop a doctrinal concept that provides a balance between private and public interests and criteria for their correlation in law enforcement.

Keywords: *the Constitution of the Russian Federation, interests, individual and collective interests, national interests, constitutional reform of 2020, subjects-carriers of interests, mechanisms of realization, public and private interests, legal regulation, constitutional duties.*

About author:

КОМАРОВА Валентина – Professor, Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law Kutafin Moscow State University of Law (MSAL), Honorary Worker of Higher Education of the Russian Federation, Honorary Worker of Education of the Russian Federation (125993, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya St., 9, p. 2); ORCID: 0000-0002-5344-3003; SPIN-code: 7249-8150; e-mail: vvalentinak@ya.ru

Комарова В.В. Интересы в конституционном праве России: взгляд сквозь призму поправок 2020 года // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 2 (82). С. 99–106.

Статья поступила в редакцию 25.02.2025 г.

Подписана в печать 16.06.2025 г.

О злоупотреблении правом на обращение с заявлением о применении исковой давности: вопросы правовой квалификации

А.В. Потеева

Арбитражный суд Кировской области, г. Киров

В статье исследуются проблемные вопросы квалификации о злоупотреблении правом обращения с заявлением о применении исковой давности. Заявление стороны спора о применении исковой давности является не только способом защиты, но и субъективным правом, которым сторона спора может злоупотреблять. В статье предлагается путь по выявлению судами таких фактов через призму процессуальных отношений по установлению обстоятельств по делу за счет двухступенчатого теста. Одним из квалифицирующих признаков злоупотребления правом обращения с заявлением о применении исковой давности является вред, формой выражения которого считается умаление права на защиту другой стороны (истца), который носит имущественный характер.

Ключевые слова: *исковая давность, злоупотребление правом обращения с заявлением о применении исковой давности, способы защиты.*

Субъективное гражданское право и его защита – тесно взаимосвязанные друг с другом категории. Физические и юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе. Такой фундамент позволяет рассматривать защиту прав в гражданском праве в двух аспектах. Первый, как способ, посредством которого удастся преодолеть негативное воздействие на субъективное право. Второй, самостоятельное субъективное гражданское право, заключающееся в праве на защиту. Для настоящей статьи интерес представляет второй аспект.

Статьей 12 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) закреплены способы защиты гражданских прав. Перечень способов, содержащийся в названной статье, носит открытый характер [1]. Некоторые суды придерживаются позиции, что способы защиты устанавливаются законом, из-за чего отказывают истцам в защите права, если выбранный способ не предусмотрен законом, например признание сделки действительной (Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 27.11.2013 г. по делу № А32-4788/2013) [11]. Вместе с тем, в доктрине существует позиция, согласно которой защита права возможна способами, не предусмотренными законом. В таком случае избранный способ защиты не должен противоречить основным началам и смыслу

гражданского права. Такой подход исходит из правового смысла абз. 1 п. 1 ст. 12 ГК РФ.

Защита нарушенных субъективных прав сопряжена с институтом исковой давности, который предоставляет временную возможность принудительной защиты с применением мер принуждения со стороны государства по отношению к нарушителю права (ответчику по делу). Возможность принудительной защиты утрачивается с истечением установленного законом давностного срока, при условии, что ответчиком будет заявлено в суде применение исковой давности к спорным правоотношениям (ст. 199 ГК РФ). С позиции материального права, здесь речь идет о действии гражданского правоотношения во времени. Этот аспект представлял особый интерес для цивилистов еще дореволюционного периода [6, с. 283–284]. Сегодня он вновь заслуживает внимания. Однако для глубокого понимания и внесения определенности в указанный аспект надо соотнести действие правоотношения с исковой давностью.

Если в гражданском правоотношении своевременно не исполнено обязательство и срок исковой давности по нему пропущен, означает ли это, что правоотношение прекращено? Ответ должен быть отрицательным, гражданское правоотношение продолжает существовать как за пределами срока исполнения обязательства, так и за пределами истекшей исковой давности. Однако истец несет риск заявления в суде ответчиком применения исковой давности, но не лишен возможности применения иных способов защиты.

Обращения ответчика к суду с заявлением применения исковой давности (возражение, эксцепция) является одним из способов защиты нарушенного субъективного права, который надо отнести к «иным» способам защиты, по смыслу абз. 14 ст. 12 ГК РФ и закрепленным в п. 2 ст. 199 ГК РФ. Хотя в законе закреплено, что возражение подается стороной в споре, все же это право в абсолютном большинстве осуществляет ответчик, а не истец. При этом очевидно, что ответчик, заявляющий возражение, стремится защитить свои интересы против предъявленного к нему требования. Обоснование и понимание того, что «иной» способ защиты субъективного права является самим его содержанием, вызывает интерес и необходимость соотнести такое право с институтом пределов осуществления прав (ст. 1, 10 ГК РФ), т. е. право стороны выступить с заявлением о применении исковой давности является способом защиты права, а значит к нему так же применимы положения о недопустимости злоупотребления правом.

Злоупотребление правом является оценочной категорией и не имеет легального определения, что нужно рассматривать с положительной стороны, поскольку противоправность действий, повлекших нарушение гражданского права, завуалирована и далеко не очевидна [5, с. 95]. Легализация определения может создать границы понимая

злоупотребления правом, на что найдется противодействие, не подпадающее под определение (дефиницию), но по существу это будет не отличить от злоупотребления правом. Квалифицировать злоупотребление правом необходимо исходя из критериев добросовестности [4] и разумности [3]. Названные критерии так же являются оценочными. По общему правилу действует презумпция добросовестности и разумности при осуществлении гражданских прав, а значит факт злоупотребления правом необходимо доказать в суде.

В судебной практике имеются случаи, когда суд ссылаясь на злоупотребление правом на защиту по исковой давности и отказывал ответчику в ее применении. Так, по одному из дел суд квалифицировал как злоупотребление правом действия ответчика, оспаривавшего в судебном порядке право истца на акции и тем самым лишившего его возможности предъявить в установленный законом срок исковой давности иск о признании недействительным решения собрания акционеров. Судом было отказано ответчику в применении исковой давности со ссылкой на ст. 10 ГК РФ, поскольку последний препятствовал своими действиями потерпевшим в осуществлении защиты нарушенных прав [5, с. 96] (см. подробнее: Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 07.11.2006 г. № Ф08-5243/2006 по делу № А63-420/2005-С2 [10]).

Положение о возможности отказа в применении исковой давности содержится в п. 61 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», в котором разъяснено, что «сторона, фактически исполнявшая сделку до ее необходимой государственной регистрации, не вправе ссылаться на истечение срока исковой давности по требованию другой стороны о ее государственной регистрации (пункт 2 статьи 10, пункт 3 статьи 433 ГК РФ)» [7]. Позиция Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ) предельно ясна в изложенном пункте. Если сторона сделки фактически исполняла взятые на себя обязательства, как-то передала недвижимое имущество по договору купли-продажи покупателю и не стремилась никак произвести процедуру государственной регистрации перехода права, то при возникновении спора, по которому исковая давность истекла, продавец с целью недопущения противоречия поведения фактическому исполнению может отказаться в применении исковой давности, поскольку своим фактическим поведением он уже показал свое согласие со сложившимися обстоятельствами, а также в пределах срока исковой давности ему была предоставлена возможность защиты права, которой он не воспользовался.

Другой пример из судебной практики. Злоупотребление правом обращения с заявлением о применении исковой давности рассматривается нераскрытие определенного факта ответчиком в

предшествующем судебном деле, что повлекло пропуск давности по последующему иску. Так, истец состоял в договорных отношениях с ответчиком, где последний должен был осуществлять хранение, складской учет металлозаготовок и изготовленной с их использованием продукции. В 2008 г. истец заявил требование о возврате металлозаготовок. Ответчик обязанность не исполнил, поскольку сообщил об отсутствии у него предмета хранения. В 2012 г. вступило в силу решение суда, по которому суд взыскал в пользу истца часть понесенных убытков по невозврату предмета хранения. В 2014 г. из другого судебного решения истец узнал, что ответчик неосновательно обогатился из ранее спорно сложившихся отношений тем, что реализовал оставшуюся часть металлозаготовок. Истец подал новый иск. Суды первой и второй инстанции применили исковую давность и пришли к выводу о ее пропуске. ВС РФ не согласился с таким выводом, поскольку пропуску исковой давности способствовало имевшее место поведение ответчика о злоупотреблении правом. Последний был обязан раскрыть обстоятельства, связанные с судьбой спорных металлозаготовок при рассмотрении дела 2012 г., однако об их судьбе он умолчал. Применяя ст. 10 ГК РФ, ВС РФ указал, отказывая в защите права ответчику, что преследуется цель не наказание ответчика, а защита прав лица, потерпевшего от этого злоупотребления (см. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 26.01.2016 г. по делу № 301-ЭС15-5443, А43-25745/2013 [9]).

Таким образом, наблюдается последовательная практика судов в установлении злоупотребления правом стороны спора на применение исковой давности к спорным правоотношениям, которое может выражаться в создании препятствий в защите нарушенного права, противоречивом поведении, в то время как до момента заявления о давности никто не препятствовал и даже сами исполняли взятые на себя обязанности. Форма выражения злоупотреблений многообразна, поэтому загонять ее в определенные рамки недопустимо.

Между тем в практике имеются примеры, когда суды ссылаются на факт злоупотребления правом, отказывая в защите, хотя формально вывод сделан поспешно.

Так, в последнее время в средствах массовой информации широко обсуждаются дела так называемой деприватизации. Камнем преткновения по таким делам является вопрос начала течения исковой давности. Основная масса приватизаций государственного имущества приходится на конец девяностых – начало двухтысячных годов. Соответственно, давность с момента приватизации может исчисляться более чем 20 лет. Одним из оснований деприватизации является нарушение ее процедуры, что влияет, как указывают суды, на волю собственника по передаче имущества. Другим основанием можно считать приобретение имущества лицом, которому запрещено

заниматься предпринимательской деятельностью. Как усматривается из судебных актов, удовлетворивших требование о возврате имущества, обстоятельством, из которого становится известно о нарушении права, являются надзорные мероприятия прокуратуры, после которых было подано исковое заявление. Первое действие по делам о возврате имущества: сторона ответчика подавала заявление суду о применении исковой давности, поскольку истец не мог не знать о нарушении права, когда проводилась сделка по приватизации. Суды не удовлетворяли заявление и отказывали в применении исковой давности. В качестве причин указывалось «применение срока исковой давности будет являться способом легализации прав на акции лиц, которые приобрели их не предусмотренным законом способом» (Определение Верховного Суда РФ от 27.05.2024 г. № 308-ЭС24-6750 по делу № А32-28986/2023 [8]), «применение заявленных ответчиками положений закона создаст угрозу причинения вреда, поскольку по существу исковые требования прокурора обоснованы и правомерны» (Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 18.12.2023 г. по делу А56-102386/2023 [12]). Вне зависимости от доводов ответчика суды полагали, что требования заявлены в пределах срока исковой давности.

По мнению автора, представляет научный интерес, как суды обосновывали невозможность удовлетворения требования ответчика тем, что могло бы возникнуть злоупотребление его правом. Обоснование отказа вызывает научную дискуссию. Можно ли заявлением об истечении исковой давности легализовать приобретение имущества в собственность? Правомерность искового требования по юридической силе выше самой возможности защищаться ответчику?

Для внесения определенности предлагается при разрешении судом вопроса о присутствии в поведении ответчика злоупотребления правом искать ответ через двухступенчатый тест. В процессуальной материи такие действия называют вопросами, подлежащими судом разрешению, и облекаются процессуальной формой как обстоятельства, подлежащие установлению (составляют предмет доказывания). Тест включает в себя два вопроса:

Способствовало ли поведение ответчика, с возможным привлечением третьих лиц, созданию препятствий и (или) воздействию на волю истца, которые не позволили и (или) повлияли на осуществление истцом права судебной защиты.

Имеются ли противоречия в поведении ответчика, который до момента заявления суду о применении исковой давности действовал в том числе в интересе истца.

При положительном ответе на вопросы теста имеются основания для квалификации возражения злоупотреблением права.

Еще один аспект, на который необходимо обратить внимание. Формой злоупотребления, под которую подходит возражение ответчика,

является недопущение осуществления гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу (п. 1 ст. 10 ГК РФ). Представляет интерес вопрос: а в чем выражается вред применительно к злоупотреблению возражением по исковой давности?

Вред является одним из необходимых условий для возникновения гражданско-правовой ответственности как договорной, так и внедоговорной. Под вредом понимаются негативные (отрицательные) последствия в имущественной сфере лица (кредитора, потерпевшего). Эти последствия выражаются в убытках, которые потерпевший понес или должен будет понести для восстановления своего нарушенного права, утрате имущества, повреждении имущества (реальный ущерб), либо в неполученных доходах, которые были бы получены, если бы право не было нарушено (упущенная выгода) (ст. 15 ГК РФ) [2, с. 317]. При злоупотреблении правом возражения по исковой давности вред не тождественен вреду в обычном понимании. Как правило, проводится следующая связь. Если в праве на защиту будет отказано, то истец не сможет восстановить свое имущественное положение, что будет для него являться вредом. Такой подход является не совсем верным, поскольку причиненный вред является не следствием злоупотребления правом, а нарушением права, как-то: затопление, поджог и др. При злоупотреблении правом возражения по исковой давности вредом следует считать само умаление права на защиту, блокирование которого с последующим отказом в удовлетворении исковых требований имеет для истца имущественный интерес.

Таким образом, возражение по исковой давности является субъективным правом и способом защиты, закрепленным ГК РФ, осуществление которого должно соответствовать общим положениям и недопустимости злоупотребления. В последнее время наблюдается все более частое использование данного права. Однако его применение не должно причинять вред имущественным интересам тех, против кого оно направлено.

Таким образом, заявление ответчика о применении судом исковой давности (эксцепция), являясь одним из способов защиты нарушенного субъективного права, также является субъективным гражданским правом, на которое распространяется гражданско-правовой режим недопустимости недобросовестного поведения (злоупотребления правом), что соответствует положению, закрепленному в п. 3 и 4 ст. 1 ГК РФ.

Не подменяя сделанное выше заключение, хотелось бы закончить следующим. Перед правоприменителем по сути стоит задача о выборе приоритета – защиты права или гражданского оборота. По мнению автора, ответить на этот вопрос можно с опорой на действующее законодательство. Не обнаружено действующих норм, которые бы ограничивали право на защиту гражданина в угоду защиты гражданского

оборота и его несокрушимой стабильности. Даже гл. 12 ГК РФ об исковой давности содержит в себе определенные исключения, которые защищают право лица, когда давность истекла. Законодательные положения о недопустимости злоупотребления правом и исследованная судебная практика также свидетельствуют в пользу защиты права. Следовательно, защита права имеет приоритет перед гражданским оборотом, когда для этого складываются строго установленные условия. Такая позиция не противоречит положениям в статье 2 Конституции РФ, в которой закреплено: высшей ценностью для государства являются права и свободы человека.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024 г., с изм. от 31.10.2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Гражданское право: учебник: в 2 т. / С.С. Алексеев, О.Г. Алексеева, К.П. Беляев и др.; под ред. Б.М. Гонгало. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2018. Т. 1. 528 с.
3. Коновалов А. В. Принцип разумности в гражданском праве / А. В. Коновалов // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 8(105). С. 11-21.
4. Нам К. В. Принцип добросовестности. Система и бессистемность / К. В. Нам // Вестник гражданского права. 2019. Т. 19, № 1. С. 28-74.
5. Сергеев А.П., Терещенко Т.А. Можно ли признать заявление об истечении исковой давности злоупотреблением правом? // Закон. 2014. № 8. С. 93-97.
6. Черепахин Б.Б. Труды по гражданскому праву / М.: Статут, 2001. 479 с.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
8. Определение Верховного Суда РФ от 27.05.2024 г. № 308-ЭС24-6750 по делу № А32-28986/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 26.01.2016 г. по делу № 301-ЭС15-5443, А43-25745/2013
10. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 07.11.2006 г. № Ф08-5243/2006 по делу № А63-420/2005-С2 // СПС «КонсультантПлюс».
11. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 27.11.2013 г. по делу № А32-4788/2013 // СПС «КонсультантПлюс».
12. Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 18.12.2023 г. по делу А56-102386/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

Об авторе:

ПОТЕЕВА Анжела Валерьевна – Председатель Арбитражного суда Кировской области (610017, г. Киров, ул. Карла Либкнехта, д.102), AuthorID: 531664, e-mail: avpoteeva@bk.ru

On the abuse of the right to apply for the application of the limitation period: issues of legal qualification

A.V. Poteyeva

Arbitration Court of Kirov Region, Kirov

The article examines the problematic issues of qualification about the abuse of the right to apply for the application of the limitation period. The statement of the party to the dispute on the application of the limitation period is not only a way of protection, but also a subjective right that the party to the dispute can abuse. The article suggests a way for the courts to identify such facts through the prism of procedural relations to establish the circumstances of the case, through a two-step test. One of the qualifying signs of abuse of the right to file a statement of limitation is harm, the form of expression of which is the diminution of the right to protection of the other party (plaintiff), which is of a proprietary nature.

Keywords: *limitation period, abuse of right, protection of right, methods of protection, application of limitation period.*

About author:

POTEEVA Angela – Chairman of the Arbitration Court of the Kirov Region (610017, Kirov, Karl Liebknecht St., 102), AuthorID: 531664, e-mail: avpoteeva@bk.ru

Потеева А.В. О злоупотреблении правом на обращение с заявлением о применении исковой давности: вопросы правовой квалификации // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 2 (82). С. 107–114.

Статья поступила в редакцию 20.01.2025 г.

Подписана в печать 16.06.2025 г.

Материнский (семейный) капитал в контексте конституционных прав

Е.А. Рязанова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье уделено внимание мерам дополнительной поддержки семей, имеющих детей, – материнскому капиталу. Выделены некоторые особенности материнского капитала, связанные с его целями, субъектным составом. Рассмотрено соотношение целей материнского капитала с конституционными принципами и правами отдельных категорий лиц. Объектом исследования является соотношение конституционных положений и положений закона о материнском капитале. Предметом исследования являются правовые нормы, закрепляющие дополнительные меры государственной поддержки семей, имеющих детей. Целью исследования является рассмотрение соответствия норм о дополнительной поддержке семьи новеллам конституционного текста. В качестве вывода делаются предложения по расширению перечня мер поддержки за счет средств материнского капитала, которые позволят сделать более широкими государственные гарантии семьям, имеющим детей.

Ключевые слова: конституционные принципы, гарантии социальной поддержки, меры дополнительной поддержки, право на дополнительное образование, права детей, права семьи.

Конституция Российской Федерации в ч. 2 ст. 7 закрепляет норму, согласно которой в нашей стране обеспечивается поддержка семьи, материнства, отцовства и детства [1]. Федеральным законом от 29.12.2006 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» [2] (далее – закон «О дополнительных мерах...», Федеральный закон № 256) закреплено право граждан, имеющих детей, на меры дополнительной поддержки, т. е. меры, направленные на улучшение жилищных условий, а также на ряд иных социальных целей, перечень которых является исчерпывающим.

Из текста закона следует, что к мерам дополнительной поддержки относятся не конкретные мероприятия, осуществляемые государством, а исключительно выплата финансовых средств на строго определенные цели. Для этих целей в бюджет Пенсионного Фонда Российской Федерации (далее – ПФ РФ) передаются средства федерального бюджета. Они носят название материнского (семейного) капитала, а лицу, имеющему на них право, выдается государственный сертификат. Можно отметить, что название закона «О дополнительных мерах ...» позволяет предполагать наличие ряда мер, но их применение ограничено суммой и

условиями использования сертификата. Некорректно название закона с позиции того, что получение капитала возможно мужчиной, а также ребенком (детьми). Целесообразным представляется исключить из текста закона понятие «материнский». Идеи создания дополнительной поддержки на стадии законопроектной деятельности имели целью поддержку именно женщины-матери. Однако в действующей редакции закона смещен акцент с материнской поддержки на семейную. Полагаем, это должно найти отражение в названии закона. Закон направлен на дополнительное обеспечение конституционных прав членов семьи.

Улучшение жилищных условий предполагает трату средств не только напрямую на покупку жилья, сюда относят также иные возможные действия. Среди способов улучшения названы: приобретение жилых помещений по сделкам, участие в обязательствах, участие в строительстве или реконструкции имеющегося жилья, погашение ипотеки. Постановлением Правительства от 12.12.2007 г. № 862 «О правилах направления средств (части средств) материнского (семейного) капитала на улучшение жилищных условий» [7] по отношению к каждому разрешенному виду трат установлены порядок подачи и перечень документов на перечисление средств, которые должны быть предоставлены либо лично в ПФ РФ (если граждане выехали за пределы РФ на постоянное место жительства), либо в территориальный орган ПФ РФ посредством федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» или лично. При этом средства могут быть потрачены как в полном объеме, так и частично.

С момента принятия Федерального закона № 256 наибольшему изменению подверглись положения о направлении средств на улучшение жилищных условий. Появились положения об использовании средств на реконструкцию жилого дома блокированной застройки как своими силами, так и с помощью строительной организации; строительство индивидуального жилого дома по договору строительного подряда с использованием эскроу-счета [4].

Одной из особенностей такого вида дополнительной поддержки является то, что она может носить беззаявительный характер: средства перечисляются после рождения ребенка на счет лица, уполномоченного получить эти средства. Распоряжение же этими средствами происходит по его заявлению. Возможность направить на названные в законе цели полностью или частично выделяемые государством средства находится под контролем уполномоченного органа. В случае нарушений при использовании средств они подлежат возврату в Пенсионный фонд РФ.

Следует отметить, что данная дополнительная поддержка, несмотря на свое название «материнский капитал», имеет широкий субъектный состав. В качестве субъектов, которые могут получить «материнский капитал», поименованы различные лица, которых связывает

установленная законом связь с родившимся ребенком, в том числе и сам ребенок при наступлении специальных условий.

Другой особенностью можно назвать тот факт, что возможность получения финансовых средств имеет и свой порядок очередности. Право возникает у женщин, родивших (усыновивших) ребенка – гражданина Российской Федерации. Финансовые гарантии были упрочены изменением законодательства о «материнском капитале»: с 2007 г. право возникало для имеющих двух или трех детей (в случаях рождения (усыновления) третьего после вступления закона в силу); начиная с 2020 г. – одного ребенка. Если единственным усыновителем является мужчина, он получает право на «материнский капитал». Также мужчина (родитель, усыновитель) приобретает право, если мать умерла (объявлена умершей) или лишена родительских прав, и она не имела гражданства Российской Федерации. В третью очередь право возникает у ребенка (детей в равных долях). Данное право связано с фактом отсутствия у ребенка (детей) родителей (усыновителей). Право на получение «материнского капитала» сохраняется до достижения 23-летнего возраста при получении таким лицом основного образования по очной форме.

Право воспользоваться финансовыми средствами дополнительной поддержки возникает у граждан Российской Федерации при наличии у ребенка гражданства Российской Федерации. Однако законом предусматривается возможность возникновения права на дополнительную поддержку и тех лиц, которые не имеют российского гражданства, при условии, если ребенок является гражданином РФ и при этом у него отсутствует родитель (усыновитель), являющийся гражданином РФ.

Еще к одной особенности можно отнести многоцелевой характер. Законодатель, помещая на первое место в тексте соответствующей статьи такое назначение поддержки, как улучшение жилищных условий, не ограничивает использование средств исключительно на эту цель, допуская и иные направления реализации конституционных прав как ребенка, так и лица, имеющего право на получение сертификата. Деньги могут быть потрачены на реализацию социального права на обеспечение (выплата ежемесячных средств при рождении ребенка) [5], на реализацию права на пенсионное обеспечение (накопительную пенсию [8]). Предусмотрена возможность использования средств на приобретение товаров и услуг социальной адаптации и интеграции в общество детей-инвалидов. Следует обратить внимание на отсутствие в законе положений о возможной трате средств материнского капитала на реабилитацию и дополнительные мероприятия по лечению и восстановлению детей-инвалидов, а также на абилитацию. Лечение детей-инвалидов является расходным обязательством Российской Федерации. При временном отсутствии квот на лечение или

реабилитацию тормозится процесс выздоровления, создаются препятствия для стабилизации здоровья ребенка-инвалида до состояния ремиссии. Было бы разумным дать возможность расходовать средства материнского капитала на указанные цели. Необходимо предусмотреть возможность заимствования средств материнского капитала из бюджета ПФ РФ для лечения на временной основе (до момента поступления средств на лечение или реабилитацию в порядке соответствующей квоты) в бюджет Фонда социального страхования. Эти средства могут быть возвращены в пенсионный фонд при поступлении соответствующих финансов из бюджета Российской Федерации в Фонд социального страхования.

Названные особенности такой дополнительной государственной поддержки, как «материнский капитал», позволяют обратить внимание на то, что перечень ее целей можно в совокупности отнести к «обеспечению интересов семьи». Это корреспондирует конституционному принципу социального государства, обеспечивающего государственную поддержку семьи, материнства, отцовства и детства. Обеспечение улучшения жилищных условий напрямую можно соотнести с конституционным правом как ребенка (детей), так и других членов семьи на жилище.

Направление денег на получение образования [6] предполагает реализацию конституционного права на образование исключительно ребенка. В законе не предусмотрено направление этого финансового ресурса на получение образования матерью или отцом ребенка. Основное общее образование бесплатно. Поскольку у родителей есть конституционная обязанность обеспечить получение ребенком только основного общего образования, дальнейшая образовательная траектория осуществляется исключительно в интересах самого ребенка. Использование денег материнского капитала на дальнейшее образование не только ребенка, а например, в целях получения профессионального образования матерью (отцом), позволило бы улучшить реализацию конституционного права членов семьи на распоряжение своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию. Это упрочило бы материальное положение семьи и при этом способствовало обеспечению не только интересов ребенка (детей), но и всей семьи в целом.

Обратим внимание на то, что при закреплении понятия «дополнительные меры государственной поддержки» не определено, чей конкретно интерес удовлетворяется через использование данных средств.

О проблемности института материнского капитала может говорить факт увеличения исследований в данной сфере: публицистическая активность авторов, размещающих свои исследования на ресурсе <https://www.elibrary.ru/>, за последние 4 года составляет более 400

научных работ, посвященных данной теме, которые анализируют как общие вопросы государственной политики, так и различного рода злоупотребления, правонарушения, вплоть до преступлений, при реализации средств дополнительной поддержки.

Одной из главных причин является проблематика определения интереса. Финансовые средства поддержки, как указано в законе, направлены на интерес семьи, имеющей детей. Говорить об общем интересе семьи достаточно сложно, поскольку семейный интерес должен складываться из совпадающего общего интереса членов семьи. При этом примат имеет интерес ребенка. Семейное законодательство предусматривает правовое регулирование в случаях, когда интересы родителей и детей не совпадают. В случаях использования материнского капитала интересы как родителей между собой, так и ребенка (детей) могут не совпадать. Законодатель решил эту проблему однозначно: право на распоряжение принадлежит лицу, имеющему право на получение капитала.

В связи с Указом Президента РФ от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [3] Правительством РФ разработан и принят «Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации до 2030 года и на перспективу до 2036 года», который предусматривает значительный перечень мероприятий, направленных на «сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержку семьи; реализацию потенциала каждого человека, развитие его талантов, воспитание патриотичной и социально ответственной личности; создание комфортной и безопасной среды для жизни; экологическое благополучие» [9]. Содержащиеся в Плане меры по поддержке семьи продолжают направления современной политики, в числе которых названы положения по улучшению жилищных условий, вопросы совершенствования образования с учетом целей реализации потенциала каждого человека, его талантов, воспитания и формирования патриотичной и социально ответственной личности, и они остаются национальным приоритетом.

Можно с уверенностью констатировать, что внесенные в конституционный текст в 2020 г. положения о том, что дети являются важнейшим приоритетом государственной политики, о необходимости создания условий, способствующих всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим (ч. 4. ст. 67.1 Конституции РФ), нашли отражение в основных национальных целях развития РФ. В связи с этим в число мер дополнительной поддержки семьям, имеющим детей, целесообразно было бы включить и еще ряд мероприятий, которые семья могла бы

реализовать на средства материнского капитала. Так, например, меры по дополнительному образованию детей, в том числе развитию культурных, творческих способностей ребенка. Доступность ряда кружков, студий и иных форм развития ребенка, отнесенных к дополнительному образованию, не является бесплатным. Музыкальные, спортивные и иные занятия, отнесенные, как и все виды образования (как основного, так и дополнительного), к сфере услуг, требуют не только оплаты самой услуги, но и трат средств на форму, музыкальные инструменты, экипировку и т. п. Включение возможности перевода финансовых средств из ПФ РФ на счет образовательной организации для получения дополнительного образования с целью развития духовного, интеллектуального, физического развития ребенка в случаях, когда семья не нуждается в использовании средств материнского капитала на основные предусмотренные законом цели, способствовала бы интересам ребенка. Возможен вариант использования не всей суммы материнского капитала, а какой-либо его части. В пользу данной меры говорит и тот факт, что новеллами ч. 4 ст. 68 Конституции РФ стало объявление культуры уникальным наследием многонационального народа. Коррелирует это положение с конституционной обязанностью, закрепленной в ч. 3 ст. 44 Конституции РФ о сохранении исторического и культурного наследия. Возможность использования части средств материнского капитала на приобщение семьи к культурным ценностям поможет сформировать чувство любви к Родине, социально ответственное поведение.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12.12.1993 г., с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г. // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 29.12.2006 г. № 256-ФЗ (ред. от 28.02.2025 г.) "О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей" // СПС «КонсультантПлюс».
3. Указ Президента РФ от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Постановление Правительства РФ от 25.01.2025 г. № 46 (ред. от 04.02.2025 г.) «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 12 декабря 2007 г. № 862» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Постановление Правительства РФ от 01.02.2023 г. № 133 (ред. от 28.12.2024 г.) «Об утверждении Правил направления средств (части средств) материнского (семейного) капитала на получение ежемесячной выплаты в связи с рождением (усыновлением) ребенка до достижения им возраста трех лет, перечня документов (сведений), необходимых для распоряжения средствами (частью средств) материнского (семейного) капитала на получение

ежемесячной выплаты в связи с рождением (усыновлением) ребенка до достижения им возраста трех лет, формы заявления о распоряжении средствами (частью средств) материнского (семейного) капитала на получение ежемесячной выплаты в связи с рождением (усыновлением) ребенка до достижения им возраста трех лет и формы заявления об отказе от ее получения» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Постановление Правительства РФ от 17.10.2022 г. № 1842 «О внесении изменений в Правила направления средств (части средств) материнского (семейного) капитала на получение образования ребенком (детьми) и осуществление иных связанных с получением образования ребенком (детьми) расходов» // СПС «КонсультантПлюс».

7. Постановление Правительства РФ от 12.12.2007 г. № 862 (ред. от 04.02.2025 г.) «О Правилах направления средств (части средств) материнского (семейного) капитала на улучшение жилищных условий» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

8. Приказ Минтруда России от 26.02.2021 г. № 92н (ред. от 26.03.2024 г.) «Об утверждении Правил направления неиспользованных средств (части средств) материнского (семейного) капитала на формирование накопительной пенсии» (Зарегистрировано в Минюсте России 31.03.2021 г. № 62936) // СПС «КонсультантПлюс».

9. Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации до 2030 года и на перспективу до 2036 года (утв. Правительством РФ) // СПС «КонсультантПлюс».

Об авторе:

РЯЗАНОВА Елена Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного, административного и таможенного права ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 2785-4619, AuthorID: 649710, e-mail: lena_7765@mail.ru

Maternal (family) capital in the context of constitutional rights

E.A. Ryazanova

Tver State University, Tver

The article focuses on measures of additional support for families with children – maternity capital. Some features of maternity capital related to its goals and subject composition are highlighted. The relationship between the goals of maternity capital and constitutional principles and the rights of certain categories of persons is considered. The object of the study is the relationship between constitutional provisions and provisions of the law on maternity capital. The subject of the study is the legal norms that enshrine additional measures of state support for families with children. The purpose of the study is to consider the compliance of the norms on additional family support with the amendments to the constitutional text. As a conclusion, proposals are made

to expand the list of support measures at the expense of maternity capital, which will make state guarantees for families with children broader.

Keywords: *constitutional principles, guarantees of social support, additional support measures, right to additional education, children's rights, family rights.*

About author:

RYAZANOVA Elena – PhD in Law, assistant professor of the department of constitutional, administrative and customs law of the Tver State University (170100, Tver, ul. Zhelyabova, d.33), SPIN-code: 2785-4619, AuthorID: 649710, e-mail: lena_7765@mail.ru

Рязанова Е.А. Материнский (семейный) капитал в контексте конституционных прав // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 2 (82). С. 115–122.

Статья поступила в редакцию 25.05.2025 г.

Подписана в печать 16.06.2025 г.

Нарушение служебной дисциплины как основание для увольнения со службы в таможенных органах

А.А. Сладкова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Несмотря на четкость правового регулирования порядка прохождения и прекращения государственной службы гражданами Российской Федерации, на практике возникают спорные ситуации, когда должностное лицо, уволенное со службы в таможенных органах оспаривает заключение о результатах служебной проверки, приказ о привлечении к дисциплинарной ответственности и наложении дисциплинарного взыскания, требует восстановления на службе в прежней должности, взыскания среднего заработка за время вынужденного прогула и компенсацию морального вреда. Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие в сфере государственной службы в таможенных органах. Предметом исследования являются правовые нормы, регулирующие порядок прекращения государственной службы в таможенных органах. Целью данной статьи является рассмотрение порядка увольнения со службы в таможенных органах в связи с нарушением служебной дисциплины. В ходе исследования были проанализированы материалы судебной практики, которые свидетельствуют о применении крайней меры дисциплинарной ответственности – увольнения, что не согласуется с проблемами кадрового состава таможенной службы. Формулируется вывод о необходимости осведомленности должностных лиц таможенных органов о реальных ситуациях, приводящих к увольнению, как факторе, обеспечивающем соблюдение служебной дисциплины.

Ключевые слова: *таможенные органы, увольнение, неисполнение и ненадлежащее исполнение служебных обязанностей, конфликт интересов, утрата доверия.*

В системе таможенных органов должностные лица представлены в двух категориях: сотрудники и государственные гражданские служащие. Урегулирование трудовых отношений при прохождении службы в таможенных органах осуществляется на основе специальных норм федеральных законов. Так, правовой статус сотрудников урегулирован Федеральным законом от 21.07.1997 г. № 114-ФЗ «О службе в таможенных органах» (далее – ФЗ № 114) [3], а правовой статус государственных гражданских служащих – Федеральным законом от 27.07.2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе» (далее – ФЗ № 79) [2].

Прохождение службы в таможенных органах, как и в других государственных органах, представляет собой многоэтапный процесс, который начинается со сбора и предоставления документов на вакантную должность, далее следует прохождение конкурса и заключение контракта, в процессе нахождения на службе должностные лица

проходят аттестацию и повышение квалификации, также возможно применение мер поощрения, взыскания и проведение служебной проверки, итоговой процедурой может быть увольнение со службы, как по зависящим, так и не зависящим от должностного лица обстоятельствам.

Основания для увольнения со службы в таможенных органах в отношении сотрудников установлены в ст. 48 ФЗ № 114, а государственных гражданских служащих – в ст. 33 ФЗ № 79. Увольнение может носить позитивный характер, например, в связи с выходом на пенсию либо в рамках перевода в другой государственный орган, или негативный характер, если это связано с привлечением к дисциплинарной ответственности. Также увольнение может быть связано с объективными, заранее определенными процессами, например, истечение срока контракта или проведение организационно-штатных мероприятий.

Исходя из анализа судебной практики споров по защите прав и интересов работников, уволенных со службы в таможенных органах, типичными основаниями увольнения, связанными с нарушением служебной дисциплины, являются: неисполнение или ненадлежащее исполнение должностных обязанностей, конфликт интересов и утрата доверия.

Стоит отметить, что в большинстве случаев сразу применялась крайняя мера дисциплинарной ответственности – увольнение, в некоторых случаях увольнению предшествовали иные дисциплинарные взыскания в виде замечания и выговора.

Порядок привлечения к дисциплинарной ответственности определен в Дисциплинарном уставе таможенной службы Российской Федерации (далее – РФ) [4], где в гл. IV закреплены виды дисциплинарных взысканий и порядок их наложения.

Одним из случаев, который может породить правовые последствия для применения дисциплинарного взыскания в виде увольнения, – это неисполнение или ненадлежащее исполнение должностных обязанностей. Например, непринятие мер по минимизации рисков, «когда сотрудник в нарушение должностного регламента таможенного инспектора не проанализировал надлежащим образом снимок рентгеноскопического изображения объекта, в результате чего была выпущена партия товара, не соответствующего задекларированному, что выявилось при дополнительном контроле рентгеновских изображений» [13].

Также осуществление ненадлежащего (недостаточного) контроля со стороны работника за действиями подчиненных должностных лиц может быть расценено как невыполнение возложенных трудовых обязанностей. Например, «по результатам внеплановой целевой инспекторской проверки (исследуемый период 2021–2022 гг.) выявлены

многочисленные нарушения контроля сведений, допущенные должностными лицами Приморского таможенного поста, что свидетельствует о ненадлежащей организации работы, недостаточном контроле со стороны заместителя начальника Приморского таможенного поста Новороссийской таможни ФИО1 за действиями подчиненных должностных лиц по совершению ими таможенных операций и проведению таможенного контроля в отношении транспортных средств ввезенных физическими лицами для личного пользования» [10].

Любопытно заметить, что ослабление контроля именно в части совершения таможенных операций в отношении ввозимых автомобилей практически одновременно произошло в регионе деятельности Уссурийской, Владивостокской и Новороссийской таможни, ведь именно через морские порты Владивостока и Новороссийска ввозятся импортные автомобили. Данное обстоятельство следует связать с экономическими санкциями 2022 г., когда с рынка России стали «уходить» иностранные автопроизводители, а граждане РФ спешно приобретали за рубежом автомобили для личного пользования, но очень быстро данное направление приобрело коммерческий характер с занижением таможенной стоимости. Поэтому на таможенных инспекторов была возложена большая нагрузка по проверке сведений пассажирских таможенных деклараций (далее – ПТД) в отношении автомобилей.

В дальнейшем в рамках контроля после выпуска товаров были проведены проверки и многим автовладельцам были направлены уведомления о необходимости внесения изменений в декларации и уплаты доначисленных таможенных платежей. А в отношении должностных лиц таможенных органов были проведены «внеплановые целевые инспекторские проверки по вопросу соблюдения должностными лицами таможенного поста действующего законодательства по рассматриваемым ПТД в части проверки достоверности сведений о стоимости автомобилей и соответственно уплаты таможенных платежей» [9, 10].

Отдельного рассмотрения требует увольнение в связи с утратой доверия вследствие непринятия мер по предотвращению и (или) урегулированию конфликта интересов.

Конфликт интересов как личная заинтересованность, влияющая на исполнение служебных обязанностей, связана с несоблюдением ограничений, установленных для сотрудников ст. 7 ФЗ № 114. Случаями проявления конфликта интересов могут быть: родственные связи, осуществление предпринимательской деятельности и сокрытие сведений о доходах, расходах, имуществе. Типовые ситуации конфликта интересов на службе в таможенных органах РФ и порядок их урегулирования освещаются в рамках профилактической работы и размещены на сайтах таможенных органов [8].

Однако примеры из судебной практики также свидетельствуют о несоблюдении установленных ограничений при прохождении государственной службы. Так, должностные лица таможенных органов ежегодно предоставляют сведения о своих доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также сведения о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей [5]. Указанные сведения проверяются, а в случае расхождения их с действительностью назначается служебная проверка, результаты которой могут стать основанием для принятия решения об увольнении. Например, «в результате проверки сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, проведенной в отношении ФИО1 и членов его семьи, были выявлено, что сведения о банковских счетах были указаны неполно и недостоверно. В частности, в результате сравнительного анализа сведений о суммах задекларированного дохода супругов и информации, полученной по запросам от кредитных организаций (ПАО Сбербанк и АО Райффайзенбанк), выявлено, что сумма денежных средств, поступивших на счета ФИО1 и его супруги за 2017–2019 гг., превышает доход супругов, задекларированный за эти же отчетные периоды. При этом бывший сотрудник таможенных органов указал, что эти доходы были получены от матери и тети супруги, но при этом финансовая состоятельность указанных родственников не была подтверждена» [12].

Следующим обстоятельством, способствующим увольнению со службы таможенных органов, может стать наличие родственных связей. С одной стороны, сохранение и передача опыта, преемственность поколений свидетельствуют об уважении и востребованности профессии, что несомненно положительно сказывается на имидже таможенной службы. На страницах социальных сетей таможенных органов публикуются яркие примеры молодых семей и семейных династий таможенной службы, которые свидетельствуют о положительной стороне родственных связей, ведь дети хотят быть похожими на родителей и желание продолжить «дело отца» создает фундамент для духовного и профессионального роста отдельной личности, а в итоге для развития таможенной службы и страны в целом. Но при этом необходимо неукоснительно следовать тем правилам, которые установлены законодательством о государственной службе. Так, согласно п. 4 ст. 7 ФЗ № 114 сотрудникам таможенных органов, являющимся близкими родственниками или состоящим между собой в свойстве (братья, сестры, родители, дети супругов и супруги детей), запрещается проходить службу в одном и том же таможенном органе, если их служба связана с непосредственной подчиненностью или подконтрольностью одного из них другому.

Таким образом, именно наличие подчиненности или подконтрольности должностных лиц, состоящих в родстве, приводит к конфликту интересов, что подтверждается материалами судебной практики. Например, «в Балтийскую таможенную письмом Северо-Западного таможенного управления (далее – СЗТУ) поступила докладная записка отдела инспектирования и профилактики правонарушений кадровой службы СЗТУ “О назначении проверки”. В докладной записке указано на то, что в должностные обязанности начальника правового отдела Балтийской таможни Ж. входят функции по контролю деятельности подчиненных таможенных постов в целом и Кронштадтского таможенного поста (на котором проходит службу его супруга С. в должности государственного инспектора отдела таможенного оформления и таможенного контроля Н... таможенного поста), что означает возможность Ж. участвовать в принятии кадровых решений в отношении своей супруги, что в соответствии с обзором типовых случаев конфликта интересов на государственной службе РФ и порядка их урегулирования, направленном в ФТС России письмом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 15 октября 2012 года № 18-2/10/1-2088 [7], квалифицируется, как конфликт интересов» [14].

Кроме служебного родства может быть обнаружено родство с участниками внешнеэкономической деятельности (далее – ВЭД). Такое положение вещей суды расценивают как нарушение положений, установленных ч. 1 и 2 ст. 11 Федерального закона от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее – ФЗ № 273) [1], выразившееся в непринятии мер, направленных на недопущение любой возможности возникновения конфликта интересов и неуведомлении о возникшем конфликте интересов или о возможности его возникновения. Например, было установлено, что «Х. является первым заместителем начальника Калининградской областной таможни, проживает совместно с М. и ведет с ней совместное хозяйство, они имеют имущество в общей долевой собственности, которым безвозмездно и бессрочно пользуются их общие дети. Также комиссией ФТС России было установлено, что М. является учредителем ООО “Кредо” и осуществляет ВЭД в регионе деятельности Калининградской областной таможни. Судом установлено, что в соответствии с распределением обязанностей между начальником Калининградской таможенной области и его заместителями и должностной инструкцией Х. организовывал, координировал и контролировал в пределах своей компетенции деятельность таможенных постов по вопросам перемещения товаров и транспортных средств через таможенную границу, а также осуществлял контроль деятельности лиц, осуществляющих ВЭД в регионе деятельности таможни» [17].

Даже при прекращении брачно-семейных отношений не исчерпывается возможность возникновения конфликта интересов.

Например, инспектор таможенного поста МАПП Краскино Уссурийской таможни Дальневосточного таможенного управления Л.Е.ВА. производила таможенные операции и осуществляла таможенный контроль в отношении груза, принадлежавшего ее бывшему мужу (предпринимателю Б.И.). При этом было установлено, что члены семьи Л.Е.ВА. – Б.К. и Б.А. (совершеннолетние дети) – являются представителями участников ВЭД, которые представляют интересы, в том числе своего отца-предпринимателя Б.И., в регионе ответственности таможенного поста МАПП Краскино [11]. В данной ситуации необходимо подать заявление-уведомление начальнику соответствующего таможенного органа о возможном возникновении конфликта интересов, тогда оформление этого груза было бы поручено другому таможенному инспектору.

В силу того что служба в таможенных органах – это вид государственной службы, то предъявляются особые требования к служебному поведению должностных лиц таможенных органов. В 2021 г. был принят Кодекс этики и служебного поведения должностных лиц таможенных органов РФ [6], где в п. 9 закреплено положение о необходимости принятия мер по недопущению любой возможности возникновения конфликта интересов.

Важно заметить, что даже после прекращения трудовых отношений должностные лица таможенных органов, замещавшие должности государственной службы, согласно ст. 12 ФЗ № 273 в течение 2 (двух) лет после увольнения с государственной службы имеют право замещать должности в коммерческих и некоммерческих организациях, если отдельные функции государственного управления данными организациями входили в должностные (служебные) обязанности государственных служащих, с согласия соответствующей комиссии по соблюдению требований к служебному поведению государственных служащих РФ и урегулированию конфликта интересов.

Нарушение данного правила также нашло отражение в материалах судебной практики. Так, «транспортный прокурор обратился с иском к К., ОАО "КУМЗ" о возложении обязанности по расторжению трудового договора с работником К., полагая, что ОАО "КУМЗ" необоснованно заключило договор с работником, ранее проходившим службу в таможенном органе, в обязанности которого сейчас входит оформление таможенных документов на товары. Судом было установлено, что в должностные обязанности К. в период ее работы в Каменск-Уральском таможенном посту входили отдельные функции государственного управления в сфере таможенного регулирования в отношении нынешнего работодателя ОАО "КУМЗ", в связи с чем в соответствии с требованиями действующего законодательства, обязана была до трудоустройства в ОАО "КУМЗ" получить согласие комиссии Екатеринбургской таможни по соблюдению требований к служебному

поведению федеральных государственных гражданских служащих и урегулированию конфликта интересов для получения согласия на замещение данной должности» [16].

Таким образом, если в ходе служебной проверки будет выявлен факт несоблюдения требований по предотвращению и/или урегулированию конфликта интересов и неисполнение обязанностей, установленных законом в целях противодействия коррупции, то данное обстоятельство может послужить основанием к применению дисциплинарного взыскания в виде увольнения.

Однако проведение служебной проверки и процедуры увольнения могут осуществляться с нарушениями. Например, возвращаясь к примеру об ослаблении контроля за подчиненными, стоит отметить, что «в пункте 1 приказа об увольнении указано, что ФИО1 уволен за грубое нарушение служебной дисциплины, выразившееся в недостаточном контроле, а в пункте 2 этого же приказа усматривается, что истец уволен в соответствии с подп. 11 п. 2 статьи 48 ФЗ № 114 за систематические нарушения служебной дисциплины, при этом, сведений о том, какие именно нарушения, допущенные работником, образуют систему, оспариваемый приказ не содержит. Из вышеназванного приказа не усматривается, уволен ФИО1 за грубое нарушение служебной дисциплины или же за систематические нарушения служебной дисциплины» [10].

В следующем примере отсутствуют письменные объяснения должностного лица, которое привлекается к дисциплинарной ответственности: «в ходе судебного разбирательства ответчиком (таможенным органом) представлены материалы служебной проверки в прошитом и пронумерованном виде с описью, в которых отсутствуют объяснения истца. Также в материалы дела ответчиком не предоставлен акт об отказе от дачи объяснений. Стороной истца факт дачи объяснений оспаривался» [15].

В рамках поддержания служебной дисциплины требуется не только ознакомление и разъяснение должностных обязанностей, правил служебного поведения, но конкретные воспитательно-профилактические мероприятия, например, кроме бесед и знакомства с памяткой о типовых ситуациях конфликта интересов на службе, целесообразным является анализ примеров из судебной практики, что может быть более наглядным как для должностных лиц, так и для кадрового отдела соответствующего таможенного органа. Ведь увольнение должно быть крайней, вынужденной мерой, когда исчерпаны другие виды взысканий либо значительна тяжесть совершенного дисциплинарного проступка.

Список литературы

1. Федеральный закон Российской Федерации от 25.12.2008 г. (ред. от 08.08.2024 г.) № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // СПС «КонсультантПлюс».

2. Федеральный закон Российской Федерации от 27.07.2004 г. № 79-ФЗ (ред. от 08.08.2024 г.) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Федеральный закон Российской Федерации от 21.07.1997 г. № 114-ФЗ (ред. от 26.02.2024 г.) «О службе в таможенных органах Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.03.2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

4. Указ Президента Российской Федерации от 16.11.1998 г. № 1396 (ред. от 30.09.2012 г.) «Об утверждении Дисциплинарного устава таможенной службы Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

5. Приказ Федеральной таможенной службы Российской Федерации от 18.08.2022 г. № 657 «Об утверждении порядка представления гражданами, претендующими на замещение должностей, и работниками, замещающими должности в учреждениях, находящихся в ведении ФТС России, сведений о своих доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Приказ Федеральной таможенной службы Российской Федерации от 30.12.2021 г. № 1187 «Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения должностных лиц таможенных органов Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

7. Письмо Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 15.10.2012 г. № 18-2/10/1-2088 «Об обзоре типовых случаев конфликта интересов на государственной службе Российской Федерации и порядке их урегулирования» // СПС «КонсультантПлюс».

8. Памятка должностным лицам таможенных органов Российской Федерации о типовых ситуациях конфликта интересов на службе в таможенных органах Российской Федерации и порядке их урегулирования // Официальный сайт Центрального таможенного управления [Электронный ресурс]. URL: <https://ctu.customs.gov.ru/document/text/191918> (дата обращения: 10.05.2025).

9. Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 19.09.2024 г. № 88-8215/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

10. Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 11.10.2023 г. по делу № 88-34806/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

11. Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 05.10.2023 г. № 88-9284/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

12. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 07.02.2023 г. № 88–1269/2023 по делу № 2-215/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

13. Апелляционное определение Ленинградского областного суда от 14.03.2019 г. № 33-1460/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

14. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 30.08.2017 г. № 33-17699/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

15. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 15.02.2018 г. № 33-1743/2018 по делу № 2-3164/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

16. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 04.04.2017 г. по делу № 33-5749/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

17. Определение Московского городского суда от 07.11.2017 г. № 4Г-12804/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

Об авторе:

СЛАДКОВА Алена Александровна – кандидат философских наук, доцент кафедры экологического права и правового обеспечения профессиональной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 4410-8106, e-mail: Sladkova.AA@tversu.ru

Violation of official discipline as a reason for dismissal from service in the customs authorities

A.A. Sladkova

Tver State University, Tver

Despite the clarity of the legal regulation of the procedure for the passage and termination of public service by citizens of the Russian Federation, in practice controversial situations arise when an official dismissed from service in the customs authorities disputes the conclusion on the results of an internal audit, an order for disciplinary responsibility and the imposition of disciplinary action, requires reinstatement in his former position, recovery of average earnings for the time of forced absenteeism, compensation for moral damage. The object of the study is the social relations that arise in the field of public service in customs authorities. The subject of the study is the legal norms governing the procedure for termination of public service in customs authorities. The purpose of this article is to consider the procedure for dismissal from service in the customs authorities in connection with a violation of official discipline. The study analyzed the materials of judicial practice, which indicate the use of an extreme measure of disciplinary responsibility – dismissal, which is inconsistent with the problems of the personnel of the customs service. The conclusion is formulated about the need for customs officials to be aware of the real situations leading to dismissal as a factor ensuring compliance with official discipline.

Keywords: *customs authorities, dismissal, non-fulfillment and improper performance of official duties, conflict of interests, loss of trust.*

About author:

SLADKOVA Aljona – PhD in Philosophy, associate professor of subdepartment of environmental law and legal support of professional activity of the Law Department of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova st., 33), SPIN-код: 4410-8106, e-mail: Sladkova.AA@tversu.ru

Сладкова А.А. Нарушение служебной дисциплины как основание для увольнения со службы в таможенных органах // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 2 (82). С. 123–131.

Статья поступила в редакцию 25.05.2025 г.

Подписана в печать 16.06.2025 г.

Проблемы таможенного контроля классификации товаров в соответствии с Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза

Ю.Б. Субботин

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Объектом исследования выступает существующая практика таможенного контроля классификации товаров в соответствии с Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза до их выпуска. Целью работы является обоснование необходимости внесения изменений в существующие правовые нормы порядка принятия решений по классификации. Обосновывается снижение риска потенциальных таможенных правонарушений с точки зрения экономической безопасности государства. Сформулирована позиция автора о необходимости более детального обоснования смены классификационного кода товара после его выпуска.

Ключевые слова: классификация товара, система управления рисками, идентификация товара.

Внедрение новых цифровых технологий в области контроля любых процессов предполагает достижение определенной значимой эффективности в сравнении с существующими методами контроля. Эволюция таможенного контроля, начиная от пятиступенчатого по отдельным направлениям до контроля и выпуска декларации «в одно окно», также привела к необходимости создания новых технологических схем данных процессов с применением новых цифровых технологий в области таможенного дела.

Внедрение электронного декларирования и электронного документооборота позволило повысить оперативность контроля сведений, заявляемых в декларациях на товары (далее – ДТ), в том числе для однозначной идентификации и классификации товаров в соответствии с Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (далее – ТН ВЭД ЕАЭС).

Подтверждение заявленного описания и характеристик товара в 31 графе ДТ основано на представлении соответствующей электронной товаросопроводительной документации по таким критериям классификации, как состав (структура), конструкция, назначение, область применения и степень обработки товара. Вместе с тем

электронная документация может содержать сведения неполные либо сфальсифицированные (отредактированные) недобросовестным декларантом [2].

Согласно п. 2 ст. 80 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза (далее – Кодекс), «документы и (или) сведения, необходимые для совершения таможенных операций, могут не представляться таможенному органу при их совершении, если сведения о таких документах, и (или) сведения из них, и (или) иные сведения, необходимые таможенным органам для совершения таможенных операций, могут быть получены таможенными органами из информационных систем таможенных органов, а также из информационных систем государственных органов (организаций) государств-членов в рамках информационного взаимодействия таможенных органов и государственных органов (организаций) государств-членов» [1]. В связи с этим Управление товарной номенклатуры Федеральной таможенной службы России считает возможным указание ссылок на соответствующие сайты сети Интернет, содержащие сведения о товаре. Однако при этом существуют потенциальные риски использования поддельных сайтов.

В связи с вышеизложенным, необходима проверка соответствия представляемых сведений данным подлинных сайтов производителей товаров, т.к. классификация товара во внешнеэкономической деятельности является базовым этапом для его последующего контроля. Известно, что контроль кодировки товара находится в начале логической цепи процесса взимания таможенных платежей. Немаловажным является и факт зависимости принимаемых мер нетарифного регулирования от классификации товара. Наконец, формирование таможенной статистики внешнеторгового товарооборота по нашей стране находится в прямой связи с адекватной кодировкой товара для таможенных целей.

В соответствии с Кодексом «одним из основных принципов таможенного контроля оформляемых товаров является его выборочность. Известно, что основной формой таможенного контроля является контроль документальный (проверка документов и сведений), который в основе своей должен проводиться по всем декларируемым товарам, хотя в рамках современных технологий некоторые отдельные поставки товаров вообще оформляются без участия таможенного инспектора» [3].

Применение системы управления рисками (далее – СУР), предполагающее выборочность таможенного контроля с использованием цифровых технологий, позволяет наиболее эффективно выделить объект контроля для предотвращения нарушений таможенного законодательства Российской Федерации. Основные акценты при контроле расставлены в отношении нарушений, имеющих устойчивый характер, связанных с уклонением от уплаты таможенных пошлин и

налогов в значительных размерах, подрывающих конкурентоспособность отечественных товаропроизводителей, затрагивающих другие важные интересы государства, обеспечение соблюдения которых возложено на таможенные органы.

Большое количество профилей риска по направлению контроля классификации товаров в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС направлены на выявление нарушений таможенного законодательства в связи с недостоверным заявлением кода товара для таможенных целей, сопряженным с неуплатой либо с занижением уплаты таможенных платежей. При этом при рассмотрении потенциального риска подбираются товары, сходные до степени смешения по своему описанию и характеристикам, имеющие классификационные коды, альтернативные заявляемому (товару «прикрытия»), но с более высокой ставкой налогообложения (товары «риска»).

Таким образом, разработанный профиль риска срабатывает на индикатор риска – заявленный классификационный код товара по ТН ВЭД ЕАЭС с более низкой ставкой налогообложения. Согласно принципу выборочности таможенного контроля дополнительные формы контроля применяются, таким образом, исключительно по товарам «прикрытия» с более низкой в сравнении с альтернативными товарами ставкой налогообложения.

Однако в практике таможенного декларирования очень часто встречаются примеры, когда декларант умышленно заявляет недостоверный, но высоко налогооблагаемый классификационный код товара по ТН ВЭД ЕАЭС в целях ускорения выпуска товара, а также в иных неблагоприятных целях. При этом товар выпускается без дополнительных форм таможенного контроля в рамках СУР, в частности без фактического контроля в виде досмотра.

Известно, что в ходе таможенного оформления до выпуска товара в рамках СУР обычно сосредотачивается внимание на устранение возможности занижения таможенных платежей, ведущего к недополучению денежных средств в федеральный бюджет. На практике в случае несоответствия сведений, содержащихся в товаросопроводительных документах, заявленному классификационному коду товара, влекущему, наоборот, завышение платежей, код, как правило, не корректируется. Однако при этом не учитывается тот факт, что недостоверная классификация товара может повлечь не только занижение или неуплату причитающихся таможенных платежей в полном объёме, но и несоблюдение законодательства в области запретов и ограничений по товару, что может привести к скрытому ущербу для национальных интересов государства и, в частности, для потребителя товара, с точки зрения его безопасного использования.

Выборочность таможенного контроля подразумевает собой применение дополнительных форм контроля и дополнительных проверок, регламентируемых Кодексом. При этом для ухода от дополнительных форм таможенного контроля можно использовать недостоверный код товара с переплатой таможенных платежей, который не будет индикатором для срабатывания соответствующего профиля риска, то есть последний не работает.

Например, для сокрытия провоза товаров, являющихся потенциальными объектами таможенных правонарушений, контрабанды и так далее, недобросовестный участник внешнеэкономической деятельности, имеющий отношение к товару, может использовать в своих целях механизм выборочности, например, фактического контроля товаров в рамках СУР. Декларируемый недостоверный код товара, предполагающий более высокое налогообложение и таможенные платежи в сравнении со сходным до степени смешения истинным альтернативным кодом, как следствие, не может использоваться в качестве индикатора риска и тем самым исключается такая дополнительная форма таможенного контроля, как досмотр товара.

Кроме того, после выпуска товара декларант еще и реализует свое право внесения изменений и дополнений в ДТ в части кода товара по ТН ВЭД ЕАЭС [1], указывая на несоответствие сведений в ранее представленных документах заявленной классификации товара, для возврата излишне уплаченных денежных средств.

Возврат таможенных платежей из бюджета является крайне непопулярной болезненной для государства мерой, сопряженной с проведением длительной процедуры ведомственного контроля после выпуска товара.

При рассмотрении подобных обращений декларанта для возврата таможенных платежей таможенный инспектор для принятия классификационного решения в большинстве случаев имеет в своем распоряжении только товаросопроводительную документацию, которая, как правило, на момент декларирования для однозначной классификации и (или) идентификации была либо неполной, либо отсутствовала вообще. Всё, что может представить декларант на данном этапе таможенного контроля после выпуска товара, это недостающие документальные сведения. Предъявить выпущенный товар таможенному органу для фактического контроля практически не представляется возможным.

Как уже было изложено выше, в практике таможенного контроля детальный анализ заявленной классификации товаров с высоким налогообложением до их выпуска вне рамок СУР не проводится. Это отчасти обусловлено принципом выборочности СУР, а также тем, что ДТ порой может содержать огромное количество товаров (до 1 000). В условиях жестких временных регламентов контроля ДТ (временных контрольных показателей деятельности таможенного органа) полный и

качественный контроль классификации тех же 1 000 товаров уже сейчас невозможен, а с учетом того, что в связи с внедрением новых цифровых технологий до 2030 г. планируется довести среднее время таможенного контроля партии товара (1 ДТ) до 10 минут, полный контроль хотя бы соответствия заявленных описательных классификационных характеристик коду товара по ТН ВЭД ЕАЭС практически нереален.

Замена человека искусственным интеллектом для полного и качественного контроля классификации с учетом основных правил интерпретации товара в ближайшем будущем вряд ли представится возможным. Это может произойти только тогда, когда искусственный интеллект достигнет уровня мышления человека, позволяющего проводить полный анализ, обработку данных и принятие решения без участия последнего в таможенном контроле декларации в целом, что маловероятно.

В настоящее время решение данной проблемы дано на откуп таможенным представителям (брокерам), оформление деклараций которыми сейчас близко к 100 %. Брокер заполняет ДТ и в большинстве случаев несет солидарную ответственность с лицом, имеющим отношение к товару, за полноту, достоверность и обоснование представляемых сведений. Иначе таможенный представитель, по которому ведется учет таможенных правонарушений, должен быть заинтересован в рейтинге своей организации и тем самым осуществлять первичный контроль на стадии подачи декларации.

Неслучайно государство предпринимает все меры для стимулирования обращений участников внешнеэкономической деятельности к таможенным представителям для оформления таможенных деклараций.

Однако не следует забывать, что брокерские фирмы, являясь коммерческими организациями в околотаможенной инфраструктуре, нацелены, в первую очередь, на скорость оформления (заполнения) таможенной декларации и оказания услуг для получения максимальной прибыли. Они не могут полностью подменить таможенный орган как в силу своего статуса, так и по существу [4].

Тем не менее ввиду недостатка времени выпускающие инспектора в частности не контролируют классификацию товаров с высоким уровнем налогообложения, полагаясь на первичный контроль таможенным представителем. Тот, в свою очередь, также не заинтересован в излишних временных затратах и как коммерческая организация нацелен на получение максимальной прибыли от обработки максимального количества ДТ.

Таким образом, вышеизложенные риски, искусственно скрытые недостоверной классификацией не с низким, а наоборот, с высоким налогообложением, не находят контроля ни у таможенного представителя из-за отсутствия его коммерческих интересов, ни у

выпускающего инспектора, ввиду явного отсутствия риска в рамках СУР и нехватки времени для контроля классификации, в особенности сборных грузов. Тем самым налицо конфликт государственных интересов с интересами субъектов контроля.

Данная ситуация также не подлежит и дальнейшему контролю со стороны вышестоящих таможенных органов и иных контролирующих государственных органов в связи с отсутствием признаков риска в рамках СУР и недоказанностью наличия возможного таможенного правонарушения, а также с формальным соблюдением должностных инструкций и регламентов.

В дополнение следует заметить, что в случае наличия большого количества партий подобного рода оформленных товаров, с целью возврата денежных средств из федерального бюджета декларант стремится охватить все ДТ по максимуму в течение трёх лет после их выпуска для внесения соответствующих изменений в декларацию. Это значительно увеличивает во времени и без того длительную процедуру проведения ведомственного контроля с вынесением классификационных решений и подготовкой соответствующих корректировок в ДТ, проводимых функциональным подразделением контроля классификации товаров. Огромные временные затраты на данную процедуру с отрицательной экономической эффективностью на длительное время приводят к полному отрыву от контроля классификации по основному массиву товаров.

Таким образом, для предотвращения риска неправомерного возврата таможенных платежей по результатам документального контроля классификации товаров после их выпуска, для снижения вероятности ухода от фактического контроля в рамках СУР по любым основаниям, при невозможности фактического предъявления и идентификации товаров после выпуска, необходимо исключить принятие решений по классификации товаров после их выпуска только на основании документального контроля (имеющихся на момент декларирования и дополнительно представляемых документов после выпуска товара), что требует нормативно-правового закрепления.

Список литературы

1. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (ред. от 29.05.2019 г.) (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215315 (дата обращения: 20.11.2024).
2. Субботин Ю.Б. Таможенный контроль при электронном декларировании товаров // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2023. № 1 (73). С. 52–55.
3. Субботин Ю.Б. Организационно-методологические основы таможенного контроля оформляемых товаров // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 1 (77). С. 95–102.

4. Субботин Ю.Б. Проблемы таможенного контроля товаров на современном этапе // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2021. № 2 (66). С. 67–70.

Об авторе:

СУББОТИН Юрий Борисович – кандидат технических наук; доцент кафедры конституционного, административного и таможенного права ФГОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, Россия, Тверь, ул. Желябова, 33), eLIBRARY ID: 18106652, e-mail: SubbotinYB@yandex.ru

Problems of customs control of goods classification in accordance with the Commodity nomenclature of foreign economic activity of the Eurasian economic union

Yu.B. Subbotin

Tver State University, Tver

The object of the study is the current practice of customs control of goods classification in accordance with the Commodity Nomenclature of Foreign Economic Activity of the Eurasian Economic Union before their release. The purpose of the work is to substantiate the need to amend the existing legal norms of the procedure for making decisions on classification. The reduction of the risk of potential customs violations from the point of view of the economic security of the state is substantiated. The author's position on the need for a more detailed justification for changing the classification code of goods after their release is formulated.

Keywords: *product classification, risk management system, product identification.*

About author:

SUBBOTIN Yuriy – PhD in technical sciences; the assistant professor of the pulpit to constitutional, administrative and customs right of Tver State University (170100, Russia, Tver, Zheljabova st., 33), eLIBRARY ID: 18106652, e-mail: SubbotinYB@yandex.ru

Субботин Ю.Б. Проблемы таможенного контроля классификации товаров в соответствии с Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 2 (82). С. 132–138.

Статья поступила в редакцию 25.05.2025 г.

Подписана в печать 16.06.2025 г.

Отдельные аспекты понятия «финансовая культура» с точки зрения финансово-правовых подходов

О.И. Юстус

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В рамках представленной статьи междисциплинарная категория «финансовая культура» анализируется с точки зрения финансово-правовых подходов. Обосновывается мнение о взаимосвязи финансовой культуры и финансового правосознания, включающего финансово-правовые чувства, финансово-правовые знания и финансово-правовые убеждения и имеющего своим результатом относительно устойчивое, юридически значимое финансовое поведение, распространяющееся на все формы реализации права. Подтверждается предположение, согласно которому финансовая культура может быть охарактеризована как диспозитивный элемент императивного метода финансово-правового регулирования – метода властных предписаний. Делается вывод о том, что процесс формирования финансовой культуры представляет собою одно из направлений управленческой деятельности государства, непосредственно связанной с публичной финансовой деятельностью и осуществляемой как в правовой, так и неправовой формах.

Ключевые слова: *финансовая культура, финансово-правовая культура, финансовое правосознание, метод финансового права, публичная финансовая деятельность.*

Необходимо признать, что проблематика финансовой культуры все чаще становится предметом научных исследований [5, 18, 19, 23, 25], что представляется закономерным с точки зрения целей поступательного развития России и обеспечения финансового суверенитета государства, означенных в документах стратегического планирования [1].

Следует поддержать обоснованную позицию о взаимосвязи и взаимном влиянии понятий финансовой грамотности и финансовой культуры, высказанную в исследовании Н.А. Поветкиной и Е.В. Кудряшовой [23, с. 39], что, однако, не исключает различий исследуемых категорий [25, с. 125–127].

Рассматривая содержание категории «финансовая культура», необходимо отметить ее междисциплинарный [13, с. 107–112] характер. При этом учеными экономистами и социологами финансовая культура чаще всего характеризуется как часть экономической или денежной культуры.

Так, например, Д.А. Кунижева, формулируя понятие финансовой культуры как «как ценностно-смысловой системы, выраженной во внутренних и внешних нормах и правилах, побуждающих

человека/домохозяйство к грамотному обращению с личными финансами» [14, с. 10], трактует финансовую культуру как часть экономической культуры и распространяет первую сугубо на сферу частных финансов.

Что касается категории «экономическая культура», содержание последней раскрывается, например, в исследовании А.В. Боранукова «через такие соподчиненные ему понятия, как экономическая политика, этика бизнеса, трудовая культура, жизненная стратегия, культура потребления, финансово-экономические компетенции, социальная мобильность, филантропия и некоторые другие» [4, с. 16–17].

Прагматическая суть экономической культуры в максимальной степени проявляется в исследованиях, посвященных культуре денежной. Несмотря на разность подходов к влиянию денег на социокультурные процессы в современном мире, обоснованным представляется вывод о «разновекторности» влияния денежной культуры, согласно которому, «с одной стороны, деньги создают условия для рационального оценивания индивидуальных и коллективных действий (по шкале “выгодно – невыгодно”), с другой стороны, деньги формируют среду, в которой люди и общества вынуждены реагировать на их существование самыми разнообразными способами» [9, с. 161], зависящими от социально-экономического уклада государств, финансовой грамотности индивидов, национально-культурных денежных традиций и пр.

Безусловно, обозначенные подходы к пониманию финансовой культуры заслуживают внимания и представляют несомненную исследовательскую ценность. Вместе с тем, как представляется, они не в полной мере учитывают целостный и комплексный характер категории «финансовая культура», поскольку не отражают в ее восприятии характеристики, проистекающие из ценности и значимости права как одной из составляющих культуры в целом. Другими словами, междисциплинарное понимание дефиниции «финансовая культура», по нашему мнению, требует применения правового подхода.

В качестве гипотезы высказывается предположение о том, что финансовая культура представляет собою некий симбиоз элементов экономической и правовой культуры, неразрывно связанных между собою.

Исследования, посвященные правовой культуре [10, с. 7–13], определяют последнюю как один из важнейших компонентов механизма правовой социализации личности, подчеркивают ее неразрывную связь с образованием и духовностью индивидов, что проявляется в двух основных образовательных функциях: передаче правовых знаний, навыков и умений, необходимых для нормальной жизнедеятельности; формировании у индивида, в отличие от других видов социального воспитания, именно правовых идей, чувств, убеждений. Например, Я.В. Зубова, как и прочие авторы, приходит к выводу о необходимости

соответствия права существующим в обществе принципам морали и ценностям, в связи с чем независимо от политических и экономических изменений, происходящих в государстве, следует учитывать преемственность правовой культуры, создание и развитие которой в равной степени зависит от законодательной, правоприменительной, правоохранительной деятельности, образовательно-просветительской и воспитательной систем [10, с. 7–13].

М.А. Месиков [15, с. 8–10, 16] акцентирует внимание на конституционной идеологии как неотъемлемом элементе правовой культуры, который не только позволяет обеспечить защиту прав и свобод человека, создать баланс во взаимных требованиях общества и личности, но и выступает в качестве сдерживающего фактора антиобщественного, а потому антиправового поведения.

Гносеологический интерес представляют научные подходы, выработанные применительно к находящемуся во взаимодействии с правовой культурой правосознанию. Так, А.А. Орлова раскрывает понятие правовой культуры через выделение сущностных характеристик правосознания, составляющего совокупность следующих элементов [17, с. 10–11]:

- психологические (эмоции, переживания или настроения, т. е. правовые чувства), в значительной мере определяющие правомерность (противоправность) поведения и позволяющие определить причины той или иной деятельности, в связи с чем правовое воспитание целесообразно направить именно на данный элемент;

- идеологические (правовые знания, понятия, концепции), объясняющие людям деятельность государства, содержание прав и свобод граждан;

- поведенческие (убеждения, взгляды, ориентации), сформированные на основе правовой психологии и правовой идеологии и играющие большую роль в общественной деятельности.

Рассуждая в этом же русле, В.А. Савенков [22, с. 10–11] выделяет подобные элементы уже применительно не к правосознанию, а к правовой культуре, и говорит о двух сторонах последней:

- статической, формируемой как отражение внутренних общественных ценностей и внешних историко-политических реалий развития государства в качестве суверена, а посему достаточно стабильной, и проявляемой в таких элементах как право, правосознание, правоотношение, правовое поведение;

- динамической, выступающей механизмом проявления статических элементов, ставших внутренним достоянием личности и персонифицируемых последней в изменяемом состоянии на протяжении всей жизни (познавательный-рациональный этап – непрерывный процесс формирования правовых знаний; аксиологически-эмоциональный этап – наполнение правовой культуры ценностными ориентациями,

убеждениями и идеалами; нормативно-поведенческий этап – сознательная социально-правовая активность).

Заслуживающий внимания нестандартный подход к пониманию сути правовой культуры можно найти в работе О.И. Мирошниченко «Русский культурный архетип как средство идентификации современного российского права» [16, с. 9–12]. Ученый воспринимает право в качестве социокультурного феномена, в основе которого лежит «национальный культурный код, представляющий собой набор правовых архетипов конкретного общества». Неучет этого фактора приводит к недейственности права как регулятора общественных отношений. В качестве российских правовых архетипов автор называет такие как: архетип «государя-покровителя» (идеализация государства), архетип авторитета (идеализация лица, наделенного определенными должностными полномочиями), архетип «я – последняя буква алфавита» / архетип «правильного человека» (особенности российского толкования понятий свободы и справедливости) и архетип «двух жизней» (установка на существование двух «правовых систем»: неписанного народного права и позитивного государственного).

Поскольку «публично-правовой характер финансового правоотношения таит в себе противоречие... с одной стороны, между “собственным кошельком” индивидуума и кошельком государства, а с другой – между интересами больших групп людей к финансовому обеспечению государства и индивидуальным интересом каждого конкретного субъекта» [11, с. 80], как представляется, при конструировании финансово-правовой нормы необходимо особым образом учитывать действие архетипа «двух жизней». В конечном итоге, эффективность реализации «конфликтной» финансово-правовой нормы будет, в том числе, зависеть от ее фактического восприятия обществом в целом и его отдельными членами. Именно данную задачу, как видится, и должна решать финансовая культура.

Тематика социокультурных особенностей России исследовалась также и экономистами. Так, например, Е.Н. Никишина считает, что культурные характеристики хотя и выступают не единственным и не основным фактором поступательного развития государства, подлежат учету в целях эффективности экономических процессов. Ученый соотносит выявленные культурные особенности с конкурентными преимуществами или экономическими ограничениями. К числу первых он относит: умение и готовность реализовывать мобилизационные проекты, готовность ожидать отложенные результаты, высокую адаптивность. Вторыми являются: патернализм, боязнь перемен и склонность сохранять статус-кво, неготовность доводить дело до конца [3, с. 38–45]. Соответственно, полагаем, и «культурные коды экономики» [2] подлежат обязательному учету при формировании целей и задач финансовой культуры.

Таким образом, исходя из вывода о взаимосвязи и взаимном влиянии экономики и права, выработанных подходов к категориям «экономическая культура» и «правовая культура», перейдем к раскрытию содержания комплексной, междисциплинарной категории «финансовая культура».

В самом общем виде финансовая культура может быть определена как система исторически обусловленных, относительно устойчивых программ экономической деятельности субъектов, как урегулированных, так и не урегулированных правом.

Вместе с тем хотелось бы акцентировать внимание именно на том сегменте финансовой культуры, который является юридически ориентированным, что, на наш взгляд, составляет большую часть финансовой культуры. Неслучайно в этой связи рядом авторов используется термин «экономико-правовая культура» [18, с. 228] или «финансово-правовая культура» [19, с. 2–5].

На тесную взаимосвязь экономики и права, наиболее ярко проявляемую в финансовом праве, указывает П.М. Годме, в связи с чем автор полагает необходимым рассматривать нормы финансового права в их связи с экономикой и политикой, поскольку последняя «позволяет лучше понять действие финансовых механизмов, а глубокое исследование финансовых операций, в свою очередь, позволяет полнее раскрыть некоторые политические явления» [6, с. 30–33]. Актуальность указанного полностью подтверждается также развитием советского, а впоследствии российского финансового права. При этом следует понимать, что «правовое регулирование общественных отношений коренится в экономических и основанных на них политических условиях жизни общества»; «право развивается в соответствии с познанными экономическими ... потребностями» [26, с. 18, 33].

Таким образом, синергия экономики, права и политики, присущая финансовому праву, позволяет предположить, что финансовая культура в значительной степени реализуется благодаря финансовому правосознанию, имеющему своим результатом относительно устойчивое, юридически значимое финансовое поведение, распространяющееся, в том числе, на правовую деятельность в виде правотворчества, правоприменения и других форм реализации права (использования, исполнения, соблюдения).

Данная концепция «встраивает» финансовое правосознание в финансовую культуру, соотнося существенные элементы финансовой культуры в ее легальной трактовке («ценности, установки и поведенческие практики граждан в финансовой сфере, зависящие от воспитания, уровня финансовой грамотности, опыта принятия финансовых решений, уровня развития финансового рынка и общественных институтов») с финансово-правовыми чувствами (психологическая составляющая), финансово-правовыми знаниями

(поведенческая составляющая) и финансово-правовыми убеждениями (идеологическая составляющая).

Как представляется, приведенные характеристики финансовой культуры в равной степени могут быть распространены на правосознание индивидуальных субъектов финансовых правоотношений. Более того, именно финансово-правовые чувства, финансово-правовые знания и финансово-правовые убеждения будут определять конкретную модель поведения участника правоотношения, ее правомерность или противоправность. При этом соответствие финансового поведения индивида установленным правовым нормам, на наш взгляд, не в меньшей степени зависит от финансово-правовых чувств и убеждений индивида, чем от его финансовой грамотности.

Указанное предположение подтверждается исследованиями, затрагивающими сферу налоговой культуры [8, 20]. Задаваясь вопросом, влияние какого элемента налоговой культуры – интеллектуального (налоговой грамотности) или эмоционального – в большей мере воздействует на добросовестность налогоплательщиков, ученые приходят к выводу, что на «мотивацию правонарушителя воздействуют оба компонента: рациональное стремление к максимизации выгоды поддерживается и подкрепляется правовым нигилизмом» [20, с. 118]. В этой ситуации нельзя забывать и о тех особенностях моральных причин уклонения от налогов, на которые указывает в своем труде «Финансовое право» Ж.П. Годме. Автор пишет: «Хорошо известно, что для многих граждан осознание налоговых обязанностей гораздо менее сильно, чем моральных. Для многих украсть у казны не значит украсть» [6, с. 399].

Осознание обозначенной проблемы, которая носит общий, а не сугубо налоговый характер, является приоритетной задачей и для финансово-правовой науки, и для властных субъектов, осуществляющих финансовую деятельность публично-правовых образований. В рамках идеальной правовой конструкции интересы отдельных граждан должны соответствовать публичным интересам, а последние – согласовываться с государственными. На практике же можно наблюдать несовпадение или даже противоречие указанных интересов, что особенно явно проявляется в комплексных правовых институтах, одним из которых выступает институт публичных закупок [12, 21].

Возвращаясь к тематике налоговой культуры, вместе с тем следует отметить многочисленность примеров высокой налоговой культуры, позитивно влияющих на добросовестное исполнение налоговой обязанности. Последнее становится значимым обстоятельством не только во взаимоотношениях налогоплательщиков и фискальных органов, но и во взаимоотношениях между налогоплательщиками, что особенно значимо. Так, в качестве примера можно указать на деятельность Ассоциации добросовестных налогоплательщиков, не только способствующей созданию конструктивного диалога между

бизнесом и государством, но и формирующей нетерпимое отношение к злоупотреблениям и правонарушениям в налоговой сфере.

Иначе говоря, исполнение налоговой обязанности наглядно демонстрирует, что именно налоговая культура не позволяет налогоплательщику уклоняться от уплаты налога. Аналогичным образом финансовая культура вначале предшествует финансовому правоотношению (в смысле ее наличия в том или ином объеме у субъекта финансового правоотношения), а потом через финансовое правосознание реализуется в нем. Более того, при надлежащей реализации финансового правоотношения, рассмотренной в относительно длительном промежутке времени, финансовая культура повышается, при ненадлежащей – уменьшается.

В этой связи индивидуальный субъект финансового правоотношения – это не только лицо, обладающее субъективными правами и обязанностями, проистекающими из конкретного объема правосубъектности, участник конкретного финансового правоотношения, но и носитель финансово-правовой культуры некоего уровня, определяемого за определенный промежуток времени.

Таким образом, понятие индивидуального субъекта финансового права является многоаспектным:

- с точки зрения права – это лицо, за которым финансово-правовая норма закрепляет определенные права и обязанности;
- с точки зрения экономики – это субъект прагматического экономического интереса;
- с социокультурной точки зрения – носитель социокультурных потребностей, практик, обычаев.

Понимание указанных проявлений, взятых в совокупности, позволяет утверждать, что индивидуальный субъект финансового права, повинаясь предписанию финансово-правовой нормы, включается в некие экономические (а точнее – финансовые) отношения, но участвует в них, исходя из устойчивой общественной ментальности и персональной финансовой грамотности, в итоге чего формирует персональный уровень финансовой культуры.

В свою очередь, указанное приводит нас к предположению о взаимосвязи финансовой деятельности субъектов публичной власти, особенностей императивного метода ее правового регулирования и процесса формирования финансовой культуры.

В рамках концепции «финансового права как совокупности финансово-правовых норм, регулирующих общественные отношения, складывающиеся в процессе осуществления публичной властью финансовой деятельности для реализации стоящих перед ней общесоциальных целей и задач» [7, с. 20] позволим себе присоединиться к позиции, согласно которой «экономические свойства предмета финансово-правового регулирования, как и роль государства в качестве

экономически заинтересованного субъекта... все более усиливается» [24, с. 16].

Данное обстоятельство имеет вполне прагматичное объяснение. В сфере интересов государства-собственника находятся не только централизованные публичные финансы, формируемые, распределяемые и используемые в процессе финансовой деятельности публично-правовых образований, но и финансы частные, значение которых в обеспечении финансового суверенитета России возрастает. Вместе с тем регулирование частных финансов методом властным предписаний имеет свои особенности, объясняемые действием объективных экономических законов, преодолеть которые путем использования административно-командных методов весьма затруднительно. По глубокому замечанию Е.Ю. Грачевой, «необходимость реформирования экономических отношений и создание новой экономической модели общества обусловили поиск дополнительного инструментария воздействия на общественные отношения, помимо превалировавшего административно-командного метода регулирования» [7, с. 20].

С другой стороны, обеспечение публичного интереса, как обоснованно указывают О.Н. Горбунова и Х.В. Пешкова (Белогорцева) [24, с. 39–45], вынуждают государство при неизменности императивного характера метода правового регулирования финансовых правоотношений «встраивать» в него особые экономические приемы (способы), характеризующиеся элементами диспозитивности. При этом реализуется стимулирующая функция финансов, а в определенных случаях и распределительная. Все указанное, в свою очередь, позволяет поддерживать баланс частных и публичных интересов путем учета на уровне финансово-правового регулирования взаимосвязи и взаимовлияния экономики, социальных потребностей граждан, а также функционирования государства как суверена и хозяйственника.

Особенности обозначенной выше характеристики метода властных предписаний приводят нас к выводу о том, что финансовая культура является одним из немногих, если не единственным, диспозитивным способом воздействия на субъектов финансового правоотношения в неизменных рамках применяемого императивного метода. Полагаем, что кроме финансовой культуры государство не имеет иных, не проявляемых как административно-командные методы, эффективных инструментов управления и воздействия на частные финансы. Более того, финансовая культура как личностная характеристика всех государственных и муниципальных служащих, иных индивидов – работников органов публичной власти, оказывает значительное влияние и на состояние публичных финансов.

Соответственно, мы можем выделить еще один аспект финансовой культуры, а именно: формирование финансовой культуры есть проявление диспозитивного элемента в составе императивного метода

финансово-правового регулирования. Принуждение субъектов к вступлению в финансовое правоотношение и его надлежащей реализации хотя имеет аналогичный правовой результат, но, поскольку зачастую противоречит экономическим интересам подчиненного субъекта, как правило, ведет к ухудшению макро- и микроэкономической ситуации и, соответственно, тормозит поступательное развитие как частных, так и публичных финансов. В этой связи государству экономически целесообразно формировать у граждан высокую финансовую культуру, сопряженную с публичным финансовым интересом и обеспечивающую удовлетворение последнего.

Подводя итоги исследованию, позволим себе сделать следующие выводы:

Во-первых, финансовая культура реализуется благодаря финансовому правосознанию, включающему финансово-правовые чувства (психологическая составляющая), финансово-правовые знания (поведенческая составляющая) и финансово-правовые убеждения (идеологическая составляющая) и имеющему своим результатом относительно устойчивое, юридически значимое финансовое поведение, распространяющееся на правовую деятельность в виде правотворчества, правоприменения и других форм реализации права (использования, исполнения, соблюдения).

При этом финансово-правовые чувства, финансово-правовые знания и финансово-правовые убеждения как элементы финансового правосознания будут определять конкретную модель поведения участника финансового правоотношения, ее правомерность или противоправность.

Во-вторых, финансовая культура может быть охарактеризована как диспозитивный элемент императивного метода финансово-правового регулирования – метода властных предписаний.

Более того, финансовая культура как личностная характеристика всех индивидуальных субъектов, в том числе государственных и муниципальных служащих, иных индивидов – работников органов публичной власти, оказывает опосредованное влияние на состояние как частных, так и публичных финансов.

В-третьих, формирование финансовой культуры представляет собою одно из направлений управленческой деятельности государства, осуществляемой как в правовой, так и неправовой формах и непосредственно связанной с публичной финансовой деятельностью.

Список литературы

1. Распоряжение Правительства РФ от 24.10.2023 г. № 2958-р «Об утверждении Стратегии повышения финансовой грамотности и формирования финансовой культуры до 2030 г.» // СЗ РФ. 2023. № 45. Ст. 8091.

2. Аузан А.А. Культурные коды экономики. Как ценности влияют на конкуренцию, демократию и благосостояние народа. М.: АСТ, 2022. 160 с.
3. Аузан А.А., Никишина Е.Н. Социокультурная экономика: как культура влияет на экономику, а экономика – на культуру: курс лекций. М.: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2021. 200 с.
4. Борануков А.В. Экономическая культура и финансовая грамотность населения (на примере южно-российских регионов): автореф. дис. ... канд. соц. наук. Майкоп, 2014. 31 с.
5. Бочкарева Е.А. О субъектах правоотношений в сфере повышения финансовой грамотности и формирования финансовой культуры // Финансовое право. 2024. № 2. С. 5–7.
6. Годме П.М. Финансовое право. М.: Изд-во Прогресс, 1978. 429 с.
7. Грачева Е.Ю. Основные тенденции развития финансового права как публично-правовой отрасли // Вестник университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 7. С. 17–27.
8. Демин А.В. Повышение налоговой культуры – важный компонент перехода к «партнерской» модели налогового администрирования // Актуальные направления научных исследований: от теории к практике. 2016. № 2-2 (8). С. 271–275.
9. Евдокимов А.И., Никитин А.П. Денежная культура как фактор процесса социокультурной модернизации // Манускрипт. 2020. Том 13. Выпуск 11. С. 157–162.
10. Zubova Ya.V. Правовое образование в развитии правовой культуры формирующегося гражданского общества в современной России: автореф. дис. ... д-ра соц. наук. Майкоп, 2010. 58 с.
11. Карасёва М.В. Финансовое правоотношение. Воронеж: изд-во Воронежского гос. ун-та, 1997. 304 с.
12. Кикавец В.В. Публичный интерес в сфере закупок // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2020. Т. 24, № 4. С. 1039–1062.
13. Кунижева Д.А. Финансовая культура: многогранность понятия, подходы к исследованию и место в научном дискурсе // Теория и практика общественного развития. 2023. № 7. 107–112.
14. Кунижева Д.А. Финансовая субъектность как ключевой показатель финансовой культуры студенческой молодежи : автореф. дис. ... канд. соц. наук. М., 2024. 25 с.
15. Месилов М. А. Конституционно-правовые основы формирования правовой культуры государственных гражданских служащих: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 23 с.
16. Мирошниченко О.И. Русский культурный архетип как средство идентификации современного российского права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 33 с.
17. Орлова А.А. Правосознание и законность в деятельности федеральной службы исполнения наказаний: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2010. 29 с.
18. Пастушенко Е.Н., Малыхина Е.А., Земцова Л.Н. Повышение финансовой грамотности как функция Центрального Банка Российской

Федерации в условиях цифровой экономики // Вестник СГЮА. 2021. № 5 (142). С. 227–233.

19. Поветкина Н.А. Финансово-правовая культура // Финансовое право. 2024. № 12. С. 2–5

20. Назаров С.А., Добрынина М.В., Растимешина Т.В. Правонарушения в налоговой сфере и налоговая культура в современной России: монография. М.: изд-во Триумф, 2020. 222 с.

21. Публичные закупки в России: интересы, конкуренция, ценообразование: монография / под ред. В.В. Кикавца. М.: Проспект, 2021. 255 с.

22. Савенков В.А. Правовая культура российских таможенников: социально-философский анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 24 с.

23. Финансовая грамотность и устойчивое развитие в цифровую эпоху (правовое измерение): монография / Н.А. Поветкина, Е.В. Кудряшова; ИЗиСП. М.: Норма : ИНФРА-М, 2020. 104 с.

24. Формирование и развитие отраслей права в исторической и современной правовой реальности. В 12 т. Т. IV. Финансовое право России: монография / под ред. Р.Л. Хачатурова, Х.В. Пешковой. М.: Юрлитинформ, 2021. 584 с.

25. Юстус О.И. Финансовая культура как одно из условий эффективной финансовой деятельности налоговых и таможенных органов // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 3 (79). С. 125–136.

26. Явич Л.С. Проблемы правового регулирования советских общественных отношений. М.: Госюриздат, 1961. 172 с.

Об авторе:

ЮСТУС Ольга Ивановна – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного, административного и таможенного права ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код 6648-9867, e-mail: olga.i.yustus@gmail.com

Some aspects of the concept of “financial culture” from the point of view of financial and legal approaches

O.I. Justus

Tver State University, Tver

In the framework of the presented article, the interdisciplinary category "financial culture" is analyzed from the point of view of financial and legal approaches. The article substantiates the opinion on the relationship between financial culture and financial legal awareness, which includes financial and legal feelings, financial and legal knowledge and financial and legal beliefs and results in relatively stable, legally significant financial behavior that extends to all forms of law implementation. The assumption is confirmed, according to which financial culture can be characterized as a dispositive element of the imperative method of financial and legal regulation - the method of

authoritative prescriptions. It is concluded that the process of forming a financial culture is one of the areas of government management activities directly related to public financial activities and carried out in both legal and non-legal forms.

Keywords: *financial culture, financial and legal culture, financial legal awareness, financial law method, public financial activity.*

About author:

YUSTUS Olga – PhD in Law, associate Professor of the Department of constitutional, administrative and customs law of Tver state University (33 Zhelyabova str., Tver, 170100), SPIN-code: 6648-9867, e-mail: olga.i.yustus@gmail.com

Юстус О.И. Отдельные аспекты понятия «финансовая культура» с точки зрения финансово-правовых подходов // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 2 (82). С. 139–150.

Статья поступила в редакцию 25.05.2025 г.

Подписана в печать 16.06.2025 г.

Актуальные вопросы науки и правоприменительной практики

УДК 347.921.8

DOI: 10.26456/vtpravo/2025.2.151

Изменения законодательства о бесплатной юридической помощи в контексте деятельности юридических клиник

С.А. Алешукина

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Статья посвящена вопросам организации и деятельности юридических клиник в качестве самостоятельных участников негосударственной системы бесплатной юридической помощи. В статье освещаются проблемы, возникающие в связи с несовершенством подзаконных актов, регламентирующих деятельность клиник, а также с документационным сопровождением процесса консультирования граждан. Особый интерес представляет анализ последних изменений законодательства о бесплатной юридической помощи и их влияние на деятельность юридических клиник. Методами исследования являются формальная логика, синтез (обобщение), комплексность и системный подход.

Ключевые слова: юридическая клиника, обучение служением, бесплатная юридическая помощь.

Деятельность юридических клиник из года в год продолжает вызывать вопросы как в профессиональных кругах, так и в обществе. Не беря во внимание исторический аспект становления и развития клинического образования в России, уже на современном этапе можно выделить три «волны» развития юридических клиник. Первый этап был обусловлен возрождением юридических клиник после советского периода, когда на базе Петрозаводского государственного университета была создана соответствующая клиника в 1995 г. [6, с. 156]. В последующие пять лет юридические клиники были созданы в ведущих юридических вузах России, и к 2000 г. существовало более 70 подобных учреждений. Данный этап можно обозначить как хаотичный, поскольку отсутствовало единое нормативно-правовое регулирование деятельности данных учреждений, низкая заинтересованность со стороны государства данным направлением, но в тоже время существовала высокая эмоциональная мотивация участников юридических клиник, новаторский характер работы, интерактивные методы обучения, а также достаточное финансирование за счет грантовой помощи, поддержки общественных организаций и добровольных пожертвований.

Второй этап связан с принятием Федерального закона от 21.11.2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» (далее – закон о БЮП) [2]. Данный этап можно

охарактеризовать как формализацию отношений по оказанию юридическими клиниками бесплатной юридической помощи гражданам. Клиникам был придан официальный статус участника негосударственной системы бесплатной юридической помощи, предприняты первые попытки контроля деятельности клиник, их финансирования, учета и приведения к единым правилам работы. С 2012 г. ранее существовавшие клиники и вновь создаваемые обновили свои локальные акты, унифицировали правила работы, сделали их более прозрачными и доступными для ознакомления и контроля.

Третий этап развития юридических клиник обусловлен изменениями закона о БЮП в 2022–2023 гг., относительно небольшими в текстуальном выражении, но принципиальными с точки зрения концептуального восприятия юридических клиник. Эти изменения касались расширения полномочий Министерства юстиции РФ и его территориальных органов в части методического обеспечения деятельности юридических клиник наравне с другими участниками БЮП, проведения мониторинга деятельности юридических клиник по оказанию бесплатной помощи и правовому просвещению населения, утверждения формы документов, необходимых для проведения мониторинга деятельности по оказанию гражданам бесплатной юридической помощи и правовому просвещению населения и установления порядка ее заполнения, закрепления обязанности по предоставлению информации об оказании гражданам бесплатной юридической помощи и о правовом просвещении населения, лишения юридических клиник права обладать статусом юридического лица, посредством указания, что юридическая клиника может создаваться в качестве структурного подразделения образовательной организации высшего образования или научной организации, ограничения количественного контингента учащихся-клиницистов в связи с допуском к работе в клиниках, обучающихся не менее половины срока получения образования, необходимости ведения списка юридических клиник в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, изменения перечня граждан, имеющих право на получение БЮП и случаев ее предоставления, расширения полномочий субъектов РФ в сфере оказания бесплатной юридической помощи гражданам, более детального регулирования участия нотариусов в системе БЮП, необходимости координации деятельности участников государственной и негосударственной системы БЮП, разработки и утверждения стандартов оказания БЮП, а также обеспечения контроля за его соблюдением, определения порядка взаимодействия участников государственной и негосударственной систем бесплатной юридической помощи на территории субъекта Российской Федерации, а также интегрирования в указанную систему Уполномоченного по правам человека в РФ и субъектах РФ. Сложно однозначно оценить обозначенные изменения законодательства. Безусловно, расширение

перечня категорий граждан и случаев оказания БЮП актуально, обусловлено духом времени и является ответом на объективные реалии. Внедрение в систему БЮП Уполномоченных по правам человека на всех уровнях востребовано практикой, поскольку на уровне как РФ, так и многих субъектов именно приемная Уполномоченного по правам человека стала той площадкой, которая привлекла к себе внимание граждан. Изменения же, которые касаются юридических клиник, не столь конструктивны. Соответственно, что же изменилось и какие последствия эти изменения повлекли?

Во-первых, в ст. 23 закона о БЮП предусмотрено, что юридические клиники создаются в качестве структурных подразделений образовательных организаций высшего образования и научных организаций. И если с образовательными организациями высшего образования связь юридических клиник достаточно очевидна, то создание юридических клиник при научных организациях весьма спорно. В соответствии с Федеральным законом от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [1] научные организации вправе осуществлять образовательную деятельность по программам магистратуры, программам подготовки научных и научно-педагогических кадров, программам ординатуры, программам профессионального обучения и дополнительным профессиональным программам. В науке даже анализируется феномен научных юридических клиник, и предпринята попытка теоретического осмысления понятия «научная юридическая клиника» [7]. Но представляется, что юридическая клиника как практико-ориентированная форма обучения относительно далека от научной деятельности, и все участники процесса оказания бесплатной юридической помощи ориентированы в другую плоскость: студенты приходят в клинику для формирования необходимых профессиональных компетенций, в первую очередь прикладных, которые в будущем помогут работать в сфере юриспруденции, а граждане обращаются за решением сиюминутной проблемы в области права и не заинтересованы в изучении причин, побудивших обратиться в юридическую клинику, научно-теоретическом анализе причин возникновения проблемы и несовершенства законодательства и др. Кроме того, изменение порядка создания юридических клиник при образовательных организациях высшего образования на уровне закона не повлекло необходимого изменения подзаконных актов, а именно Приказа Минобрнауки России от 28.11.2012 г. № 994 «Об утверждении Порядка создания образовательными учреждениями высшего профессионального образования юридических клиник и порядка их деятельности в рамках негосударственной системы оказания бесплатной юридической помощи» [4], который все еще предусматривает возможность создания юридических клиник в качестве юридического лица.

Во-вторых, непонятно закрепление общих требований к контингенту обучающихся, привлекаемых для работы в клиниках. По закону это студенты, обучающиеся не менее половины срока получения образования. На практике возможна парадоксальная ситуация, когда профильный студент, обучающийся по направлению подготовки «Юриспруденция», 2-го курса обучения не может консультировать граждан, а студент магистратуры 2-го курса обучения без базового юридического образования (бакалавриата по направлению подготовки «Юриспруденция») может. Справедливости ради стоит отметить, что магистранты практически все работают по специальности и их привлечение к деятельности юридических клиник незначительно, а самым «рабочим курсом» являются студенты 3-го года обучения бакалавриата. Но, безусловно, «рекрутировать» необходимо ранее, начиная со 2-го курса. Более того, современные учебные планы сформированы таким образом, что существенный блок отраслевых дисциплин студенты изучают уже на 1–2-м курсах обучения (конституционное право, административное право, трудовое право, право социального обеспечения, гражданское право, уголовное право и др.) Опасения, что студенты, обучающиеся менее половины срока получения образования, будут оказывать некачественную юридическую помощь, представляются неоправданными. В любом случае помощь, оказываемая студентами, будет неквалифицированной в смысле того, что она оказывается лицами, не имеющими квалификации «Юрист». Но неквалифицированная юридическая помощь не равно некачественная юридическая помощь. Студенты участвуют в оказании бесплатной юридической помощи в юридических клиниках под контролем лиц, имеющих высшее юридическое образование, ответственных за обучение указанных лиц и деятельность юридических клиник в образовательных организациях высшего образования и научных организациях. Как следствие, не принципиальным видится тот факт, кто участвует в консультации вместе с преподавателем-куратором, а именно студент 2-го или 3-го курсов обучения. Опять же, обращаясь к Приказу Минобрнауки России от 28.11.2012 г. № 994 «Об утверждении Порядка создания образовательными учреждениями высшего профессионального образования юридических клиник и порядка их деятельности в рамках негосударственной системы оказания бесплатной юридической помощи», мы видим совершенно иные требования к лицам, участвующим в консультировании. В частности, это студенты (слушатели), проявившие личную заинтересованность в осуществлении указанной деятельности и обладающие необходимым уровнем общекультурных и профессиональных компетенций, сформированных в процессе освоения соответствующих образовательных программ, а уровень профессиональных компетенций студентов (слушателей),

необходимых для оказания бесплатной юридической помощи, определяется образовательным учреждением самостоятельно.

Кроме того, вышеназванный акт закрепляет обязанность лиц, ответственных за деятельность юридической клиники, при проведении мероприятий в рамках оказания бесплатной юридической помощи обеспечивать соблюдение норм законодательства Российской Федерации, в том числе Федерального закона от 02.05.2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» [3], норм профессиональной этики и качество оказания бесплатной юридической помощи. Представляется, что юридические клиники не относятся к категории государственных органов, органов местного самоуправления и их должностных лиц, государственных и муниципальных учреждений и иных организаций, на которые возложено осуществление публично значимых функций, и их должностных лиц, порядок рассмотрения обращений к которым регулирует вышеобозначенный закон.

Несмотря на то что юридическая клиника рассматривается как социально-правовое явление, в рамках которого реализуется социальная функция – бесплатная юридическая помощь населению, основное назначение юридических клиник лежит в сфере образования. Клиническое образование рассматривается как передовая интерактивная технология, но все-таки образовательная технология. Главная задача клиники – научить студента, сформировать у него необходимые профессиональные компетенции и прикладные знания посредством погружения в практическую сферу применения. Даже новое движение «обучение служением» представляет собой в первую очередь образовательную методику, в ходе которой студенты выполняют общественно-полезную работу, площадкой реализации которой выступают многие институты гражданского общества, решаются социально значимые задачи, воспитывается новое поколение юристов, осознающих право в социальном контексте, формируется ответственное отношения к обязанностям и осознанный выбор своей будущей профессиональной деятельности. Это образовательный модуль, который сегодня интегрирован в учебный процесс образовательных учреждений. Студент, приходя в клинику, в первую очередь реализует свой законный интерес на получение практических навыков в области интервьюирования и консультирования граждан. А бесплатная юридическая помощь является уже следствием удовлетворения обозначенного интереса и результатом учебного процесса. Этот признак обособляет юридические клиники от всех остальных участников государственной и негосударственной системы бесплатной юридической помощи. К сожалению, сегодня часто демонстрируется неготовность учитывать образовательный аспект деятельности юридических клиник со

стороны граждан, обратившихся за оказанием бесплатной юридической помощи, которые рассчитывают ее получить «здесь и сейчас».

Невозможно не затронуть вопрос о документационном сопровождении детальности юридических клиник в части заполнения гражданами предписанных законодательством документов, сопутствующих факту обращения. В первую очередь это согласие на обработку персональных данных обратившегося гражданина, а с июня 2024 г. еще и опросные листы, призванные обеспечить контроль качества оказания бесплатной юридической помощи. В данной ситуации очень важен психологический аспект работы с лицами, обращающимися за оказанием бесплатной юридической помощи. Граждане обращаются в клинику в связи с наличием у них правовой проблемы и не всегда такое обращение обусловлено доброй волей, очень часто это вынужденная мера, в силу разных причин: недостаточности материальных ресурсов, незнания «куда и с каким вопросом пойти». Наличие правовой проблемы, с которой гражданин не может самостоятельно справиться, наличие у него конфликтной ситуации в жизни часто сопряжено с эмоционально-возбужденным состоянием, в котором гражданин приходит на консультацию. Но еще до погружения в проблему клиента сотрудники клиники запрашивают у него информацию личного свойства (год рождения, адрес, телефон, социальный статус), информацию, с которой не все готовы делиться, а уж тем более подписывать «какие-то документы», в данном случае согласие на обработку персональных данных. Такая формализация отношений не способствует формированию доверительности и доброжелательности, что является крайне необходимым условием для успешной консультации. Еще хуже ситуация обстоит с опросными листами, когда бесплатная юридическая помощь как социальный феномен уравнивается с оказанной услугой, более того – воспринимаемой гражданами как навязанной, поскольку по факту ее оказания им предлагается заполнить опросный лист. И по совокупности бесплатная юридическая помощь как позитивное явление уже не воспринимается гражданином ни как бесплатная, ни как позитивная. Безусловно, она не предполагает материальных затрат, но присутствует какое-то встречное представление. Опросные листы, рекомендуемая форма которых утверждена Приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 20.05.2024 г. № 157 «Об утверждении стандарта оказания бесплатной юридической помощи субъектами, указанными в пункте 4 части 1 и части 2 статьи 15, части 2 статьи 22 Федерального закона от 21.11.2011 № 324-ФЗ “О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации”, и порядка обеспечения контроля за соблюдением его требований», излишне информативно нагружены, граждане неохотно соглашаются их заполнять и не всегда понимают различия в содержании вопросов. Более того, получение неустраивающего ответа в области решения правовой проблемы, ответа,

с которым гражданин не согласен, скорее всего повлечет и негативную оценку работы клиники. Как следствие, объективная необходимость контроля качества оказываемой юридической помощи вылилась в новую проблему с учетом предложенной формы и способа контроля.

Сфера юридических услуг сопряжена с острой конкуренцией, недобросовестными участниками рынка, навязанной рекламой. В этих условиях гражданам подчас тяжело разобраться, в каких случаях и к кому можно обратиться за бесплатной юридической помощью. Современные юридические фирмы в борьбе за клиента используют различные технологии, в том числе предлагают и бесплатные первичные консультации, имея ввиду не сферу действия закона о БЮП. Как следствие, с тем чтобы не вводить граждан в заблуждение, представляется необходимым на законодательном уровне запретить использование словосочетания «бесплатная юридическая помощь» для юридических фирм в рекламных целях своей деятельности [5, с. 110–111].

Еще одним актуальным аспектом деятельности по оказанию бесплатной юридической помощи является поддержка лиц, участвующих в специальной военной операции (далее – СВО). И в данной ситуации представляется, что юридические клиники не должны быть задействованы в решении проблем мобилизованных, ветеранов, погибших и членов их семей и иных участников СВО. С учетом актуальности и востребованности обозначенного вопроса сегодня во всех субъектах РФ созданы региональные отделения государственного фонда «Защитники Отечества», работает Союз ветеранов СВО, функционируют горячие линии, необходимая юридическая помощь оказывается адвокатами, государственными юридическими бюро и органами власти всех уровней в пределах их компетенции. Представляется, что обозначенные лица вправе рассчитывать, что возникшие у них сегодня проблемы будут первостепенной задачей, решение которой требует оперативности и задействования административного ресурса, что не может быть обеспечено юридическими клиниками вузов.

Обращаясь к вопросу взаимодействия всех участников системы БЮП и координации их деятельности, необходимо отметить их органическую взаимосвязь. Юридические клиники, созданные на базе юридических вузов страны, всегда были близки к органам власти, в том числе правоохранительным органам, в силу своей профессиональной направленности. Как следствие, взаимодействие с властными или окол властными структурами для юридических клиник воспринимается как объективная реальность. Очень часто юридические клиники ведут приемы граждан в общественных приемных органов власти и должностных лиц, под эгидой Общественных палат и Уполномоченных по правам человека в регионах. Организуемые ООО «Ассоциация юристов России» и ее региональными отделениями дни бесплатной

юридической помощи объединяют на базе единой площадки прокуроров, адвокатов, нотариусов, судебных приставов и юридические клиники. Тем самым юридические клиники позиционируются как самостоятельные и самобытные участники негосударственной системы БЮП и прочно занимают свое место в этой системе.

Таким образом, юридические клиники, являющиеся, с одной стороны, образовательной методикой, а с другой – социально значимым участником негосударственной системы БЮП, доказали временем свою востребованность, полезность и эффективность. Вместе с тем их деятельность не лишена проблем, как в области нормативно-правового регулирования, выражающегося в необходимости приведения в соответствие с законами подзаконных актов, так и организационного порядка в части взаимодействия с другими участниками, оказывающими и контролирующими сферу юридической помощи. Надлежащее взаимодействие и координация деятельности всех заинтересованных участников данного процесса будет способствовать не только росту качества оказываемой юридической помощи гражданам, но и более широкой возможности реализации гражданами своего права на оказание бесплатной юридической помощи.

Список литературы

1. Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 53 (часть I). Ст. 7598.
2. Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6725.
3. Федеральный закон от 02.05.2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // СЗ РФ. 2006. № 19. Ст. 2060.
4. Приказ Минобрнауки России от 28.11.2012 г. № 994 «Об утверждении Порядка создания образовательными учреждениями высшего профессионального образования юридических клиник и порядка их деятельности в рамках негосударственной системы оказания бесплатной юридической помощи» // РГ. 2012. № 298.
5. Алешукина С.А. Юридическая клиника: проблемы и вызовы XXI века // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2023. № 4 (76). С. 104–112.
6. Мартынов А.В. Правовые основы деятельности юридических клиник в современной России: исторические этапы, современное состояние и проблемные вопросы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 1. С. 155–169.
7. Осипов М.Ю. К вопросу о создании научных юридических клиник в России // Журнал российского права. 2016. № 10. С. 144–150.

Об авторе:

АЛЕШУКИНА Светлана Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной власти и правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО «Тверского государственного университета» (170100, г. Тверь,

ул. Желябова, 33), ORCID: 0000-0002-8518-7294, SPIN-код: 1998-4330, e-mail: Aleshukina.SA@tversu.ru

The changes in the legislation on free legal aid in the context of the activities of legal clinics

S.A. Aleshukina

Tver State University, Tver

The article is devoted to the issues of organization and activities of legal clinics as independent participants of the non-governmental system of free legal aid. The article highlights the problems arising in connection with the imperfection of by-laws regulating the activities of clinics, as well as with the documentation of the process of consulting citizens. Of particular interest is the analysis of the latest changes in the legislation on free legal aid and their impact on the activities of legal clinics. The research methods are formal logic, synthesis (generalization), complexity and systems approach.

Keywords: *legal clinic, service learning, free legal aid.*

About author:

ALESHUKINA Svetlana – PhD in Law, assistant professor of the department of judiciary and law enforcement of the Tver State University (170100, Tver, ul. Zhelyabova, 33), ORCID: 0000-0002-8518-7294, SPIN-code: 1998-4330, e-mail: Aleshukina.SA@tversu.ru

Алешукина С.А. Изменения законодательства о бесплатной юридической помощи в контексте деятельности юридических клиник // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 2 (82). С. 151–159.

Статья поступила в редакцию 25.05.2025 г.

Подписана в печать 16.06.2025 г.

К вопросу о социальной защите материнства в Российской Федерации

А.В. Афтахова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Статья посвящена анализу проблематики социальной защиты материнства в Российской Федерации. Автор изучает отдельные виды социальной поддержки, предусмотренные действующим законодательством для различных категорий семей с детьми (молодые семьи, многодетные семьи), анализируя проблематику их применения, а также перспективы развития. Отмечаются позитивные тенденции, связанные с изменением законодательства, регулирующего социальную поддержку студенческих семей. Отдельное внимание автор уделяет изучению вопроса о пенсионном обеспечении многодетных матерей. Предлагается скорректировать действующий подход к формулировке условий для назначения страховой пенсии по старости многодетной матери.

Ключевые слова: *мать, материнство, молодая семья, студенческая семья, социальная защита.*

Институт семьи за последние годы претерпевает сложности, которые обусловлены влиянием многочисленных факторов. Современные источники массовой информации и информация, которую получают молодые люди в сети Интернет, а также иные факторы способствуют формированию у современной молодежи желания «пожить для себя», а материнство многие современные девушки рассматривают как обстоятельство, которое препятствует саморазвитию и достижению высоких результатов в профессиональной сфере.

Безусловно, падение престижа института семьи рассматривается в настоящее время не только как демографическая проблема, но и как обстоятельство, угрожающее национальной безопасности страны. Поэтому государство предпринимает беспрецедентные меры, направленные на повышение рождаемости, укрепление института семьи, повышение престижа многодетных семей и формирование у современной молодежи традиционных семейных ценностей.

Существенное влияние на изменение социально-демографической ситуации в стране оказывает социальная защита семей с детьми. Сложно спорить с тем утверждением, что центральное место в семейных отношениях занимает мать, от решения которой, в конечном итоге, зависит наличие и количество детей в семье, их благополучие, психологическое, физическое и социальное здоровье и развитие. Поэтому основное внимание при разработке мер социальной защиты семей с детьми совершенно справедливо уделяется поддержке в первую очередь материнства. Так, в ч. 1 ст. 38 Конституции РФ указано, что

«Материнство и детство, семья находятся под защитой государства» [1]. Таким образом, законодатель отмечает особое положение матери, располагая «материнство» на первом месте в перечне объектов (а в равной степени субъектов), находящихся под защитой государства.

В целях обеспечения комплексной защиты материнства разработан целый ряд трудовых и социальных гарантий для женщин, имеющих детей. Принимая решение о рождении ребенка, мать должна быть уверена, что будет иметь возможность его воспитывать в достойных условиях, сможет обеспечить комфортное проживание, будет иметь доступ к социальным и медицинским услугам, обеспечит ребенку образование и т. д. даже в случае, если семья будет неполной, в случае сложной жизненной ситуации или при потере кормильца.

Говоря о существующих мерах социальной поддержки материнства, традиционно основное внимание уделяется таким мерам, как материнский (семейный) капитал, пособие по беременности и родам, пособие по уходу за ребенком до достижения им возраста 1,5 лет, «единое пособие», связанное с рождением и воспитанием ребенка. Данные меры действительно выступают в настоящее время основой социальной защиты материнства, обеспечивают женщине доход в период, когда она не может работать по состоянию здоровья или в период, когда она занята уходом за ребенком.

Большинство социальных выплат в той или иной степени зависят от официального трудоустройства и дохода гражданина-получателя. Вместе с тем не до конца решенной остается проблема социальной поддержки молодых матерей, которые не имеют высокого дохода в связи с тем, что до рождения ребенка не успели построить карьеру и, соответственно, работать, получая высокую заработную плату. В частности, речь идет о студенческих семьях, где один или оба родителя являются студентами очной формы обучения и не имеют возможности трудиться, поскольку заняты получением образования. Отсутствие специально разработанной для таких семей системы социальной защиты может влиять на принятие решения о рождении ребенка в молодом возрасте. При этом исследователи обращают внимание на то, что рождение первого ребенка в возрасте до 20–23 лет может способствовать принятию семьей решения о рождении последующих детей (в связи с молодым возрастом матери), поэтому политика государства направлена на стимулирование раннего материнства и создание «молодых семей».

В настоящее время одним из способов социального обеспечения молодых родителей, не имеющих достаточного заработка, выступает ежемесячное пособие в связи с рождением и воспитанием ребенка («единое пособие»). Данное пособие выплачивается беременной женщине (при условии, что она встала на учет в медицинской организации в ранние сроки беременности), а также одному из родителей (усыновителей, опекунов или попечителей) ребенка в возрасте до 17 лет,

являющегося гражданином Российской Федерации и постоянно проживающего на территории Российской Федерации, в случае, если размер среднедушевого дохода семьи не превышает величину прожиточного минимума на душу населения, установленного в субъекте Российской Федерации по месту жительства (месту пребывания) или фактического проживания заявителя в соответствии с ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» на дату обращения за назначением ежемесячного пособия [6, 5].

Важным условием получения данного пособия является так называемое правило «ненулевого» дохода, которое предполагает, что отсутствие заработка или низкий доход семьи должен быть обусловлен уважительными причинами, перечень которых закреплен в законодательстве. В частности, в соответствии с абз. 3 п. «л» ч. 31 Постановления Правительства РФ от 16.12.2022 г. № 2330 «О порядке назначения и выплаты ежемесячного пособия в связи с рождением и воспитанием ребенка» в случае, если заявитель и (или) члены его семьи младше 23 лет обучались в общеобразовательной организации, профессиональной образовательной организации или образовательной организации высшего образования по очной форме обучения (за исключением обучения только по дополнительным образовательным программам), такая ситуация относится к исключительным случаям, позволяющим данным гражданам не иметь доход, но при этом относиться к категории нуждающихся в предоставлении рассматриваемого пособия [7].

Более того, в редакции пп. «л» Правил назначения и выплаты ежемесячного пособия в связи с рождением и воспитанием ребенка в части, не определенной Федеральным законом «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей», действовавшей до 01.01.2025 г., было обозначено в качестве обязательного условия, позволяющего претендовать на данное пособие, в дополнение к факту обучения по очной форме, отсутствие стипендиальных выплат. В действующей редакции рассматриваемого пункта упоминание о получении стипендии исключено, что предоставляет право на получение ежемесячного пособия в связи с рождением и воспитанием ребенка более широкому кругу лиц [7]. Данное исключение предполагается разумным, поскольку размер стипендиальных выплат, как правило, не является существенным и не может рассматриваться как источник дохода в современных условиях. Исключение составляют выплаты одаренным студентам, имеющим достижения в научной, творческой, спортивной и других сферах внеучебной деятельности.

Законодательство о социальной защите студенческих семей, имеющих детей, продолжает развиваться. О необходимости социальной поддержки студентов, ставших родителями, говорят достаточно давно, и сейчас государство предпринимает определенные меры в этом

направлении. В частности, рассматривается инициатива об изменении размера пособия по беременности и родам, выплачиваемого студенткам. В настоящее время размер данного пособия рассчитывается исходя из размера стипендии, что не является суммой, которая может обеспечить удовлетворение даже самых минимальных потребностей. Согласно предлагаемым изменениям, размер пособия по беременности и родам для студенток будет исчисляться исходя из размера МРОТ, что существенно улучшит материальное положение молодых мам из числа студенток [11].

Законодательство регионов, регламентирующее вопросы социальной защиты молодых семей и студенческих семей, также направлено на улучшение материального положения студенческих семей. К примеру, в Тверской области на основании Постановления Правительства Тверской области от 26.02.2025 г. № 103-пп с 01.01.2025 г. при постановке на учет по беременности женщине, обучающейся по очной форме обучения, предусмотрена единовременная выплата в размере 100 000 руб. (для студенток, обучающихся по очной форме обучения, вне зависимости от платной или бюджетной основы обучения, при сроке беременности более 15 недель). В качестве обязательного условия введен критерий «оседлости» – женщина должна проживать суммарно не менее 15 лет на территории Тверской области и (или) на территории иных субъектов Российской Федерации. Данная выплата действует с 2025 г. [8].

Таким образом, государство уделяет большое внимание решению проблем современных матерей и семей с детьми. Большое количество мер социальной поддержки направлено на улучшение материального положения, а также улучшение уровня и качества жизни родителей и детей. Остаются актуальными отдельные направления, связанные с социальной поддержкой матерей как субъектов, нуждающихся в особой защите, находящихся в уязвимом положении. Уверены, что положительная тенденция продолжится. Важно, чтобы понятия «семья с детьми», «многодетная семья», а также «мать-одиночка» не ассоциировались в обществе с понятиями «бедность», «низкий достаток», «трудная жизненная ситуация», и большинство мер социальной поддержки направлены на преодоление данной тенденции.

В то же время следует отметить, что государственная политика в отношении поддержки рождаемости приносит свои результаты – в обществе формируется положительное отношение к многодетности и многодетным семьям. За последние 10 лет почти в два раза увеличилось количество многодетных семей, а более трети опрошенных респондентов хотели бы иметь троих детей, т.е. относятся к многодетности положительно. Однако, по тем же данным ВЦИОМ, от каждой семьи страна «недополучила» как минимум одного ребенка, т.е. реальное количество детей в семье и желаемое расходятся [10]. На принятие решения о рождении ребенка влияет большое количество обстоятельств,

и если вопросы социальной поддержки родителей в настоящее время в большинстве своем решены или находятся на стадии разработки, то вопросы реализации матерью своих трудовых прав в некоторых ситуациях требуют существенной доработки. Одним из обстоятельств, которое может препятствовать матери принять решение о рождении ребенка, выступает как раз невозможность или трудность в совмещении трудовой функции и участия в воспитании детей.

Многие проблемы, связанные с защитой прав и законных интересов матерей, находятся «на стыке» нескольких отраслей права, в частности трудового права и права социального обеспечения. В качестве одной из таких проблем следует выделить защиту прав матерей, которые выполняют особую трудовую функцию, например, находятся на военной службе или другой приравненной к ней службе с точки зрения пенсионного обеспечения. Так, О.В. Автухова отмечает, что «не урегулированными остаются отношения между федеральным органом исполнительной власти в сфере внутренних дел и сотрудниками женского пола, выполняющими должностные обязанности сверх установленной нормальной продолжительности служебного времени, в ночное время, в выходные и нерабочие праздничные дни, воспитывающих детей до четырнадцатилетнего возраста, у которых супруг также является сотрудником и выполняет обязанности сверх установленной нормальной продолжительности служебного времени, наряду с работой в ночное время, в выходные и нерабочие праздничные дни» [9].

Действительно, привлечение к выполнению служебных обязанностей в ночное время, в выходные и праздничные дни препятствует осуществлению матерью своей основной функции – воспитанию ребенка. Ситуация усложняется в случае, если оба родителя привлекаются к исполнению служебных обязанностей и не имеют возможности заниматься воспитанием несовершеннолетних детей. В качестве решения проблемы автор полагает целесообразным установить запрет на привлечение работника женского пола, имеющего ребенка в возрасте до 14 лет, к исполнению служебных обязанностей в ночное время, в выходные и праздничные дни.

Еще одной проблемой, на которую необходимо обратить внимание, является обязательное условие о необходимости осуществления трудовой деятельности всем гражданам для получения страховой пенсии по старости. Соответственно, даже многодетная мать должна иметь необходимое количество страхового стажа, для того чтобы приобрести право на получение пенсионного обеспечения по возрасту.

Сложно спорить с тем, что воспитание детей, особенно малолетних, и уход за ними весьма затруднительно совместить с осуществлением трудовой деятельности, тем более, если это работа, требующая высокой концентрации, самоотдачи или участия в рабочих процессах в

ненормированном формате. Однако законодательство о пенсионном обеспечении обязывает мать иметь страховой стаж для назначения страховой пенсии по старости. Так, согласно п. 1.2 ч. 1 ст. 32 Федерального закона от 28.12.2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» (далее – ФЗ «О страховых пенсиях») женщинам, родившим трех детей и воспитавшим их до достижения ими возраста 8 лет, достигшим возраста 57 лет, если они имеют страховой стаж не менее 15 лет, страховая пенсия по старости назначается ранее общеустановленного пенсионного возраста. Еще одним условием для назначения страховой пенсии многодетной матери досрочно выступает наличие индивидуального пенсионного коэффициента (далее – ИПК) не менее 30 [3]. Следовательно, женщина должна иметь периоды работы, причем достаточно продолжительные, за которые она приобретет не только страховой стаж, но и необходимое количество индивидуальных пенсионных коэффициентов, величина которых напрямую зависит от размера заработной платы (или иного дохода), исходя из которого исчислялись и уплачивались страховые взносы в Фонд пенсионного и социального страхования РФ. В зависимости от количества детей может быть изменен только возраст выхода на страховую пенсию (для женщин, родивших 5 и более детей, – 50 лет, для женщин, родивших 4 детей, – 56 лет).

Иными словами, для назначения страховой пенсии по старости многодетной матери необходимо соблюдение условий, которые предусмотрены для назначения страховой пенсии по старости на общих основаниях (продолжительность страхового стажа не менее 15 лет и наличие индивидуального пенсионного коэффициента не менее 30). В случае с женщинами, имеющими детей, при назначении страховой пенсии по старости изменен может быть только возраст выхода на пенсию.

Страховой стаж, согласно действующему законодательству, складывается не только из собственно периодов работы или иной общественно полезной деятельности, за которые начислялись или уплачивались страховые взносы. В целях учета отдельных социально значимых обстоятельств ст. 12 ФЗ «О страховых пенсиях» предусмотрены так называемые «иные периоды», которые включаются в страховой стаж в силу прямого указания закона. Так, к «иным» периодам, включаемым в страховой стаж, относится, в числе прочих, период ухода за ребенком (п. 3 ч. 1 ст. 12 ФЗ «О страховых пенсиях»), однако данный период может быть включен в страховой стаж в продолжительности не более шести лет в общей сложности. За данные периоды в соответствии с ч. 12 ст. 15 ФЗ «О страховых пенсиях» также начисляется ИПК в следующих размерах (за один календарный год):

1) 1,8 – в отношении периода ухода одного из родителей за первым ребенком до достижения им возраста полутора лет;

2) 3,6 – в отношении периода ухода одного из родителей за вторым ребенком до достижения им возраста полутора лет;

3) 5,4 – в отношении периода ухода одного из родителей за третьим или четвертым ребенком до достижения каждым из них возраста полутора лет.

При этом период ухода за ребенком будет включен в страховой стаж только при условии, что ему предшествовали и (или) за ним следовали периоды работы и (или) иной деятельности (независимо от их продолжительности). К таковым ст. 11 рассматриваемого Федерального закона относит периоды, за которые начислялись или уплачивались страховые взносы в Фонд пенсионного и социального страхования РФ (например, период выполнения работ или оказания услуг по договору гражданско-правового характера). Таким образом, законодатель четко закрепил, что мать, в том числе многодетная мать, в течение жизни должна работать, для того чтобы приобрести право на назначение страховой пенсии по старости.

В случае, если по достижении пенсионного возраста у женщины будут отсутствовать необходимые ИПК или стаж, их можно «докупить» в СФР. Данный вариант решения проблемы выхода на пенсию по старости целесообразно использовать в случае, если женщине не хватает небольшого количества стажа или баллов. При этом действует правило, согласно которому дополнительно приобрести возможно не более половины стажа, требуемого для назначения страховой пенсии по старости (т. е. не более 7,5 лет). При этом стоимость одного коэффициента, а также одного года страхового стажа для приобретения права на страховую пенсию по старости составляет достаточно существенную сумму (по состоянию на 2025 г. эта сумма составляет порядка 60 000 рублей), такими денежными средствами не всегда может обладать многодетная мать. При полном отсутствии страхового стажа (например, если женщина никогда не работала и занималась уходом за детьми) она может претендовать только на социальную пенсию в соответствии с Федеральным законом от 15.12.2001 г. № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» [4]. Размер данной пенсии по состоянию на 2025 г. (с учетом индексации) – 8 824,08 руб.

Полагаем целесообразным учесть сложности, связанные с трудоустройством многодетной матери, при формулировке условий для назначения таким женщинам страховой пенсии по старости, изменив не только требования к возрасту выхода на пенсию, но также и требования к минимальному страховому стажу и индивидуальным пенсионным коэффициентам в зависимости от количества детей.

Подводя итог проведенному исследованию, можно сделать вывод о том, что система социальной защиты материнства и, в частности молодых, а также студенческих семей, претерпевает серьезные

изменения. Решение современных демографических проблем предполагает существенную модернизацию отдельных сфер жизни общества, однако основной остается сфера социальная, предназначением которой является обеспечение достойного уровня жизни граждан страны.

Реформирование системы социальной защиты материнства, а также социальной защиты студенческих семей, несомненно, внесет существенный вклад в улучшение социально-демографической ситуации в стране. Однако, полагаем, что в основу данной системы необходимо «заложить» понятийный аппарат, закрепив понятие «студенческая семья», четко сформулировав ее признаки и основные характеристики. Отдельно следует остановиться на пенсионном обеспечении матерей, в том числе многодетных, т. к. существующая в настоящий момент система обеспечения женщин, имеющих детей, пенсионным обеспечением по старости существенным образом зависит от трудовой занятости гражданина и не в полной мере учитывает социальный статус и сложности с трудоустройством многодетной матери.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 07.04.2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон от 28.12.2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» (ред. от 28.02.2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон от 15.12.2001 г. № 166-ФЗ (ред. от 28.02.2025 г.) «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Федеральный закон от 24.10.1997 г. № 134-ФЗ (ред. от 29.12.2020 г., с изм. от 29.10.2024 г.) «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Федеральный закон от 19.05.1995 г. № 81-ФЗ (ред. от 29.10.2024 г.) «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
7. Постановление Правительства РФ от 16.12.2022 г. № 2330 (ред. от 28.12.2024 г.) «О порядке назначения и выплаты ежемесячного пособия в связи с рождением и воспитанием ребенка» (вместе с «Правилами назначения и выплаты ежемесячного пособия в связи с рождением и воспитанием ребенка в части, не определенной Федеральным законом "О государственных пособиях гражданам, имеющим детей"», «Перечнем документов (копий документов, сведений), необходимых для назначения ежемесячного пособия в связи с рождением и воспитанием ребенка») // СПС «КонсультантПлюс».
8. Постановление Правительства Тверской области от 26.02.2025 г. № 103-пп «О Порядке предоставления единовременной выплаты при постановке на учет по беременности женщине, обучающейся по очной форме обучения» // СПС «КонсультантПлюс».

9. Автухова О.В. Проблемы социальной защиты материнства и детства в органах внутренних дел РФ // Научно-образовательный журнал для студентов и преподавателей «StudNet». 2022. № 4. С. 2661–2666.

10. За 10 лет в России почти в два раза увеличилось число многодетных семей // Режим доступа: <https://www.rbc.ru/life/news/67bee33c9a79475b0a75c34a> (дата обращения: 11.05.2025).

11. Сенаторы подготовят законопроект по поддержке студенческих семей // Известия [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/1852286/2025-03-11/senatory-podgotoviat-zakonoproekt-po-podderzhke-studencheskikh-semei> (дата обращения: 18.03.2025).

Об авторе:

АФТАХОВА Александра Васильевна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры экологического права и правового обеспечения профессиональной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 5140-5804, AuthorID: 876042, e-mail: Aftakhova.AV@tversu.ru

On the question of social protection of maternity in the Russian Federation

A.V. Aftakhova

Tver State University, Tver

The article is devoted to the analysis of the problems of social protection of motherhood in the Russian Federation. The author studies individual types of social support provided by the current legislation for various categories of families with children (young families, large families), analyzing the problems of their application, as well as development prospects. Positive trends associated with changes in legislation regulating social support for student families are noted. The author pays special attention to the study of the issue of pension provision for mothers with many children. It is proposed to adjust the current approach to the formulation of conditions for the appointment of an old-age insurance pension for a mother with many children.

Keywords: *mother, motherhood, young family, student family, social protection.*

About author:

AFTAKHOVA Alexandra – PhD in Philosophy, associate professor of subdepartment of environmental law and legal support of professional activity of the Law Department of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova street, 33), SPIN-code: 5140-5804, AuthorID: 876042, e-mail: Aftakhova.AV@tversu.ru

Афтахова А.В. К вопросу о социальной защите материнства в Российской Федерации // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 2 (82). С. 160–168.

Статья поступила в редакцию 25.05.2025 г.

Подписана в печать 16.06.2025 г.

О современных тенденциях в сфере охраны личных неимущественных прав: частно-правовые и публично- правовые аспекты. Часть первая¹

О.Г. Барткова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Объектом исследования выступают личные неимущественные отношения, а также отношения по охране нематериальных благ. Целью работы является обоснование необходимости использования в условиях цифровизации системного и комплексного подходов в обновлении законодательства России в сфере регулирования и защиты личных неимущественных прав участников гражданского оборота, прежде всего физических лиц, на основе конституционных критериев оценки законодательного регулирования. Поставлены следующие задачи: дать характеристику современного состояния норм в составе Гражданского кодекса РФ, являющихся базовыми в механизме правового регулирования личных неимущественных отношений; выявить некоторые наиболее важные «болевые» точки в состоянии законодательства РФ в тех сегментах, которые наиболее близки к сфере охраны нематериальных благ и могут быть причинами нарушения таких прав; обосновать формирование концептуального и системного подходов в совершенствовании институтов регулирования и охраны личных неимущественных прав (нематериальных благ) с учетом баланса конституционно защищаемых ценностей, публичных и частных интересов, соблюдения принципов справедливости, равенства и соразмерности. Отмечено отсутствие в современной цивилистической науке единой целостной концепции для обновления и систематизации норм о личных неимущественных правах (нематериальных благах); выявлены некоторые несоответствия в нормах публичного и частного права, относящиеся к использованию терминов «цифровизация» и «цифровой», многообразие смежных с ними терминов, которые создают условия для возможных нарушений личных неимущественных прав граждан. Практическая значимость исследования состоит в возможности использования авторских выводов в процессе дальнейшей исследовательской работы по выявлению пробелов в рассматриваемой области отношений и формулированию конкретных предложений о совершенствовании законодательства РФ, а также в ходе преподавания учебных дисциплин, которые относятся к изучению гражданского права России.

Ключевые слова: *личные неимущественные отношения, нематериальные блага, персональная информация, биометрические*

¹ Данная работа выполнена при информационной поддержке Компании СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.05.2025).

данные, цифровизация, цифровая платформа, искусственный интеллект, частная жизнь, гражданско-правовой механизм охраны, юридическая техника.

В первой части представляемого исследования автор предполагает указать на некоторые важные факторы, характеризующие современное состояние российского права, которые оказывают влияние на развитие гражданского права, включая нормы в составе гражданского законодательства РФ, призванные обеспечить охрану личных неимущественных прав. При этом автор подразумевает под носителями таких прав прежде всего физических лиц. Предмет отрасли гражданского права в концентрированном виде закреплен в ст. 2 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) через перечисление основных типов, видов общественных отношений, на которые направлено регулирование и охрана посредством применения норм указанной отрасли [1]. Нет необходимости в рамках представленного исследования подробно излагать доктринальные положения о классификации правоотношений, в основе которых лежит прежде всего такой критерий, как вид объекта гражданских прав.

Применительно к отрасли гражданского права одной из тенденций его развития является расширение круга объектов гражданских прав, а в контексте темы – также личных неимущественных прав. Основным показателем, характеризующим эту тенденцию, является не столько количественный показатель, сколько содержательный. Если в рамках обозначенной тенденции проводить сравнение объектов личных неимущественных прав с категорией объектов, которые относятся к различным видам имущества, то за последние 15 лет изменения, связанные с материальными объектами, нашли свое отражение в составе норм ГК РФ, что, на наш взгляд, является результатом систематической и целенаправленной работы законодателя в союзе с юристами-теоретиками и практиками. Об этом свидетельствуют итоги реализации Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации, подготовленной на основе Указа Президента Российской Федерации от 18.07.2008 г. № 1108 «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации» [7, 16]. Логичным продолжением ее явились и те изменения, внесенные в первую часть ГК РФ, благодаря которым были закреплены новые виды имущества (цифровые права и цифровые рубли), конкретизирован правовой режим отдельных имущественных благ, например таких, как машино-место, помещение, здание, сооружение, некоторых видов сложных имущественных комплексов и т. п.

Что касается объектов нематериального характера, то в этой сфере процесс развития правового регулирования соответствующих, прежде всего частно-правовых, отношений и их защиты не отличается

системностью, логичностью и другими качествами положительной оценки законотворчества. Достаточно сказать, что на данный момент нет какой-либо отдельной целостной концепции правовой охраны и регулирования гражданско-правовых отношений, где объектами выступают те, которые обладают общим свойством – нематериальностью (отсутствием вещественной формы).

Отдельная особо значимая среди них группа объединяет блага, именуемые в действующем законодательстве как нематериальные (ст. 150 ГК РФ). Если признать, что касательно охраняемых законом результатов интеллектуальной деятельности, которые также относятся к нематериальным объектам (ст. 1225 ГК РФ), институты соответствующей подотрасли гражданского права сложились, то о защите нематериальных благ, принадлежащих гражданину в силу рождения или на основании закона, такого не скажешь. Законодатель, как можно полагать, использует по отношению к ним, условно говоря, остаточный принцип. Достаточно обратиться к содержанию гл. 8 ГК РФ «Нематериальные блага и их защита», сравнив ее с Разделом II или Разделом III ГК РФ, а также с Разделом VII «Права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации»: становится очевидно такое отношение законодателя к этой сфере, которое явно нельзя назвать пристальным [2, 3]. Справедливости ради надо заметить, что и институты подотрасли, составляющие содержание Раздела VII, на современном этапе также объективно нуждаются в изменениях, что связано не только с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет, но и с появлением других явлений и объектов, требующих правового закрепления и конкретизации их правового режима.

Общей тенденцией, которая оказывает влияние на состояние современного права в целом и на рассматриваемые нами сферы регулирования в частности, безусловно, является цифровизация. Ее связывают с созданием и внедрением новых информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ), причем уточним, **современных цифровых (электронных) технологий** (выделено автором – О.Г.). Такой вывод мы делаем из содержания Разъяснений (методических рекомендаций) по разработке региональных проектов в рамках федеральных проектов национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденных Приказом Минкомсвязи России от 01.08.2018 г. № 428 (далее – Программа «Цифровая экономика», или Национальная программа) [17]. В этом же акте дано определение цифрового сервиса, цифрового оборудования, цифрового продукта (это отдельная программа для ЭВМ (приложение) для выполнения некоего конечного процесса).

Таким образом, ни в самом тексте Национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. 04.06.2019 г.

президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам), ни в одном из федеральных законов мы не найдем дефиниций этих понятий, а также и большинства производных от них: цифровое пространство, цифровая среда, цифровые платформы, цифровые объекты, цифровая форма (объекта, например, РИД), цифровой контент, цифровой образ (в том числе субъекта) и т. п. Этими терминами изобилуют разнообразные источники, включая юридическую литературу, нормативно-правовые акты (чаще подзаконного характера) и даже ненормативные акты. При этом создается впечатление, что их авторы участвуют в каком-то негласном соревновании – включить в текст производные от этих слов наименования, порой не объясняя их значения либо приводя несколько описаний.

Все это создает правовую неопределенность. В ГК РФ мы не обнаружим не только определений этих понятий, но и простого упоминания этих терминов. И даже прилагательное «цифровой» используется в части первой, части второй, части третьей ГК РФ только в словосочетаниях: цифровые права, цифровой рубль, которыми обозначаются новые виды имущества, введенные в оборот. В части четвертой ГК РФ имеется четыре упоминания названного прилагательного в контексте того, как может быть обозначена информация для идентификации объекта смежных прав (ст. 1031, 1035 ГК РФ) и как один из способов изложения информации об авторском праве (ст. 1030 ГК РФ) [3]. Но ни в одном федеральном законе нет определений понятий, для которых используются эти термины, как и самих терминов. При этом словосочетание «цифровое пространство» присутствует, например, в Перечне поручений Президента РФ по итогам совещания с членами Правительства от 01.04.2025 г. [18], в Концепции государственной системы противодействия противоправным деяниям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий (утв. Распоряжением Правительства РФ от 30.12.2024 г. № 4154-рв) [14], в Письме Минобрнауки России от 07.10.2021 г. № МН-19/697 «О направлении методических рекомендаций по разработке стратегии цифровой трансформации образовательных организаций высшего образования, подведомственных Минобрнауки России», в Распоряжении ОАО «РЖД» от 18.07.2023 г. № 1792/р «О Кодексе деловой этики открытого акционерного общества “Российские железные дороги”» и в др. И это только единичные примеры.

Похожая ситуация с понятием «цифровая платформа» (или виртуальная платформа и другие подобные термины). Да, создание некоторых из них прямо предусмотрено в определенном федеральном законе в качестве особых информационных систем, имеющих специальные цели использования. Другие подобного рода платформы создаются на основе подзаконных нормативно-правовых актов. Например, «Единая централизованная цифровая платформа в

социальной сфере» предусмотрена в гл. 2.2 Федерального закона от 17.07.1999 г. № 178-ФЗ [12]; государственная единая облачная платформа, одноименное Положение о которой утверждено Постановлением Правительства РФ 10.07.2024 г. № 929, создана в соответствии с Национальной программой «Цифровая экономика РФ» [13]; общественная сетевая платформа управления правами на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, обеспечивающая развитие сервисов управления такими правами в цифровой среде (СЕТЬ.РЦИС.РФ), оператором которой выступает специально созданное на основе Указа Президента РФ от 28.06.2021 г. № 378 юридическое лицо «Общероссийская общественно-государственная организация “Российский центр оборота прав на результаты творческой деятельности”»[5]. Учредителем его от имени Российской Федерации является Министерство цифрового развития РФ, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации.

Перечисление подобных цифровых платформ можно было бы продолжать и дальше. Закончу упоминанием еще одной – это единая биометрическая система (государственная информационная система «Единая система идентификации и аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных»). Определение такой системы закреплено в ст. 2 Федерального закона от 29.12.2022 г. № 572-ФЗ «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» [9]. С учетом иных положений этого закона можно предполагать, что это также один из видов цифровых платформ. Хотя, строго говоря, это только предположение, если иметь в виду, что и в научной литературе можно встретить несколько аспектов использования рассматриваемого термина «цифровая платформа». Исследователи в этой сфере, признавая востребованность такого явления в коммуникационном и хозяйственном обороте, ставят порой очень высокие цели – создание национального платформенного законодательства и даже «платформенного права» [19].

Между тем, в Федеральном проекте «Нормативное регулирование цифровой среды», который является частью Программы «Цифровая экономика», в качестве одного из направлений было предусмотрено создание **системы** (выделено автором – О.Г.) правового регулирования цифровой экономики, которая основана на гибком подходе. Это же направление предполагало «внедрение гражданского оборота на базе цифровых технологий». В качестве итогов реализации этого проекта 30.12.2014 г. зафиксировано, что одобрена и обеспечена реализация концепций комплексного правового регулирования отношений,

возникающих в связи с развитием цифровой экономики. О какой концепции идет речь неясно. Если это «Концепция развития электронного документооборота в хозяйственной деятельности» (утв. решением президиума Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 25.12.2020 г. № 34) [15], то совершенно точно она не может привести к комплексному правовому регулированию в связи с развитием цифровой экономики. В Разделе 6 Национальной программы, которая содержит дополнительную информацию, вновь предусмотрена «работа над концептуальными актами» для совершенствования законодательства в сфере цифровой экономики (без какой-либо конкретизации). Наконец, в указанных программных документах отсутствуют задачи, которые были бы направлены на создание специальных механизмов охраны прав и свобод граждан, принадлежащих им нематериальных благ в условиях формирования цифровой экономики. Видимо авторы этих программных документов исходят из того, что достаточно тех механизмов, которые уже существуют. Справедливости ради надо сказать, что 30.05.2025 г. вступают в силу изменения, внесенные в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях Федеральным законом от 30.11.2024 г. № 420-ФЗ, которые призваны ужесточить ответственность за нарушение законодательства в сфере обработки персональных данных [8]. Это, безусловно, является инструментом, предупреждающим такого рода нарушения при осуществлении деятельности операторов цифровых платформ.

Итак, какова была цель столь продолжительного «путешествия» по просторам информационного блока нормативно-правовых актов? Во-первых, совершенно очевидно, что большинство цифровых платформ используются для сбора персональных данных физических лиц, что дает основание заявлять о наличии связи этих инструментов с целым комплексом личных неимущественных прав граждан, включая право на частную жизнь и ее неприкосновенность. Во-вторых, такие платформы используются не только для оказания государственных и муниципальных услуг, но и для совершения действий, подпадающих под понятие «сделка». В-третьих, можно утверждать, что большинство таких информационных цифровых систем, платформ и т. п., безусловно, имеют общие признаки, структурные элементы, функции, принципы действия. Это позволяет, по мнению автора, сформулировать единое для них понятие или соотношение этих понятий (обобщить или разграничить), а также установить общие принципы их использования. С этой целью, как полагаем, не требуется принятие специального закона. Возможно внесение изменений в Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [10], где в ст. 2 необходимо предусмотреть понятие

«цифровая информационная платформа, виды платформ», а также закрепить, систематизировав, термины для обозначения смежных понятий, которые уже используются в нормативных актах. Как следствие, не придется каждый раз, встречая в тексте нормативно-правового акта термин «цифровая платформа», устанавливать его смысл. Если цифровая платформа – это элемент информационной системы или ее вид, то соответствующие изменения необходимо внести также в ст. 13 и ст. 14 названного федерального закона, в которых уже предусмотрен режим информационных систем. Кроме того, при совершении действий, осуществлении деятельности с использованием цифровых платформ, предназначенных для обработки персональных данных, биометрических данных, безусловно, специальными нормами будут нормы Федерального закон от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» [11] (далее – ФЗ № 152 и ПД соответственно), в котором прямо закреплены принципы и условия обработки ПД. Наконец, по мнению автора, системный подход в законотворческом процессе предполагает внесение изменений и в ГК РФ, в первую очередь в ст. 2. В названной статье следовало бы предусмотреть возможность применения положений гражданского законодательства РФ к отношениям, уже составляющим предмет гражданско-правового регулирования, возникающим между субъектами гражданского права с использованием информационных систем, включая цифровые. Такая формулировка является черновым вариантом, имея в виду потребность в точном понимании соотношения терминов информационная система и цифровая платформа. Использование словосочетание «цифровое пространство», на наш взгляд, характеризуется такой степенью неопределенности, что не может претендовать на статус правового понятия.

Как следствие, гл. 2 ГК РФ требуется также дополнить положениями, которые бы отражали особенности осуществления и защиты гражданских прав и юридических обязанностей в случаях использования информационных систем и цифровых платформ. Следуя принципам юридической техники, соответствующие изменения необходимы были бы и в других субинститутах гражданского права.

Другой важный фактор, характеризующий объективную обусловленность необходимости и неизбежности кардинального изменения системы охраны прав в целом и личных неимущественных прав в частности – это появление технологий искусственного интеллекта. Не останавливаясь подробно на истории нескольких попыток подготовки законодательного акта в этой сфере, констатируем, что специального федерального закона на данный момент нет. Отмечается, что его отсутствие на данный момент заменяют два программных документа: Указ Президента РФ от 10.10.2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» и утвержденная этим Указом «Национальная стратегия развития

искусственного интеллекта на период до 2030 года» (далее – Стратегия об ИИ) [6], а также Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года (утв. Распоряжением Правительства РФ от 19.08.2020 г. № 2129-р) [14]. Имеются значимые научно-практические исследования в этой сфере [20, 22]. Однако на содержании норм уже действующих законов, прежде всего ГК РФ как базового нормативно-правового акта в сфере охраны результатов интеллектуальной деятельности, имущественных и неимущественных прав участников гражданского оборота, это не отразилось. При этом, опираясь хотя бы на определение искусственного интеллекта, данное в Стратегии об ИИ (п. 5), можно утверждать, что составляющие его технологические решения и технологии, позволяющие имитировать когнитивные функции человека, распознавать и обрабатывать текст, речь, синтезировать речь, получать в ходе выполнения поставленных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности, порождают комплекс вопросов, рисков, в том числе в сфере охраны любого из личных неимущественных прав гражданина. Применяемые в настоящее время приемы аналогии закона или права в отсутствие норм прямого действия, точных дефиниций, юридических категорий и понятий, используемых в сфере ИИ, ясных и нормативно-закрепленных юридических конструкций прав, не являются надежным инструментом регулирования. Ни в доктрине юридической науки, ни в законотворческом поле не предлагается хотя бы проект системы изложения, структуры расположения соответствующих норм или в форме нового будущего федерального закона, или даже через механизм внесения изменений в уже действующий федеральный закон, в частности в ГК РФ. Поскольку это представляет самостоятельную область научного исследования, автор будет возвращаться в последующем к понятию искусственного интеллекта исключительно во взаимосвязи с отдельными личными неимущественными правами (нематериальными благами).

Совершенно очевидно, что уже два названных фактора – появление новых форм взаимодействия участников правовых отношений с использованием цифровых (электронных) технологий, а также новых технологий, объединенных общим понятием «искусственный интеллект», – требует от юридической науки и законодателя системного, целостного, практико-ориентированного подхода к фундаментальному изменению законодательства, в том числе в сфере охраны неотчуждаемых прав и свобод человека, принадлежащих ему нематериальных благ. Акцент в научной среде и в правотворческой деятельности исключительно на категории имущественных благ, объектов, создаваемых в процессе использования указанных технологий, свидетельствует о нарушении основных принципов юридической техники, используемой при обновлении законодательства.

По мнению уважаемого доктора юридических наук В.Д. Зорькина, «большие данные и искусственный интеллект как открывают для юридического сообщества окно возможностей, так и ставят нас перед угрозой потери самого духа права и его гуманистической сущности, неотделимой от этого феномена, учитывая, что право – это прежде всего разновидность именно социальных норм, т. е. это прежде всего права человека как члена социума» [21].

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024 г., с изм. от 31.10.2024 г.) // «СПС «КонсультантПлюс».
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 г. № 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024 г.) // «СПС «КонсультантПлюс».
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 22.07.2024 г.) // «СПС «КонсультантПлюс».
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 23.05.2025 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.06.2025 г.) // «СПС «КонсультантПлюс».
5. Указ Президента РФ от 28.06.2021 г. № 378 «О создании Общероссийской общественно-государственной организации "Российский центр оборота прав на результаты творческой деятельности» // «СПС «КонсультантПлюс».
6. Указ Президента РФ от 10.10.2019 г. № 490 (ред. от 15.02.2024 г.) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // «СПС «КонсультантПлюс».
7. Указ Президента РФ от 18.07.2008 г. № 1108 (ред. от 29.07.2014 г.) «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации» // «СПС «КонсультантПлюс».
8. Федеральный закон от 30.11.2024 г. № 420-ФЗ (ред. от 23.05.2025 г.) «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // «СПС «КонсультантПлюс».
9. Федеральный закон от 29.12.2022 г. № 572-ФЗ (ред. от 28.12.2024 г.) «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // «СПС «КонсультантПлюс».
10. Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 01.04.2025 г.) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // «СПС «КонсультантПлюс».
11. Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ (ред. от 08.08.2024 г.) «О персональных данных» // «СПС «КонсультантПлюс».
12. Федеральный закон от 17.07.1999 г. № 178-ФЗ (ред. от 29.10.2024 г.) «О государственной социальной помощи» // «СПС «КонсультантПлюс».

13. Постановление Правительства РФ от 10.07.2024 г. № 929 «Об утверждении Положения о государственной единой облачной платформе» // «СПС «КонсультантПлюс».

14. Распоряжение Правительства РФ от 19.08.2020 г. № 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года» // «СПС «КонсультантПлюс».

15. Концепция развития электронного документооборота в хозяйственной деятельности (утв. решением президиума Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 25.12.2020 г. № 34) // «СПС «КонсультантПлюс».

16. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009 г.) // «СПС «КонсультантПлюс».

17. Приказ Минкомсвязи России от 01.08.2018 г. № 428 «Об утверждении Разъяснений (методических рекомендаций) по разработке региональных проектов в рамках федеральных проектов национальной программы “Цифровая экономика Российской Федерации”» // «СПС «КонсультантПлюс».

18. Перечень поручений по итогам совещания с членами Правительства (утв. Президентом РФ 01.04.2025 г. № Пр-706) // «СПС «КонсультантПлюс».

19. Алтухов А.В., Кашкин С.Ю. Правовая природа цифровых платформ в российской и зарубежной доктрине // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 7. С. 86–94.

20. Васин Е.О., Гвоздырева А.Д., Дейнека А.П., Замулина А.Ю., Кривошеева А.В., Незнамов А.В., Фокина С.А., Чаче Э.Г., Черемных И.А., Чурилова Д.Ю. Глобальный атлас регулирования искусственного интеллекта. Вектор БРИКС / под ред. А.В. Незнамова. 3-е изд., перераб. и доп. // Сетевая версия «СПС КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.05.2025).

21. Зорькин В.Д. Право будущего – это те же вечные ценности свободы и справедливости // РГ. 2023. 19 апреля.

22. Развитие законодательства о робототехнике и киберфизических системах. 12.11.2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://files.data-economy.ru/Docs/Dentons.pdf> (дата обращения: 10.05.2025).

Об авторе:

БАРТКОВА Ольга Георгиевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 1716-9636, e-mail: bartkova@mail.ru

On modern trends in the field of protection of personal non-property rights: private law and public law aspects.

Part one

O.G. Bartkova

Tver State University, Tver

The object of the study is personal non-property relations, as well as relations for the protection of intangible assets. The purpose of the work is to substantiate the need for a systematic and integrated approach in updating Russian legislation in the field of regulation and protection of personal non-property rights of participants in civil turnover, primarily individuals, based on constitutional criteria for evaluating legislative regulation. The following tasks are set: to characterize the current state of the norms in the Civil Code of the Russian Federation, which are basic in the mechanism of legal regulation of personal non-property relations; to identify some of the most important "pain points" in the state of legislation of the Russian Federation in those segments that are closest to the protection of intangible assets and may be the causes of violations of such rights; to substantiate the formation of a conceptual and a systematic approach to improving institutions for regulating and protecting personal non-property rights (intangible assets), taking into account the balance of constitutionally protected values, public and private interests, and respect for the principles of justice, equality and proportionality. The absence of a single holistic concept in modern civil science for updating and systematizing norms on personal non-property rights (intangible assets) is noted; some inconsistencies in the norms of public and private law related to the use of the terms "digitalization" and "digital" law, a variety of related terms that create conditions for possible violations of personal non-property rights are identified. citizens' rights. The practical significance of the research lies in the possibility of using the author's findings in the process of further research to identify gaps in the field of relations under consideration and formulate specific proposals for improving the legislation of the Russian Federation, as well as in the teaching of academic disciplines related to the study of Russian civil law.

Keywords: *personal non-property relations, intangible assets, personal information, biometric data, digitalization, digital platform, artificial intelligence, private life, civil law protection mechanism, legal technology.*

About author:

BARTKOVA Olga – PhD in Law, Associate Professor, Department of Civil Law, Tver State University (170100, Tver, 33 Zhelyabova St.), SPIN-код: 1716-9636, e-mail: bartkova@mail.ru

Барткова О.Г. О современных тенденциях в сфере охраны личных неимущественных прав: частно-правовые и публично-правовые аспекты. Часть первая // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 2 (82). С. 169–179.

Статья поступила в редакцию 25.05.2025 г.

Подписана в печать 16.06.2025 г.

Уголовно-правовое противодействие информационным атакам, угрожающим жизни и здоровью несовершеннолетних

Л.А. Гребенькова

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», г. Курск

Объектом исследования являются общественные отношения в сфере уголовно-правовой защиты несовершеннолетних от информационных атак в форме опасных интернет-челленджей. Предметом исследования выступают нормы уголовного права, регламентирующие ответственность за вовлечение несовершеннолетних в совершение действий, представляющих опасность для их жизни и здоровья. Целью является выявление пробелов в уголовно-правовой защите несовершеннолетних от информационных атак в форме интернет-челленджей. В качестве методов использованы общенаучные (анализ, синтез, абстрагирование, дедукция и индукция) и частнонаучные методы познания (формально-юридический, критико-правовой и метод юридической герменевтики). Результаты исследования показали наличие существенного пробела в регулировании распространения информации, побуждающей несовершеннолетних к совершению опасных действий путем размещения контента в цифровой среде. Предложены меры по совершенствованию уголовного законодательства и механизмов противодействия распространению опасного контента.

Ключевые слова: несовершеннолетние, интернет-челлендж, информационные атаки, вовлечение несовершеннолетних, цифровые платформы, социальные сети, противоправные действия, профилактика преступности.

Федеральным законом от 07.06.2017 г. № 120-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению» в Уголовный кодекс РФ (далее – УК РФ) введена ст. 151², устанавливающая ответственность за склонение несовершеннолетнего к совершению противоправных действий, заведомо представляющих опасность для его жизни. Это расширило круг уголовно-наказуемых деяний против несовершеннолетних [1, 3].

Однако существуют и другие действия, схожие с предусмотренными ст. 151² УК РФ, не получающие соответствующей законодательной оценки. В современных условиях речь идет не о направленных на конкретное лицо склонении или вовлечении, а о более сложных

взаимодействиях, где лицо, используя механизмы массового распространения информации (соцсети, мессенджеры, онлайн-игры), воздействует на широкую аудиторию несовершеннолетних [6]. Фактически это пропаганда противоправной деятельности, опасной для жизни, направленная на несовершеннолетних, в силу своих возрастных психологических особенностей склонных к участию во вредных и опасных играх.

Примером являются «треш-стримы» – трансляции, где за денежное вознаграждение выполняются унижительные задания [18]. За их организацию в 2024 г. установлена административная ответственность: Федеральный закон от 08.08.2024 г. № 217-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» предусмотрел штраф за распространение в интернете информации, оскорбляющей человеческое достоинство и общественную нравственность, выражающей неуважение к обществу, содержащей изображения противоправных действий [2]. Однако такими материалами не исчерпывается спектр массового деструктивного воздействия на несовершеннолетних через цифровые технологии.

Как отмечает В.Д. Никишин, киберпространство становится «большой неконтролируемой общественной игровой площадкой», где распространяется деструктивный контент, влияющий на формирование агрессивных поведенческих шаблонов [13].

В условиях доступности новых технологий коммуникации появился такой вид привлечения участников к определенным формам активности, как челленджи. Они особенно распространены в молодежных социальных сетях, основанных на распространении коротких видеороликов, в частности TikTok. Челленджи (от английского слова challenge – «вызов») представляют собой публично размещенное задание или призыв к совершению определенных действий, распространяемое в информационно-телекоммуникационных сетях, часто сопровождаемое обещанием вознаграждения, признания или иными стимулами.

Изначально челленджи носили безобидный характер (например, «подбрасывание бутылочки») или даже были общественно полезными («Ice Bucket Challenge» для привлечения внимания к проблемам боковым амиотрофическим склерозом). Однако позже стали появляться опасные примеры [12].

Хотя для их участников это не очевидно, многие внешне безобидные «развлечения» могут представлять угрозу для жизни и здоровья. Например, челлендж «Корица» (поедание ложки корицы без воды) вызывает сильный кашель и затруднение дыхания [21]. Челлендж «Соль и лед» (участник должен высыпать себе на руку поваренную соль, а затем положить поверх ее лед, и держать максимально долго) приводит к серьезным ожогам [20]. Существуют и другие опасные задания, такие как «Кайли Дженнер» (повреждение губ) [24] или «Fire challenge» (обливать

себя горючей жидкостью, поджигать ее, а затем бросаться в воду, чтобы потушить пламя) [25], представляющие реальную угрозу здоровью и жизни участников. Показательным примером является распространившийся в 2024–2025 гг. «челлендж Супермена», где несовершеннолетние имитируют полет, позволяя другим подбрасывать себя. Отсутствие физической подготовки и страховки приводит к серьезным травмам, включая переломы и повреждения позвоночника [17, 22].

Отдельные челленджи по сути являются прямыми покушениями на здоровье и жизнь. Так, челлендж «Выпей 40 таблеток и посмотри, что будет», в котором несовершеннолетним предлагалось принять 40 таблеток спазмолитического средства, привел к смерти одной девочки-подростка и причинению тяжкого вреда здоровью другой [10].

Особую опасность представляют информационные атаки на детей младшего возраста через «инструкции» по выполнению якобы «волшебных» действий (например, «как стать феей» – открыть конфорки на газовой плите после того, как взрослые заснут [9]), которые, используя детскую неосведомленность, побуждают к опасному поведению, угрожающему жизни как самих детей, так и окружающих.

В свете изложенного, можно выдвинуть гипотезу о том, что действующие нормы УК РФ не учитывают специфику массового воздействия на несовершеннолетних путем вовлечения их в челленджи с использованием социальных и технических механизмов интернет-платформ. Целью исследования является выявление пробелов в уголовно-правовой защите несовершеннолетних от информационных атак в форме интернет-челленджей. Для ее достижения необходимо рассмотреть характеристики подобных челленджей, механизмы вовлечения в них несовершеннолетних, оценить применимость существующих норм уголовного законодательства для противодействия рассматриваемым видам информационных атак, при необходимости предложить новые нормы, а также выявить необходимость иных превентивных мер, направленных на защиту несовершеннолетних.

С использованием методологии аналитического обзорного исследования научных работ из базы данных сайтов scholar.google.com, cyberleninka.ru и elibrary.ru, по ключевым словам «челлендж», «челлендж ответственность», «челлендж уголовная», «internet challenges and dares responsibility» отобраны научные статьи на русском и английском языках в ведущих научных журналах и других рецензируемых источниках, посвященные вопросам, связанным с характеристиками размещаемых в интернете челленджей, представляющих опасность для несовершеннолетних. Преимущественно рассматривались статьи, опубликованные в последние 5 лет, написанные авторами, имеющими ученые степени или практический опыт. С использованием общенаучных (анализ, синтез, абстрагирование, дедукция и индукция), а также

частнонаучных методов познания (формально-юридический, критико-правовой и метод юридической герменевтики) осуществлена систематизация выводов и аргументации их авторов, дана критическая оценка.

Рассмотрение публикаций показало, что опасные челленджи получают значительное распространение как в России, так и за рубежом. Целевой аудиторией подобных челленджей являются в основном подростки, для которых выполнение заданий становится способом борьбы со скукой, источником самоутверждения и способом заслужить хотя бы виртуальное внимание, уважение и признание [16]. Х. Ортега-Барон с соавторами отмечают, что основными мотивами участия в челленджах являются потребность в социальной принадлежности и признании со стороны сверстников, а также стремление к самовыражению и построению желаемой идентичности в онлайн-пространстве. Распространение челленджей тесно связано с такими психологическими факторами, как страх упустить что-то важное (Fear of Missing Out), потребность в поддержании онлайн-идентичности и стремление к эмоциональному самовыражению в интернете [27].

Е.Б. Сергиенко с соавторами приводят статистические данные, свидетельствующие о широком распространении цифровых устройств среди учащихся: 86 % уже в начальной школе и 99 % к 11–14 годам имеют смартфон или планшет [14]. Это говорит о высокой степени проникновения интернета в жизнь несовершеннолетних и, соответственно, об их потенциальной подверженности влиянию опасных онлайн-челленджей.

Интерес подростков к группам, связанным с организацией челленджей достаточно высок. Исследование А.А. Глухой, А.А. Иудина и Д.А. Шпилева демонстрирует, что такой интерес, хотя и не является доминирующим среди школьников, но присутствует у определенной части подростков. Авторы отмечают, что 12 % опрошенных школьников проявляют высокий интерес к таким группам. Это указывает на потенциальную уязвимость несовершеннолетних к вовлечению в опасные челленджи. Более того, исследование выявило, что 28 % подростков иногда посещают подобные группы, что расширяет круг потенциальных участников рискованных онлайн-активностей [5]. Исследование Х. Ортеги-Барона и соавторов (2023 г.) показало высокую распространенность различных видов челленджей среди подростков 10–14 лет. По данным авторов, 80,3 % опрошенных участвовали в социальных челленджах, 20,6 % – в благотворительных и 7,7 % – в опасных челленджах. При этом 67,4 % подростков выполнили от 1 до 12 челленджей за год, а 12,5 % – более 13 челленджей [27].

Несмотря на то что процент участвующих в опасных челленджах невелик, следует иметь в виду, что деструктивный контент часто распространяется по принципу «эхо-камер» и «групповой поляризации».

Это означает, что подростки, проявляющие интерес к безобидным челленджам, могут оказаться в среде, где постепенно происходит нормализация и героизация опасных и противоправных действий [13]. Важно отметить, что алгоритмы социальных сетей, такие как «For You Page» в TikTok, могут усугублять эту проблему, подталкивая пользователей к контенту схожей тематики и создавая «пузырь фильтров», в котором опасные челленджи нормализуются и становятся более привлекательными [26].

Способствует вовлечению несовершеннолетних в челленджи также соревновательный характер предлагаемых действий: например, предлагается пройти несколько «уровней» челленджа, а показателем успешности становятся просмотры и «лайки» [7]. В.Д. Никишин описывает механизм вовлечения пользователей в деструктивные сетевые сообщества, состоящий из четырех уровней: привлечение внимания, формирование интереса, культивация желания и мотивация к действиям. Привлечение внимания происходит за счет вирусного характера видеороликов, формирование интереса – через соревновательный аспект челленджей и стремление получить «лайки» и просмотры. Культивация желания достигается через геймификацию – прохождение «уровней» челленджа, а мотивация к действиям – через публичные призывы и давление социальной среды. При этом используется технология «окна Овертона» для «нормализации» деструктивных идей в интернет-медиа через трансформацию самих челленджей – от относительно безобидных к более опасным и экстремальным [13].

В.А. Лушиков и М.В. Терских указывают на использование «кликбейтных» заголовков и обложек, что может способствовать распространению опасных челленджей, привлекая внимание подростков броскими названиями, не отражающими реальной степени риска [11].

Нельзя сказать, что администрацией социальных сетей проблема опасного для несовершеннолетних контента полностью игнорируется: соответствующие видео выявляются и удаляются модераторами контента, а также по запросам компетентных государственных органов. Масштабы удалений достаточно велики: из 104 млн видео, удаленных в сети TikTok за первое полугодие 2020 г., 22,3 % удалены по основанию «безопасность несовершеннолетних», а 13,4 % – «причинение вреда себе и опасные действия». То есть удалению подвергнуты десятки миллионов роликов с опасным контентом: речь идет о явлениях, носящих массовый характер [15].

Авторы видео также отправляются в «теневые баны», вследствие которых их ролики становятся недоступны широкой аудитории. Однако, как отмечает Е.Н. Кротова, случаи привлечения к правовой ответственности являются крайне редкими, а внутренние механизмы контроля социальных сетей довольно легко обходятся [10]. Кроме того, как указывают А.В. Пучнин и М.Ю. Пучнина, оперативность

реагирования администрации интернет-сервисов вызывает вопросы, а сами челленджи легко «перетекают» с одного сервиса на другой [19].

Следует отметить, что имеются авторы, которые критично относятся к представлению о целенаправленном осуществлении действий по вовлечению детей в опасные «развлечения». Так, А.А. Ефанов относит подобное к разряду «городских легенд», сходных, например, с распространяемыми в позднесоветский период слухами о лезвиях, которые иностранцы подкладывают в жевательную резинку, либо более поздними рассказами о «наркотических конфетах», иглах от шприцов, которые ВИЧ-инфицированные подкладывают на детских площадках и т. п. [8]. Действительно, ряд сообщений об опасных челленджах, вызвавших обеспокоенность общества, представлял собой не более чем «фейковые» новости. Так, в исследовании Скотта О. Мура подробно рассмотрен «челлендж Момо», который изначально не имел под собой никакой реальной основы. Тем не менее он вызвал глубокую тревогу родителей и общества. Мур отмечает, что распространение в обществе представлений о тайных заговорах злоумышленников, направленных на причинение вреда несовершеннолетним путем вовлечения их в опасные челленджи, является выражением обеспокоенности общества опасностями, с которыми дети встречаются в онлайн-среде. Сами же несовершеннолетние воспринимают рассказы о «смертельных челленджах» скорее как страшилки с участием сверхъестественных персонажей, таких как «Момо» или «Слендермен» [23].

Нельзя согласиться с мнением о том, что речь идет лишь о «городских легендах», не представляющих реальной опасности. Факты организации челленджей, приводящих к тяжким последствиям, документально подтверждены. Хотя они распространяются среди подростков по «вирусной» схеме, есть основания полагать, что их авторство («запуск») является результатом сознательных действий лиц старшей возрастной группы, чья мотивация имеет злонамеренный характер и направлена на причинение максимального вреда с использованием психических особенностей несовершеннолетних.

В наиболее вопиющих случаях речь идет об умышленном причинении вреда здоровью или смерти. Показательным примером служит дело осужденного Л., который уговаривал несовершеннолетних свешиваться с крыш, фотографируя процесс (Кассационное определение Первого КСОЮ от 19.04.2024 г. № 77-1399/2024).

О целенаправленности таких действий свидетельствует использование механизмов геймификации (прохождение «уровней», выявление «победителей») в опасных челленджах (в том числе, например, связанных с поджогами [7]). Следует согласиться с В.Д. Никишиным, что распространение деструктивного контента носит системный характер, с привлечением профессионалов и финансированием [13]. Даже спонтанно возникающие челленджи быстро

распространяются благодаря механизмам, способствующим виральности опасного контента.

Феномен «Momo Challenge» демонстрирует, что даже мнимый челлендж может породить реальную проблему через остенсию – когда широкое обсуждение в медиапространстве провоцирует появление реальных подражателей [4, с. 57–61]. Создаваемый в связи с челленджами контент (видео, истории, изображения) воспринимается как доказательство их реальности и может побуждать подростков к опасным действиям.

Высокая латентность правонарушений в данной сфере обусловлена в том числе тем, что видеоматериалы часто удаляются из соцсетей или попадают в «теневой бан», что затрудняет доказывание [10]. Отсутствие единой системы учета приводит к тому, что последствия участия в опасных челленджах часто классифицируются как несчастные случаи или самоубийства.

Вызывает вопросы несоизмеримость вреда жизни и здоровью, причиняемого в результате копирования действий в рамках челленджей, и ответственности их разработчиков. Справедливо указывается, что недостаточно просто блокировать опасный контент [19]. Число подростков, участвующих в опасных челленджах, весьма значительно, а существующие механизмы противодействия малоэффективны.

Квалификация вовлечения несовершеннолетних в опасные челленджи как умышленного или неосторожного причинения смерти встречается редко, поскольку отсутствует направленность деяния на причинение смерти конкретным лицам.

Норма ст. 151² УК РФ охватывает деяния по склонению несовершеннолетних к действиям, угрожающим их жизни, но не всегда адекватно отражает специфику современных информационных атак через социальные сети и цифровые платформы [1]. Для квалификации по данной статье необходимо установление направленности на конкретного несовершеннолетнего и конкретные противоправные действия.

В некоторых случаях эти действия можно рассматривать как организацию деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства или даже как покушение на убийство (например, при рассылке конкретным несовершеннолетним инструкций, подобных описанному выше свешиванию с высоты). Однако зачастую речь идет скорее о распространении информации, побуждающей несовершеннолетних к совершению действий, которая не имеет индивидуально определенного адресата. Кроме того, далеко не всегда опасные для жизни действия являются противоправными.

Недостаточно эффективны и административные меры ответственности, введенные Федеральным законом от 08.08.2024 г. № 217-ФЗ: рассмотренные примеры опасных челленджей в большинстве своем не подпадают под описанные в нем признаки. Особую опасность

представляют внешне безобидные челленджи, не содержащие явного неуважения к обществу, поскольку могут вовлечь даже социально благополучных подростков.

Кроме того, выводы А.А. Глухой, А.А. Иудина и Д.А. Шпилева о связи между увлечением опасными челленджами и такими факторами, как недоверие к родителям, гедонизм и отсутствие планов на будущее, а также об опасности вовлечения участвующих в челленджах подростков и в более опасные сообщества, такие как «колумбайн», говорят о необходимости комплексной профилактической работы с такими подростками, вести которую было бы проще, если бы организация таких челленджей была признана противоправной [5].

Следует согласиться с мнением о том, что технологические компании должны активно участвовать в обеспечении детской безопасности в цифровой среде, включая не только модерацию контента, но и взаимодействие с государственными органами для создания благоприятной среды развития несовершеннолетних [26].

Отдельного внимания заслуживает проблема алгоритмической нормализации опасного контента через «эхо-камеры» и механизм «окна Овертона». Хотя интернет-платформы напрямую не стремятся причинить вред детям, их бизнес-модель, ориентированная на прибыль, способствует продвижению провокационного контента, активно привлекающего внимание несовершеннолетних.

Проведенное исследование показывает, что современные информационные атаки через распространение контента, побуждающего несовершеннолетних к опасным действиям, создают существенную угрозу их жизни и здоровью. Распространение опасных челленджей носит организованный характер и основано на методах геймификации и алгоритмической нормализации противоправного поведения.

Подтверждена гипотеза о недостаточном учете в уголовном законодательстве РФ специфики массового воздействия на несовершеннолетних через вовлечение их в челленджи с использованием механизмов интернет-платформ. Выявлен существенный пробел в регулировании распространения в цифровой среде информации, побуждающей несовершеннолетних к совершению опасных действий. Для устранения данного пробела представляется целесообразным:

- дополнить ст. 151² УК РФ положениями об ответственности за распространение информации, побуждающей несовершеннолетних к совершению действий, заведомо для виновного представляющих опасность для их жизни;

- включить в гл. 25 УК РФ («Преступления против здоровья населения и общественной нравственности») новый состав преступления, предусматривающий ответственность за организацию опасных для жизни и здоровья челленджей, направленных на несовершеннолетних;

– установить повышенную ответственность за использование механизмов геймификации при организации опасных челленджей.

Помимо совершенствования уголовно-правовых норм, важным аспектом остается укрепление сотрудничества между социальными сетями, разработчиками цифровых платформ и государственными органами, ответственными за защиту прав и безопасности несовершеннолетних. Необходимо законодательно закрепить обязанность социальных сетей и иных интернет-платформ:

– в проактивном режиме выявлять и передавать в правоохранительные органы информацию как о лицах, размещающих опасный контент, так и о несовершеннолетних, просмотревших его;

– внедрять технические решения для предотвращения повторного размещения ранее удаленного опасного контента, в том числе основанные на применении искусственного интеллекта и машинного обучения (аналогично требованиям, предусмотренным для защищенного авторским правом контента в ст. 17 Директивы об авторском праве на Едином цифровом рынке Европейского Союза);

– осуществлять настройку рекомендательных алгоритмов с учетом потенциальной опасности контента для предотвращения эффекта «эхо-камеры»;

– внедрить систему маркировки видеоматериалов «водяными знаками» (цифровыми следами), позволяющими установить лицо, осуществившее их первоначальное размещение;

– внедрить систему оперативного информирования родителей или иных законных представителей о вовлечении несовершеннолетних в потенциально опасные онлайн-активности;

– обеспечивать оперативное взаимодействие с правоохранительными органами по вопросам противодействия распространению опасного контента.

Предлагается установить административную ответственность цифровых платформ за несвоевременное реагирование на опасный контент, а также уголовную ответственность их владельцев за систематическое неисполнение обязанностей по защите несовершеннолетних.

Необходима разработка комплексной системы профилактики вовлечения детей в опасные челленджи, включающей мониторинг деструктивного воздействия, просветительскую работу и психолого-педагогическое сопровождение подростков группы риска. Целесообразно создание единой системы учета случаев причинения вреда несовершеннолетним от участия в опасных челленджах для оценки эффективности принимаемых мер.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 02.05.2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 08.08.2024 г. № 217-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон от 07.06.2017 г. № 120-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Архипова А., Кирзюк А. Опасные советские вещи: городские легенды и страхи в СССР. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 536 с. С. 57-61.
5. Глухова А.А., Иудин А.А., Шпилев Д.А. Колумбайн как разновидность молодежного деструктивизма // Russian Journal of Economics and Law. 2022. Т. 16, № 4. С. 808–846.
6. Гребеньков А.А., Гребенькова Л.А. Пропаганда социально-негативного поведения среди несовершеннолетних как общественно опасное явление // Проблемы правоохранительной деятельности. 2019. № 3. С. 24–28.
7. Емелин В.Ю., Курочкина Е.Ю., Алиева Д.А. О мерах по совершенствованию профилактики противоправных деяний среди несовершеннолетних // Актуальные вопросы совершенствования инженерных систем обеспечения пожарной безопасности объектов: сборник материалов X Всероссийской научно-практической конференции. Иваново, 2023. С. 186–189.
8. Ефанов А.А. Трансформация моральных паник в условиях модернизации информационного общества // Вестник Тюменского государственного университета. Серия: Социально-экономические и правовые исследования. 2017. Т. 3, № 2. С. 66–75.
9. Жукова Л. «Газовые феи». О распространении смертоносных инструкций для детей в сети // РИА Новости. 04.03.2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20170304/1489266266.html> (дата обращения: 14.02.2025).
10. Кротова Е.Н. Доказывание фактов неправомерных деяний в условиях цифровизации общества // Ex jure. 2021. № 4. С. 141–155.
11. Лущиков В.А., Терских М.В. Жанрово-тематические и языковые особенности видеоблогов // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки. 2018. Т. 4, № 14. С. 57–75.
12. Макарова М.Н., Мокрушина Е.А. Тенденции функционирования флешмобов в России: роль социальной онлайн-среды и самоизоляции в становлении новых форм флешмоба // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2021. № 1. С. 32–39.
13. Никишин В. Д. Вредоносная информация в Интернет-медиа: «окно Овертона» и взаимосвязь деструктивных сетевых течений // Lex Russica. 2022. № 11. С. 131–148.
14. Нормативно-правовое обеспечение противодействия деструктивным явлениям в образовательном процессе в цифровой образовательной среде /

Сергиенко Е.Б. [и др.] // Universum: Психология и образование. 2022. № 1. С. 137–149.

15. Отчет TikTok о прозрачности деятельности за первое полугодие 2020 года [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tiktok.com/safety/resources/transparency-report-2020-1?lang=ru&appLaunch=web> (дата обращения: 14.02.2025).

16. Петренко М.С. Видео челлендж и видеоблоги как инструменты манипуляции // Материалы Международной научно-практической конференции «Современное коммуникационное пространство: анализ состояния и тенденции развития», Новосибирск, 26–28 апреля 2017. В 2-х частях; под ред. И.В. Архиповой. 2017. Т. 1. С. 189–194.

17. Полет супермена: что за опасный тренд, из-за которого школьники ломают руки, ноги и копчики [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mentoday.ru/life/experience/polet-cupermena-cto-za-opasnyi-trend-iz-za-kotorogo-shkolniki-lomayut-ruki-nogi-i-kopchiki/> (дата обращения: 14.02.2025).

18. Полунина Е.Н., Антонова А.В. Проблемы законодательного регулирования ответственности за «треш-стрим» в интернете // Закон и право. 2021. № 3. С. 90–91.

19. Пучнина М. Ю., Пучнин А. В. Деструктивная деятельность в социальных сетях, направленная на пропаганду суицидального поведения [несовершеннолетних: меры противодействия // Российский девиантологический журнал. 2023. № 1. С. 103–110.

20. Breakey W., Crowley T.P., Alrawi M. Salt and Ice, a Challenge Not to Be Taken Lightly // Journal of Burn Care & Research. 2015. Vol. 36, No. 3. P. e230.

21. Grant-Alfieri A., Schaechter J., Lipshultz S.E. Ingesting and Aspirating Dry Cinnamon by Children and Adolescents: The “Cinnamon Challenge” // Pediatrics. 2013. Vol. 131, No. 5. P. 833–835.

22. How the Superman Challenge on TikTok Could Land You in the Hospital [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.com/sites/brucelee/2024/12/12/how-the-superman-challenge-on-tiktok-could-land-you-in-the-hospital/> (дата обращения: 14.02.2025).

23. Moore S.O. The Momo Challenge and the Intersection of Contemporary Legend and Moral Panic // Contemporary Legend. 2023. Vol. 1. P. 1-34.

24. Moyer J. Wm. Kylie Jenner Lip Challenge: The dangers of ‘plumping that pout’ [Электронный ресурс] // The Washington Post. 2015. 21 April. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/morning-mix/wp/2015/04/21/kylie-jenner-challenge-the-dangers-of-plumping-that-pout/> (дата обращения: 14.02.2025).

25. The Fire Challenge: A Case Report and Analysis of Self-Inflicted Flame Injury Posted on Social Media / Avery A.H. [et al.] // Journal of Burn Care & Research. 2016. Vol. 37, № 2. P. e161–e165. DOI: 10.1097/BCR.0000000000000324.

26. Vasconcelos F., Eisenstein E. Hazardous Gaming: Challenges in the Social Media Involving Children and Adolescents // Curr Pediatr Rep. 2022. Vol. 10. P. 235–240. DOI: 10.1007/s40124-022-00277-w.

27. Viral internet challenges scale in preadolescents: An exploratory study / Ortega-Barón J. [et al.] // Curr Psychol. 2023. Vol. 42. P. 12530–12540. DOI: 10.1007/s12144-021-02692-6.

Об авторе:

ГРЕБЕНЬКОВА Лидия Александровна – преподаватель кафедры уголовного права, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (305040, Россия, Курск, ул. 50 лет Октября, 94), SPIN-код: 7776-8305, AuthorID: 811133, ORCID 0000-0002-4807-4127, e-mail: lidiagrebenkova@gmail.com

Criminal law countermeasures against information attacks threatening the life and health of minors

L.A. Grebenkova

Southwest State University, Kursk

The object of research is social relations in the sphere of criminal law protection of minors from information attacks in the form of dangerous Internet challenges. The subject of research is criminal law norms regulating liability for involving minors in actions that pose a danger to their life and health. The aim is to identify gaps in the criminal law protection of minors from information attacks in the form of "Internet challenges." The methods used include general scientific methods (analysis, synthesis, abstraction, deduction and induction) and specific scientific methods of cognition (formal legal, critical legal and legal hermeneutics method). The results of the study showed a significant gap in regulating the dissemination of information that encourages minors to perform dangerous actions through content placement in the digital environment. Measures are proposed to improve criminal legislation and mechanisms for countering the spread of dangerous content.

Keywords: *minors, Internet challenge, information attacks, involvement of minors, digital platforms, social networks, illegal actions, crime prevention*

About author:

GREBENKOVA Lidia – Lecturer of the Department of Criminal Law, Southwest State University (Russia, Kursk, 50 let Oktyabrya st., 94); e-mail: lidiagrebenkova@gmail.com, SPIN-code: 7776-8305, AuthorID: 811133, ORCID 0000-0002-4807-4127, e-mail: lidiagrebenkova@gmail.com

Гребенькова Л.А. Уголовно-правовое противодействие информационным атакам, угрожающим жизни и здоровью несовершеннолетних // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 2 (82). С. 180–191.

Статья поступила в редакцию 24.02.2025 г.

Подписана в печать 16.06.2025 г.

К вопросу о квалификации ятрогенных преступлений с учетом примечания к статье 238 Уголовного кодекса Российской Федерации

Ю.А. Дронова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Статья посвящена анализу примечания к статье 238 Уголовного кодекса РФ, введенного Федеральным законом от 28.12.2024 г. № 514-ФЗ. Исследуется вопрос о толковании его содержания с учетом систематического и логического приемов, а также о влиянии его включения в Уголовный кодекс на формирование правоприменительной практики по уголовным делам о неблагоприятных исходах в медицине. Целью исследования является комплексный анализ причин введения законодателем данного примечания в УК РФ, а равно его текстуальной формулировки для последующего уяснения вопроса о его значении в аспекте правоприменения. В заключение сделан вывод о возможности двоякого понимания правоприменителем текста анализируемого примечания, в связи с чем целесообразным является дальнейшее исследование тенденций формирования судебной практики по делам о ятрогенных преступлениях.

Ключевые слова: *ятрогенные преступления, примечание к статье 238 УК РФ, медицинская помощь, медицинская услуга, квалификация.*

В специальной юридической литературе в публикациях, посвященных к квалификации ятрогенных преступлений, пожалуй, одним из наиболее дискуссионных в последние годы выступал вопрос о критериях разграничения ситуаций с неблагоприятными исходами в медицине, при квалификации которых подлежат применению статьи Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) о неосторожных преступлениях против жизни и здоровья (конкретно, ч. 2 ст. 109 «Причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей» и ч. 2 ст. 118 «Причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей»), с одной стороны, и ст. 238 «Производство, хранение, перевозка либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности», с другой [1]. Было «сломано немало копий» при обсуждении этих критериев. Высказывались совершенно разные мнения. Одна из позиций состояла в том, что искомым критерием является форма вины. В обоснование отмечалось, что основной состав преступления, предусмотренного ст. 238 УК РФ, предполагает умысел, а ст. 109 и 118 УК РФ, соответственно,

неосторожную форму вины. Отметим, что эта точка зрения представлялась не вполне релевантной, поскольку для квалификации ятрогений по определению использовались ч. 2, 3 ст. 238 УК РФ, в которых отношение к последствиям законодателем определяется как неосторожное (равно как и в ст. 109 и 118 УК РФ), что не позволяет далее рассуждать о форме вины как искомом критерии разграничения рассматриваемых составов. Наиболее точным, по нашему мнению, критерием, предлагаемым специалистами, выступал учет такого фактора как потенциальная опасность услуги для любого и каждого пациента (использование неисправного медицинского оборудования, некачественных препаратов и прочее), что позволяло говорить о наличии состава преступления, предусмотренного ст. 238 УК РФ, либо ненадлежащее оказание услуги конкретному пациенту, что, в свою очередь, предопределяло квалификацию ятрогений по ст. 109 или 118 УК РФ в зависимости от тяжести наступившего последствия.

Проиллюстрируем данный подход примерами из судебной практики.

В первом случае определением Первого кассационного суда общей юрисдикции был оставлен в силе приговор суда первой инстанции. Кассационная инстанция констатировала, что «оказание стоматологических услуг лицом без соответствующего образования создает опасность для неопределенного круга лиц вне зависимости от особенностей случая/потерпевшего» [9]. Приговор по п. «в» ч. 2 ст. 238 УК был оставлен без изменения.

Во втором случае приговором Серпуховского городского суда врач-стоматолог был осужден по ч. 2 ст. 109 УК РФ. Согласно приговору: «Константинов С.А. назначил Е.А. операцию по удалению 37, 38 зубов, с проведением одномоментной имплантации в области 36, 37 зубов, и, зная о том, что при проведении лечения Е.А. у последнего выявлен хронический пародонтит и, несмотря на необходимость проведения Е.А. лечения указанного заболевания зубов, ... без обследования смежных специалистов (терапевта, кардиолога) провел Е.А. операцию ..., осознавая, что ... у Е.А. могут возникнуть осложнения, ..., действуя по небрежности, вследствие ненадлежащего исполнения своих профессиональных обязанностей, не предвидя возможности наступления общественно-опасных последствий своих действий – смерти Е.А., в результате острой сердечно-сосудистой недостаточности на фоне эндогенной интоксикации вследствие гнилостно-некротической флегмоны дна полости рта и шеи, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должен и мог предвидеть эти последствия» [10].

При всей логичности названного критерия нельзя утверждать, что следственно-судебная практика формировалась в последние годы именно на его основе. Единообразия так и не возникло, при этом, определенный ее крен в сторону большей частоты применения ст. 238 УК РФ (даже в ситуациях, когда речь не шла об опасности для

неопределенного круга пациентов) стал проявляться достаточно очевидным образом. При всем нежелании выдвигать конспирологические версии нельзя не отметить, что в качестве причины специалистами назывались ведомственные интересы Следственного комитета, к подследственности которого относятся уголовные дела о ятрогенных преступлениях. Не секрет, что максимально распространенным исходом уголовного судопроизводства по данной категории дел в случаях, когда они возбуждались по ст. 109 или 118 УК РФ, было освобождение медицинских работников от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности совершения преступления, поскольку оба состава относятся к преступлениям небольшой тяжести со сроком давности, соответственно, два года. А с учетом объективной затянутости сроков расследования в связи с необходимостью производства судебно-медицинской экспертизы качества оказания медицинской помощи истечение указанного срока до рассмотрения дела судом было максимально прогнозируемым исходом. Именно по этой причине интересантом в расширении практики применения для квалификации ятрогений ст. 238 (преступление средней тяжести со сроком давности шесть лет) небезосновательно считался Следственный комитет РФ.

Вся эта предистория важна в связи с тем, что 18.12.2024 г. средства массовой информации (далее – СМИ), в частности, профильные Телеграм-каналы, комментирующие уголовное законодательство и практику его применения буквально «взорвала» новость о том, что Государственная Дума в третьем чтении приняла закон о введении в ст. 238 УК РФ примечания следующего содержания: «Действие настоящей статьи не распространяется на случаи оказания медицинскими работниками медицинской помощи» [2]. Интересно, что в первоначальном тексте законопроекта данное предложение не фигурировало, и он вообще предполагал только внесение изменений в ст. 150 и 151 УК РФ, которые обосновывались авторами необходимым «усилением уголовной ответственности лиц, вовлекающих несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественных действий, в том числе с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»)» [3].

Ко второму чтению в таблице поправок № 1, рекомендованных Комитетом Государственной Думы по государственному строительству и законодательству к принятию, появляется предложение ввести вышеуказанное примечание к ст. 238 УК РФ, равно как и изменить в связи с этим название законопроекта. Авторами данной поправки стали депутаты Государственной Думы П.В. Крашенинников, Б.Н. Башанкаев, а также сенаторы Российской Федерации А.А. Клишас, Ж.Ю. Чефранова, И.В. Новиков, Н.С. Кувшинова. В доступных источниках не фигурирует информация о том, какое обоснование было положено в основу данного

предложения, но, так или иначе, закон был принят, включая текст примечания, что породило новую волну дискуссий о применимости ст. 238 УК РФ для уголовно-правовой оценки неблагоприятных исходов в медицине. Казалось бы, какие могут быть дискуссии, ведь буквальный текст примечания свидетельствует о том, что это становится невозможным. Но крылатое выражение «два юриста – три мнения» в этой ситуации проявило свое значение максимально иллюстративно. В частности, ряд комментариев сводился к тому, что введение примечания – по сути есть своего рода декриминализация ятрогений или освобождение врачей от уголовной ответственности. Подобные трактовки, очевидно, совершенно беспочвенны. Как написал автор профильного телеграм-канала доктор юридических наук, профессор Г.А. Есаков: «статьи 109, 118 и 124 никто не отменял, но об этом в общем вихре ликования все позабыли» [7].

Гораздо более конструктивным направлением является обсуждение вопроса о толковании введенного примечания и о его значении для правоприменения с учетом того, что в его тексте употреблен термин «медицинская помощь». Суть проблемы заключается в том, что как представители медицинского сообщества, так и юристы полагают правильным не отождествлять понятия «медицинская помощь» и «медицинская услуга». Приведем цитату по этому поводу: «Дискуссия о невозможности употребления понятия «услуга» относительно медицинской деятельности длится уже много лет. Врач стоит на страже жизни и здоровья, а не оказывает услуги – таково мнение медицинского сообщества» [4].

В связи с предметом исследования настоящей статьи указанная позиция актуализируется постановкой вопроса о том, насколько вообще было возможно применение ст. 238 УК РФ с формулировкой в ее названии и диспозиции «...оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности», применительно к неблагоприятным исходам в медицине. Однако, как уже отмечалось, практика их квалификации по данной статье приобрела в последние годы массовый характер. При этом, речь идет о последствиях медицинских вмешательств не только по договорам об оказании платных услуг, но и о причинении вреда жизни или здоровью в случаях оказания бесплатной медицинской помощи. Так, Благовещенский городской суд Амурской области постановил «прекратить уголовное дело в отношении Низовской ... по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 238 УК РФ, на основании п. 3 ч. 1 ст. 24 УК РФ, – в связи с истечением сроков давности уголовного преследования» [11]. Согласно материалам дела «потерпевший № 1, *** года рождения, проживающая на территории ***, имела право на получение медицинской помощи по оказанию услуг по профилю нефрология, включая необходимые диагностические мероприятия и медикаментозное лечение, в государственном

автономном учреждении здравоохранения Амурской области «Амурская областная детская клиническая больница» ... на основании полиса обязательного медицинского страхования граждан. ... 21.04.2017, в 15 часов 42 минут, лечащий врач-нефролог Е.В., после проведенного обследования и полученных результатов анализов, поставила малолетней Потерпевший № 1 неверный диагноз ... Таким образом, врач-нефролог ГАУЗ АО «АОДКБ» Е.В. оказала малолетней Потерпевший № 1 медицинскую услугу ненадлежащего качества в нарушение требований безопасности» [11]. Примеры с такой квалификацией отнюдь не единичны.

Отметим, что проблема разграничения ситуаций с неблагоприятными исходами в медицине с точки зрения правовой природы возникших правоотношений чрезвычайно актуальна и в контексте рассмотрения соответствующей категории гражданских дел. По одному из них Верховный Суд РФ, в частности, указал, что «судебные инстанции, взыскивая с Городской больницы имени академика Вагнера Е.А. в пользу Кибанова М.В. штраф, установленный пунктом 6 статьи 13 Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-І “О защите прав потребителей”, положения приведенных норм материального права, определяющих основания применения к отношениям в области охраны здоровья граждан законодательства о защите прав потребителей, к спорным отношениям применили неправильно, вследствие чего не определили правовую природу отношений по поводу оказания Кибанову М.В. медицинской помощи и не установили, оказывалась ли Кибанову М.В. медицинская помощь бесплатно в соответствии с программой государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи либо эта помощь, включая медицинские услуги, предоставлялась Кибанову М.В. на возмездной основе на основании заключенного с медицинской организацией договора. Между тем от установления данных обстоятельств зависит возможность применения к спорным отношениям, учитывая положения части 8 статьи 84 Федерального закона “Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации”, Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-І “О защите прав потребителей”» [8]. Специалисты справочно-правовой системы «Гарант» в обзоре данного документа указали, что «больница отказалась возместить гражданину моральный вред за оказание некачественной медпомощи по ОМС и заодно уплатить штраф в размере 50 % от этой суммы. Суды удовлетворили иск гражданина, но Верховный Суд РФ направил дело на пересмотр. По Закону о защите прав потребителей этот штраф можно взыскивать только при оказании гражданину платных медуслуг, а не медпомощи в рамках

ОМС, и только если больница отказалась возместить причиненный вред добровольно»¹.

Таким образом, как на доктринальном уровне, так и в правоприменительной практике вопрос об определении правовой природы отношений между медицинской организацией (медицинским работником) и пациентом в разрезе – оказание медицинской помощи vs оказание медицинских услуг актуален и, в целом, как следует из приведенного выше Определения судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ, определенным образом разрешен.

Какое же значение имеет такое решение данного вопроса в целях толкования анализируемого примечания к ст. 238 УК РФ и его применения в следственно-судебной практике по уголовным делам о ятрогенных преступлениях? Как отметили авторы телеграм-канала «Аналитический центр уголовного права и криминологии»: «допускаем, что новое примечание будет коррелировать с данной позицией ВС РФ и исключать применение ст. 238 УК РФ в делах, где отношения возникают при оказании гражданам медицинской помощи в рамках программы государственных гарантий» [4].

Таким образом, одна из позиций по вопросу о толковании анализируемого примечания сводится к тому, что ст. 238 УК РФ не будет применяться для квалификации ятрогений в сфере бесплатной медицины в связи с тем, что именно с ней соотносится категория «оказание медицинскими работниками медицинской помощи», но примечание не исключает квалификацию по данной статье неблагоприятных исходов при оказании платных медицинских услуг. В связи с этим критерием показательным кейсом является уголовное дело в отношении пластического хирурга Е.А. Лонской. Первая информация о нем появилась 24.12.2024 г., т. е. еще до вступления в силу федерального закона о введении анализируемого примечания: «Постановлением суда удовлетворено ходатайство следователя об избрании меры пресечения в отношении Лонской Екатерины Александровны <...> в виде домашнего ареста на срок 23 суток. По данным суда, Лонской предъявлено обвинение по п. «в» ч. 2 ст. 238 УК РФ (выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности, повлекшие по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью). Следствие утверждает, что во время проведения косметической операции Лонская не провела должную диагностику и не организовала консультации с профильными специалистами, а также не обеспечила надлежащую специализированную помощь пациентке в послеоперационном периоде. Ранее в социальных сетях адвокат Александр Добровинский, представляющий интересы жены Президента Федерации еврейских

¹<https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72263380/?ysclid=mbeayqr650963016479#review> (дата обращения: 20.05.2025).

общин России (ФЕОР) Инны Бороды, сообщил, что из-за неудачной операции потерпевшая частично потеряла зрение» [5]. Можно было бы ожидать, что после вступления в силу примечания к ст. 238 УК РФ следствие переквалифицирует деяние врача на ч. 2 ст. 118 УК РФ. Однако, если изучить дальнейшие публикации в СМИ, то становится очевидным, что никакой переквалификации не случилось: «Расследование дела пластического хирурга Екатерины Лонской, у которой практически лишилась зрения пациентка, завершено. Хирургу предъявлено обвинение в окончательной редакции, ей вменяют часть 2 статьи 238 («Оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности») УК РФ. Уголовное дело в ближайшее время передадут в суд» [6]. Таким образом, сотрудники Следственного комитета, завершив расследование уголовного дела 30 января (более чем через месяц после вступления в силу примечания к ст. 238 УК РФ) не посчитали правильным применить его в данном деле. Очевидно, что положение об обратной силе уголовного закона диктовало бы необходимость изменения квалификации, поскольку, как уже отмечалось преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 238 УК РФ относится к категории средней тяжести с максимальным пределом наказания в виде лишения свободы до 6 лет, тогда как, ч. 2 ст. 118 УК РФ – это преступление небольшой тяжести с максимумом наказания до одного года лишения свободы. Если следственный комитет не переквалифицировал деяние Лонской, значит, позиция ведомства по поводу толкования примечания, очевидно, заключается в его распространении лишь на ятрогении в случаях оказания бесплатной медицинской помощи. Безусловно, это лишь квалификация органов предварительного расследования. Следует дождаться решения суда. Но для понимания позиции следственного органа по вопросу о толковании содержания анализируемого примечания кейс, надо полагать, весьма иллюстративен.

В качестве противоположной позиции относительно толкования примечания естественным образом будет выступать полное исключение возможности применения ст. 238 УК РФ для квалификации ятрогенных преступлений, независимо от того, идет ли речь о платных медицинских услугах или бесплатной медицинской помощи. Ее сторонники не склонны буквально толковать термин «медицинская помощь» в тексте примечания и полагают, что отныне данная норма УК не может быть релевантна в целях уголовно-правовой оценки неблагоприятных исходов в медицине. Подобная трактовка примечания следует, например, из публикации в профильном телеграм-канале доктора юридических наук, профессора Г.А. Есакова. Комментируя введение примечания в УК, он, в частности, пишет: «... Поэтому устранение уголовной ответственности врачей по статье 238 – верное решение» [7]. Хотя профессор Есаков при этом активно критикует буквальный текст примечания и все же высказывает опасения по поводу возможности его ограниченного

толкования правоприменителем в аспекте невозможности применения ст. 238 только к ятрогенным в сфере бесплатной медицины: «... есть соблазн ... истолковать это положение как ограниченное ..., например, первичной медико-санитарной и скорой помощью....» [7].

Отметим, что позиция о полном исключении возможности квалификации ятрогенных по ст. 238 УК РФ безусловно предпочтительна и основательна в контексте принципа равенства лиц, совершивших преступление, перед законом, постулируемого в ст. 4 УК РФ. Нельзя делать выбор между двумя уголовно-правовыми запретами с разной степенью репрессивности лишь на основании правовой природы отношений в сфере медицины.

Оставляя за пределами исследования в настоящей статье вопрос о том, насколько вообще адекватным способом законодатель попытался разрешить проблему исключения ст. 238 УК РФ для квалификации ятрогенных преступлений («точечный» характер примечания отметили многие специалисты), в завершение констатируем, что есть как минимум два варианта толкования текста анализируемого примечания, а, значит, и два возможных пути, по которым будет складываться следственно-судебная практика по вопросу квалификации ятрогенных преступлений. В связи с изложенным дальнейшее исследование данной проблематики представляется значимым и необходимым.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 02.05.2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 28.12.2024 г. № 514-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в статьи 150 и 151 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/670471-8> (дата обращения: 20.05.2025).
4. Аналитический центр уголовного права и криминологии // Телеграм-канал. 2024. 24 декабря [Электронный ресурс]. URL: https://t.me/crime_expert (дата обращения: 20.05.2025).
5. Бурнов В. Пластический хирург отправлен под домашний арест по делу о неудачной операции [Электронный ресурс]. URL: https://rapsinews.ru/judicial_news/20241224/310527356.html?ysclid=mbec18ib9r620648434 (дата обращения: 20.05.2025).
6. Завершено расследование в отношении пластического хирурга по делу ослепшей россиянки [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/news/2025/01/30/zaversheno-rassledovanie-v-otnoshenii-rossiyskogo-plasticheskogo-hirurga/?ysclid=mbeckzk7j7416642701> (дата обращения: 20.05.2025).

7. Записки профессора-уголовника // Телеграм-канал, 2024. 18 декабря [Электронный ресурс]. URL: https://t.me/zapiski_esakov (дата обращения: 20.05.2025).

8. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 15.07.2019 г. № 44-КГ19-7 [Электронный ресурс]. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-15072019-n-44-kg19-7/?ysclid=mbeaxls4fe689537405> (дата обращения: 20.05.2025).

9. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 03.02.2021 г. № 77-375/2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ001&n=36571#11smcmUpYVOaUpQC> (дата обращения: 20.05.2025).

10. Приговор Серпуховского городского суда Московской области от 13.09.2023 г. № 1-394/2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/76851950?ysclid=mb9wjxox5b999802714> (дата обращения: 20.05.2025).

11. Постановление Благовещенского городского суда Амурской области от 04.06.2019 г. по делу № 1-319/2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://actofact.ru/case-28RS0004-1-319-2019-2019-01-16-2-0/?ysclid=mbe9yn1013385214846> (дата обращения: 20.05.2025).

Об авторе:

ДРОНОВА Юлия Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 6183-4155, e-mail: dron_u75@mail.ru

On the qualification of iatrogenic crimes in light of the note to article 238 of the Criminal code of the Russian Federation

J.A. Dronova

Tver State University, Tver, Russia

The article analyzes the note to Article 238 of the Criminal Code of the Russian Federation, introduced by Federal Law No. 514-FZ of December 28, 2024. The study examines the interpretation of its content using systematic and logical methods, as well as the impact of its inclusion in the Criminal Code on the formation of law enforcement practices in criminal cases concerning adverse medical outcomes. The research aims to provide a comprehensive analysis of the legislature's reasons for introducing this note into the Criminal Code, along with its textual formulation, to clarify its significance in the context of legal application. In conclusion, the study finds that the wording of the analyzed note may be subject to dual interpretation by law enforcement authorities, necessitating further research into trends in judicial practice regarding iatrogenic crimes.

Keywords: *iatrogenic crimes, note to Article 238 of the Criminal Code of the Russian Federation, medical care, medical service, criminal qualification.*

About author:

DRONOVA Julia – PhD in Law, associate professor of the department of criminal law and procedure of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova St., 33), SPIN-code: 6183-4155, e-mail: dron_u75@mail.ru

Дронова Ю.А. К вопросу о квалификации ятрогенных преступлений с учетом примечания к статье 238 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 2 (82). С. 192–201.

Статья поступила в редакцию 25.05.2025 г.

Подписана в печать 16.06.2025 г.

Цифровизация судопроизводства: иллюзии и реальность

Г.Н. Захаров

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье показаны основные проблемные и перспективные вопросы цифровизации и информатизации судебной деятельности. Подвергнуты критике распространенные термины «электронное правосудие» и «цифровое правосудие», как некорректные, поскольку цифровизация влияет на форму процесса, но не меняет сущности правосудия, основным содержанием которого является защита прав и охраняемых законом интересов субъектов правоотношений. Судья является носителем судебной власти и его не могут в полной мере заменить никакие технологии. Обращено внимание на проблемы технического и программного обеспечения судебной деятельности, а также в целом информатизации и информационной грамотности граждан. Показана на основе практики Китайской народной республики необходимость введения в качестве дополнительных идентификаторов адресов электронной почты и номеров сотовых телефонов, что позволит ускорить и повысить эффективность обмена информацией между участниками процесса и судом. Обоснованы предложения о необходимости использования искусственного интеллекта при подготовке дела к судебному разбирательству и вынесению судебного приказа. Поддержана позиция о возможностях искусственного интеллекта по примирению сторон, как оригинальной и более привычной формы для современного человека.

Ключевые слова: информатизация, цифровизация, правосудие, процессуальная форма, информационная грамотность, техническое и программное обеспечение, искусственный интеллект.

Цифровизация и информатизация всех сфер современной жизни оказывают значительное влияние на осуществление правосудия. В научных исследованиях наметился оптимистический взгляд на возможность кардинального изменения всей судебной деятельности и максимальное использование возможностей применения искусственного интеллекта при рассмотрении дел в суде. Это обусловило появление и постепенное закрепление таких понятий, как «электронное правосудие» и «цифровое правосудие». Так, А.В. Аносов обосновал в своем диссертационном исследовании необходимость нормативного закрепления термина «электронное правосудие» [1, с. 5]. Развивая это понятие, С.В. Василькова предложила систему институциональных принципов для электронного правосудия: «принцип дистанционности, принцип информационной открытости правосудия» [2, с. 9]. Появилось много и других определений правосудия с учетом развития

информационных технологий и зарубежного опыта их использования. Анализ этого был подробно сделан В.А. Лаптевым, который обосновал, что все сферы судебной деятельности охватывает понятие «цифровое правосудие» и дал его определение: это «форма правоприменительной деятельности судебной власти по осуществлению конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства с применением информационно-коммуникационных технологий и систем, в том числе единого информационного пространства судов, программных средств автоматизации судебного делопроизводства (подачи, обработки и сканирования поступающих в суды документов, формирования электронных дел, онлайн-заседаний, искусственного интеллекта и т. д.), обеспечения доступа к информации о деятельности судов в электронном виде, а также создания единых баз данных судебных дел» [5, с. 8]. Все, содержащееся в данном определении, не вызывает возражений, кроме одного, но самого главного: использования понятия «правосудие». Правосудие по своей сущности как разрешение различных спорных ситуаций в самых различных областях общественной жизни на основании правовых норм и уполномоченными на то лицами, являющимися носителями судебной власти, не зависит от того, какие инструменты применяет суд: электронные средства или просто ручку и бумагу. В связи с этим представляется более обоснованной и терминологически точной позиция Ю.А. Лукониной, которая исследовала не «цифровое правосудие», а «цифровую цивилистическую процессуальную форму» и обосновала «гибкость цивилистической процессуальной формы по отношению ко всем способам рассмотрения и разрешения ... споров». А также то, что «цивилистическая процессуальная форма адаптируется под рассмотрение судебных дел как с использованием цифровых технологий, так и без их применения» [6, с. 10]. Информатизация и цифровизация – это лишь определенные технологии, которые облегчают судопроизводство, отражая прогресс технологий, как и во всех других сферах жизни. Человечество прошло длинный путь от передачи информации путем зарубок на камне до компьютерных технологий, но независимо от того, содержатся ли тексты законов на каменных столбах или в информационной системе «Гарант», они в равной степени используются человеком для регулирования общественных отношений. Подтверждением тому, что не форма является определяющей, также служит и то, что законодатель отказался от выделения электронных доказательств в качестве самостоятельного средства доказывания (хотя первоначально в Кодексе административного судопроизводства РФ это было), поскольку имеет значение только та информация, которая содержится на каком материальном носителе. Но это вовсе не исключает необходимости выработки специальных правил представления, исследования и оценки таких доказательств.

Любое применение информационных технологий в судебной деятельности требует введения новых правил на всех стадиях процесса. Примером этому могут служить выводы и положения исследования Н.Н. Маколкина относительно институтов аутентификации и верификации в судебной деятельности. Эти приемы особенно важны при проведении судебных заседаний с использованием систем видео-конференц-связи и веб-конференции, поскольку аутентификация позволяет с большей степенью достоверности устанавливать личности участников процесса, а верификация способствует оценке истинности и допустимости доказательств [7, с. 11–12]. Но это все связано с совершенствованием форм осуществления правосудия, ведь его сущности не меняют такие новеллы как «групповой иск» или «упрощенное производство. Это положение просто и четко выразил Н.А. Калугин: «тренды современного правосудия, касающиеся применения информационных технологий, в первую очередь должны содействовать ему в реализации главной функции – защите прав и законных интересов граждан и организаций. Однако, наряду с развитием технологий, главным трендом все же должно оставаться правосудие – справедливое, объективное, своевременное и эффективное» [4, с. 67].

Прогресс в любой области обусловлен стремлением людей к новому, но всегда необходимо реально оценивать возможности и риски, избегая поспешных решений, а тем более выводов о достигнутых успехах. Цифровизация – естественный и необратимый процесс, но он в каждой конкретной сфере должен соответствовать прежде всего техническим возможностям. Именно поэтому практики, обсуждая вопросы цифровизации судебной деятельности, прежде всего обращают внимание на уровень технических и программных средств, имеющихся в распоряжении судов, а также на необходимость принятия подзаконных актов, которые бы регламентировали те правила, которые уже есть в процессуальных законах относительно применения информационных технологий [8, с. 342].

В настоящее время все больше обращений в суд граждане и особенно юридические лица осуществляют в электронной форме, но уровень информатизации в целом во многих случаях является препятствием для использования такого способа. Следует признать, что далеко не все граждане обладают необходимыми техническими средствами, качество интернета, в том числе в судах, не в полной мере соответствует тем возможностям, которые могли бы быть использованы. Даже система ГАС «Правосудие» не всегда работает достаточно эффективно, имеют место сбои в работе сайтов судов, что, конечно, снижает качество использования всех возможностей, которые были заложены при создании соответствующих систем.

Кроме того, цифровизация судебной деятельности, как представляется, должна начинаться с «отцифровки» самих граждан и

других субъектов. Анализируя амбициозную программу Китайской народной республики (далее – КНР), связанную с информатизацией всей судебной системы, Е.П. Ермакова обращает внимание на созданный в 2019 г. Пекинский интернет-суд, в основе которого работа круглосуточной платформы, доступ к которой у граждан легко осуществляется с их мобильных телефонов. Все судебное дело от возбуждения до обжалования и исполнения может происходить онлайн [3, с. 173–176]. Разумеется, сразу возникают мечты, что и нам пора создавать такие платформы, но для этого нам надо изменить очень многое. Прежде всего необходимо дополнить перечень идентификаторов адресами электронной почты и номерами сотовых телефонов. В КНР номер сотового телефона выдают гражданину один на всю жизнь, составляя при этом довольно обширную базу данных о владельце и пользователях каждого номера. У нас, к сожалению, до сих пор не решена проблема надлежащего извещения и вызова участников процесса. Использовать смс-сообщения и адреса электронной почты возможно только при условии получения согласия самого лица, а сейчас в большинстве случаев по-прежнему извещения и вызовы направляются почтой, хотя очевидно, что в значительном числе случаев место практического проживания лица не совпадает с адресом его регистрации. Уже упомянутые сбои в работе сайтов не дают гарантий, что информация, размещенная таким образом, своевременно будет получена заинтересованными лицами. Есть вопросы к структуре и содержанию сайтов судов, пользователи должны обладать определенными навыками, которые есть далеко не у всех.

Следовательно, еще одним препятствием для широкой цифровизации является уровень информационной грамотности граждан. Решение этой проблемы требует даже более длительного времени, чем техническое и программное переоснащение судов. И простая «смена поколений» не решит этой проблемы полностью, поскольку и более молодые люди нередко используют интернет и соответствующие технологии скорее в развлекательных целях. В авангарде, конечно же, должна быть цифровизация экономики, ведь если это коснется подавляющего числа рабочих мест, то это вынужденно заставит совершенствовать практически каждого уровень своих информационных знаний и навыков.

Возникает и вопрос о соотношении информации на электронных и бумажных носителях. Это проблема не только для суда, но и для всех органов и организаций. Ведь пожары и наводнения встречаются значительно реже, чем сбои в работе компьютерной техники, соответственно получается, что хранить информацию только на электронных носителях не очень разумно. Вероятно, почти каждый хоть раз сталкивался с проблемой, когда письмо, а тем более какая-то научная или практическая работа, исчезает вдруг бесследно, а восстановить ее не

всегда возможно. Поэтому в судах наряду с аудио- и видеопотоколированием сохраняется в полном объеме делопроизводство в бумажном варианте.

Бесспорно, уже сегодня можно говорить о возможностях использования искусственного интеллекта в судебной деятельности. Независимо от вида судебного производства перед судьей стоят равные задачи на этапе подготовки дела к судебному разбирательству: выявить все фактические обстоятельства, имеющие значение для дела; определить закон, подлежащий применению, а на основе этого установить перечень необходимых доказательств и состав лиц, участвующих в деле. При всей простоте названных вопросов, по каждому конкретному делу это большой труд. Массив нашего законодательства огромен, постоянно появляются поправки и дополнения в законы, да еще подзаконные акты и акты разъяснения законов, обладающие нормативными свойствами. Даже использование поисковых информационных систем очень сложно в этом «безбрежном нормативно-правовом океане». Кроме того, есть значительное число сходных отношений, но имеющих вариативное правовое регулирование. А если добавить к этому различия в правилах процессуальных кодексов даже при регулировании однотипных правоотношений, то использование искусственного интеллекта становится насущной необходимостью, но лишь при условии, что будет высококачественная программа. Пока же некоторые попытки использования искусственного интеллекта для подготовки каких-либо юридических текстов могут только украсить рубрику «Нарочно не придумаешь». Вероятно, будущее цифровизации судебной деятельности должны обеспечить высокопрофессиональные программисты.

Представляется, что наиболее реально использовать искусственный интеллект для подготовки судебных приказов. В настоящее время нагрузка на многих мировых судей является запредельной, причем нередко в производство поступает сразу несколько десятков заявлений о выдаче судебного приказа, а ведь по каждому нужно проверить все документы, сам характер требования, чтобы решить о возможности вынесения судебного приказа. С такой задачей искусственный интеллект мог бы справляться эффективно, а если добавить к этому названное ранее пожелание превращения адреса электронной почты в идентификатор личности, то можно было бы сразу направлять заявление о выдаче судебного приказа ответчику, с тем чтобы он уже определился со своей позицией, и сразу решать вопрос о передаче дела на рассмотрение суда. К сожалению, на сегодняшний день материальное обеспечение деятельности мировых судей находится в ведении региональных властей, а регионы имеют очень разный финансово-экономический уровень, поэтому оснащение мировых судей в Москве несоизмеримо с их

оснащением, допустим, в Тверской области. И это тоже проблема на пути цифровизации.

Вместе с тем, какие бы ни были проблемы, надо наметить наиболее актуальные аспекты для применения искусственного интеллекта в судебной деятельности. Примирительные процедуры являются, если так можно выразиться, генеральным направлением всей системы правосудия, но пока реализация этой стратегии разрешения споров очень сложно внедряется в практику. Причин этому много, их анализ заслуживает самостоятельного исследования. В этом контексте интерес представляет предложение В.А. Лаптева об использовании искусственного интеллекта для мирного урегулирования спора. Но беспокоит то, что автор при этом трактует мировое соглашение как «гражданско-правовую сделку» [5, с. 220–221], значительно сужая таким образом содержание мировых соглашений. Представляется, что в условиях цифровизации применительно к проблеме примирения более целесообразно, чтобы искусственный интеллект выступал в роли примирителя, причем учитывая широкое распространение различных компьютерных игр среди совершенно разных групп граждан как по возрасту, так и по профессиональному статусу, то такое примирение может стать эффективным именно в игровом режиме, когда это будет мини игра, созданная на основе конкретного правового спора.

Цифровизация судебной деятельности – тема неисчерпаемая, и по мере прогресса в информационных технологиях у суда будут появляться все новые возможности. Но пока эта тема является сочетанием реальности и иллюзии. Реальность состоит во всех тех новеллах, которые уже прочно вошли в повседневную жизнь, начиная с базы данных принятых судебных актов и заканчивая онлайн судебными заседаниями. Главной иллюзией является то, что правосудие будет цифровым. Цифровизация обеспечивает только внешнюю форму судопроизводства, а суть правосудия в том, что каждое дело индивидуально, не может быть шаблонов. Кроме того, значительное число норм имеет оценочный характер, поэтому только судебское усмотрение, основанное не только на знании законов, но и на жизненном опыте, является гарантией законного, обоснованного, а главное справедливого решения. А искусственный интеллект – это практически тот же инструмент, как и в любой сфере человеческой деятельности, главное, чтобы он был качественным, а руки, которые им управляют, – опытными и умелыми.

Список литературы

1. Амосов А.В. Информационно-правовые вопросы электронного правосудия в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 25 с.
2. Василькова С.В. Электронное правосудие в цивилистическом процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2018. 25 с.

3. Ермакова Е.П. Стандарты применения технологий искусственного интеллекта в судах КНР и практике предоставления юридических услуг // *Гражданский процесс: вчера, сегодня, завтра. Liber Amicorum. В честь профессора И. В. Решетниковой* / Отв. ред. проф. В.А. Бублик. М.: издательский дом «Городец», 2023. С. 166–179.

4. Калугин Н.А. Влияние информационных технологий на эффективность административного судопроизводства // *Защита прав личности в административном судопроизводстве: к 10-летию Кодекса административного судопроизводства РФ: сборник научных статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции. 20 сентября 2024 г. / Тамбовский областной суд; журналы «Судья» и «Российская юстиция»; отв. ред. Н. А. Бурашникова. Тамбов: ООО «Издательство Юлис», 2024. С. 64–67.*

5. Лаптев В.А., Соловьяненко Н.И. Цифровое правосудие. Цифровой документ: монография. М.: Проспект, 2022. 248 с.

6. Луконина Ю.А. Цифровая гражданская процессуальная форма: теоретико-прикладные аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2023. 26 с.

7. Маколкин Н.Н. Институт аутентификации и верификации в гражданском процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2023. 23 с.

8. Чумикова Т.В. Процессуальные нормы в эпоху цифровизации // *Перспективы развития гражданского права и процесса в эпоху цифровизации: сборник научных работ по материалам международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения д-ра юрид. наук, профессора Н.А. Баринова (г. Саратов, 25 февраля 2022 г.)* / отв. ред. А.В. Габов. Саратов: изд-во Саратов. гос. юрид. акад., 2022. С. 340–344.

Об авторе:

ЗАХАРОВ Георгий Николаевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 5165-2974, AuthorID: 779405, e-mail: george7878@mail.ru

Digitalization of legal proceedings: illusions and reality

G.N. Zakharov

Tver State University, Tver

The article shows the main problematic and promising issues of digitalization and informatization of judicial activity. The widespread terms "electronic justice" and "digital law-justice" are criticized as incorrect, since digitalization affects the form of the process, but does not change the essence of justice, the main content of which is the protection of the rights and legally protected interests of subjects of legal relations. The judge is the bearer of judicial power and cannot be fully replaced by any technology. Attention is drawn to the problems of technical and software support of judicial activity, as well as in general informatization and information literacy of citizens. Based on the

practice of the PRC, the need to introduce e-mail addresses and mobile phone numbers as additional identifiers is shown, which will speed up and improve the efficiency of information exchange between participants in the process and the court. Proposals are substantiated on the need to use artificial intelligence in preparing a case for trial and issuing a court order. The position on the possibilities of artificial intelligence for reconciliation of parties, as an original and more familiar form for a modern person, was supported.

Keywords: *informatization, digitalization, justice, procedural form, information literacy, hardware and software, artificial intelligence.*

About author:

ZAKHAROV Georgy – PhD in Law, associate professor of department of Theory of Law Tver State University (170100, Tver, ul. Zhelyabova, 33), SPIN-code: 5165-2974, AuthorID: 779405, e-mail: george7878@mail.ru

Захаров Г.Н. Цифровизация судопроизводства: иллюзии и реальность // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 2 (82). С. 202–209.

Статья поступила в редакцию 25.05.2025 г.

Подписана в печать 16.06.2025 г.

К вопросу о соотношении российского законодательства и Единых правил Союзного государства в сфере защиты прав потребителей

Е.С. Любовенко

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Статья посвящена анализу соотношения российского законодательства о защите прав потребителей и Единых правил Союзного государства, вступивших в силу в 2024 году. Рассматриваются цели и задачи введения Единых правил, их ключевые положения и отличия от Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей». Особое внимание уделено вопросам перераспределения ответственности, особенностям защиты прав потребителей при приобретении цифровых продуктов, расширению обязанностей агрегаторов, а также особенностям регулирования порядка начисления и взыскания неустойки. Сделаны выводы о стремлении к гармонизации правового регулирования России и Беларуси и повышению уровня защиты потребителей в рамках Союзного государства.

Ключевые слова: защита прав потребителей, Союзное государство, Единые правила, неустойка, агрегатор информации, маркетплейс, цифровой продукт, судебная практика, законодательство, регулирование.

Защита прав потребителей была и остается одним из приоритетных направлений правового регулирования. Ее значимость обусловлена постоянными изменениями в общественных отношениях, развитием технологий и необходимостью обеспечения справедливого баланса между субъектами рынка. Развитие законодательства в данной области представляется объективным процессом, отражающим потребность в более эффективных механизмах защиты потребительских интересов. При этом важно определить, в каком направлении развивается правовая политика государства в контексте сближения законодательства России и Беларуси.

В Российской Федерации на национальном уровне действует Закон «О защите прав потребителей» от 07.02.1992 г. № 2300-1 (далее – Закон о защите прав потребителей) [5]. Вместе с тем, 08.12.1999 г. Российской Федерацией и Республикой Беларусь было создано союзное государство, к исключительному ведению которого были отнесены в том числе и единые правила конкуренции и защиты прав потребителей (ст. 17) [1].

Во исполнение этого положения союзного договора 06.12.2024 г. был принят Декрет Высшего Государственного Совета Союзного государства № 6 «О Единых правилах в области защиты прав

потребителей» (далее – Декрет), направленный на установление единых правовых стандартов для России и Беларуси в сфере защиты прав потребителей [2].

Как сообщается, Единые правила в области защиты прав потребителей Союзного государства (далее – Единые правила) предназначены для регулирования отношений между потребителями и различными участниками рынка в Союзном государстве, а также для обеспечения высокого уровня правовой защиты для российских и белорусских потребителей. Нормы, содержащиеся в них, должны применяться при установлении, исполнении, изменении и прекращении соответствующих правоотношений с участием потребителей [11]. Единые правила в области защиты прав потребителей, утвержденные Декретом Высшего Государственного Совета Союзного государства от 06.12.2024 г. вступили в силу со дня их подписания. Переходный период, направленный на поэтапное внедрение новых положений, предусмотрен не был. Несмотря на официальное вступление в силу, содержание документа на практике вызывает значительное количество вопросов, обусловленных как новизной и масштабностью вводимых правовых конструкций, так и отсутствием разъяснительных актов, обеспечивающих единообразие применения. При этом, национальное законодательство Российской Федерации и Республики Беларусь в области защиты прав потребителей будет применяться в части, не противоречащей Единым правилам исходя из положений ст. 2 Закона о защите прав потребителей.

Таким образом, принятые в 2024 г. Единые правила Союзного государства представляют собой закономерный шаг в интеграционном процессе. Их появление было продиктовано необходимостью устранения правовых коллизий, формированием единого подхода к регулированию потребительского рынка, а также обеспечением равных условий для граждан обеих стран. Тем не менее, при всей внешней схожести с Законом РФ «О защите прав потребителей», Единые правила имеют ряд существенных особенностей, которые заслуживают пристального внимания.

По объему Закон о защите прав потребителей уступает Единым правилам, последние включают 5 глав и 52 статьи. Тогда как Закон о защите прав потребителей состоит из 4 глав, включающих 46 статей. Это количественное различие отражает не только расширение предмета регулирования, но и стремление к более детализированной проработке механизмов защиты прав потребителей, включая такие новые аспекты, как ответственность агрегаторов и особенности продажи цифровых продуктов.

Закон РФ «О защите прав потребителей» направлен на защиту прав потребителей, установление баланса между интересами граждан и предпринимателей, а также на формирование эффективного механизма

возмещения ущерба. Реализация указанных целей обеспечивается системой ключевых принципов, закрепленных в положениях закона. К числу таких принципов относятся следующие:

- обеспечение безопасности товаров и услуг – в ст. 7 установлено право потребителя на безопасность товара (работы, услуги). При этом изготовитель (исполнитель) обязан обеспечить безопасность продукции для жизни, здоровья, имущества потребителя и окружающей среды;
- доступность информации о продукции – предусмотрена ст. 8, которая закрепляет право потребителя на получение необходимой и достоверной информации об изготовителе (исполнителе, продавце) и о товарах (работах, услугах), позволяющей сделать правильный выбор;
- ответственность изготовителей, продавцов и исполнителей услуг – установлена ст. 13, которая определяет обязательство изготовителя (исполнителя, продавца) возмещать убытки, причиненные вследствие недостатков товара (работы, услуги);
- возможность судебной защиты прав потребителей – закреплена в ст. 17, которая предоставляет потребителям право на судебную защиту своих нарушенных прав, устанавливая, что защита прав потребителей осуществляется судом.

Единые правила Союзного государства имеют схожие цели, но акцентируются на:

- сближении национальных законодательств России и Беларуси;
- создании равных условий для потребителей обеих стран;
- развитии системы взаимодействия государственных органов в сфере защиты прав потребителей;
- усилении контроля за качеством продукции.

Среди новелл, предусмотренных Едиными правилами, особого внимания заслуживает расширение круга ответственных лиц. В отличие от Закона о защите прав потребителей, в котором ответственность за нарушение прав потребителей возлагается на продавцов или изготовителей, Единые правила распространяют ее также на учредителей, участников, руководителей этих организаций (исполнителя, продавца, поставщика, представителя импортера, агрегатора). При этом такие физические лица будут выступать солидарными должниками, т. к. потребитель вправе по своему выбору предъявить к ним требования, предусмотренные Едиными правилами (ст. 8).

Таким образом, правоприменительная практика столкнется с принципиально новым подходом, призванным пресечь попытки уклонения от исполнения обязательств за счет создания нового юридического лица, на которое формально переводится деятельность с целью избежать ответственности перед потребителями. В последние годы наметилась устойчивая тенденция к снижению интенсивности контрольно-надзорной деятельности в сфере защиты прав потребителей.

Первоначально подобное ослабление носило временный характер и объяснялось последствиями санитарно-эпидемиологического кризиса (COVID-19), а также внешнеполитическими и экономическими санкциями, повлекшими необходимость ограничения административной нагрузки на бизнес. Однако впоследствии эта мера приобрела постоянный характер, что повлекло за собой рост количества зафиксированных нарушений. Так, по официальным данным, в 2024 г. количество нарушений, выявленных в рамках одной плановой проверки, увеличилось на 5,5 %. Наглядным подтверждением масштабности проблем является тот факт, что в Роспотребнадзор за 2024 г. поступило около 1 млн жалоб, при том что общее число субъектов предпринимательской деятельности в стране составляет порядка 2 млн. Между тем, исполняются лишь 2/3 судебных решений, вынесенных по искам потребителей. Это создает системную нагрузку на правоприменение и подталкивает предпринимателей к включению потенциальных убытков в себестоимость товаров и услуг. По мнению председателя организации по защите прав потребителей «Общественная потребительская инициатива» О. Павловой введение института личной ответственности участников и руководителей организаций затруднит практику переложения финансовых рисков на потребителя и будет способствовать повышению добросовестности участников оборота [10].

Наряду с изменениями в распределении ответственности, Единые правила дополняют перечень ситуаций, при которых на продавца возлагается обязанность организовать досудебную экспертизу. Помимо спора о причинах возникновения недостатков товара (ст. 18), продавец (изготовитель, поставщик, представитель, импортер, исполнитель) будет обязан провести за свой счет экспертизу также в ситуациях, когда спор связан с достоверностью информации о товаре (ст. 9). Это положение направлено на защиту права потребителя на получение достоверной информации о товаре и служит дополнительной гарантией в случае возникновения спора: обязанность продавца провести экспертизу за свой счет возлагает на него обязанность доказать соответствие предоставленной информации действительности. Это положение закона направлено на защиту прав потребителей и обеспечивает им дополнительные гарантии при возникновении конфликта.

Единые правила существенно расширяют сферу ответственности агрегаторов за информацию о продукции (ст. 9). Они обязывают такие платформы:

- обеспечивать соблюдение требований Единых правил продавцами товаров и исполнителями услуг, чьи предложения размещены на их платформах (ст. 8);
- предоставлять условия для размещения полной и достоверной информации о продукции и продавцах (ст. 9);

- принимать и обрабатывать претензии потребителей, адресованные продавцам и исполнителям услуг, представленных на их платформах, обеспечивать возврат денежных средств потребителю (ст. 9).

Вместе с тем, агрегатор не будет нести ответственность за убытки, причиненные потребителю вследствие предоставления ему недостоверной или неполной информации о продукции, в случае если агрегатор не изменял информацию о продукции, предоставленную продавцом (исполнителем) и содержащуюся в предложении о заключении договора купли-продажи (договора возмездного оказания услуг) (ст. 9). Речь идет об информации, которую продавцы вносят в карточку товара самостоятельно. Если же информация о продукции или продавце (исполнителе) предоставлена агрегатором, то он становится субъектом ответственности за убытки, причиненные покупателю. Так, например, если продавец самостоятельно разместил на маркетплейсе информацию о том, что товар произведен в Германии, а на деле он оказался изготовлен в Китае, агрегатор не будет нести ответственность при условии, что он не редактировал и не дополнял сведения, предоставленные продавцом. Однако если агрегатор самостоятельно указывает, что товар сертифицирован по европейским стандартам или, например, добавляет логотип «Сделано в Германии», ответственность за последствия введения потребителя в заблуждение ложится на него.

Таким образом, Единые правила закрепляют обязанность агрегаторов не только по обеспечению достоверности размещенных данных, но и по приему и обработке претензий, а также содействию в возврате денежных средств потребителям. В этом проявляется общая тенденция к ужесточению контроля за деятельностью посредников, чья роль в современном потребительском обороте неуклонно возрастает.

Отдельного анализа заслуживают положения Единых правил, касающиеся регулирования отношений, связанных с приобретением и использованием цифровых продуктов. В Единых правилах защите прав потребителей при покупке цифровых продуктов посвящена гл. 4. По смыслу Единых правил под цифровым продуктом понимается объект гражданских прав, зафиксированный с помощью цифровых технологий и предназначенный для реализации потребителям.

Важным представляется установление двухлетнего гарантийного срока на цифровой продукт с момента его приобретения (ст. 28). Правило распространяется также и на случаи, когда продавец не установил такой срок самостоятельно. Установление гарантийных сроков служит интересам, прежде всего, продавца, т. к. устранение недостатков товара за пределами этого срока, как правило, происходит на возмездной основе и является не обязанностью продавца, а его правом.

Одним из принципиальных отличий регулирования, предусмотренного Едиными правилами, от подходов, закрепленных в

российском законодательстве, является отсутствие ограничения размера неустойки стоимостью товара или услуги. В Законе о защите прав потребителей (п. 5 ст. 28) установлено, что сумма взыскиваемой с продавца неустойки (пени) не может превышать цену отдельного вида выполнения работы (оказания услуги) или общую цену заказа, если цена выполнения отдельного вида работы (оказания услуги) не определена договором о выполнении работы (оказании услуги). В Единых правилах такое ограничение не предусмотрено, но это вовсе не означает, что отсутствует механизм для ее уменьшения. Так, если подлежащая уплате сумма процентов явно несоразмерна последствиям нарушения обязательства, суд по заявлению ответчика вправе уменьшить предусмотренные договором проценты, но не менее чем до суммы, определенной исходя из ставки, указанной в п. 1 ст. 333 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [3].

Вместе с тем применение ст. 333 ГК РФ по делам о защите прав потребителей возможно в исключительных случаях и только по заявлению ответчика с обязательным указанием мотивов, по которым суд полагает, что уменьшение размера неустойки является допустимым [9]. Соответствующее разъяснение содержится в п. 34 постановления Пленума Верховного Суда от 28.06.2012 г. № 17. При этом заявительный для должника порядок уменьшения неустойки возможен только в отношении должника – коммерческой организации, индивидуального предпринимателя, а равно некоммерческой организации при осуществлении ею приносящей доход деятельности [8].

Данная позиция соотносится с конституционным правилом, предписывающим осуществлять свои права и свободы, не нарушая при этом прав и свобод других лиц (ч. 3 ст. 17 Конституции Российской Федерации). В этой связи у суда появляется обязанность установить баланс между применяемой к нарушителю мерой ответственности и оценкой действительного (а не возможного) размера ущерба [7].

Ограничение неустойки становится сферой активной позиции ответчика и судейского усмотрения. При этом снижение неустойки не должно влечь выгоду для недобросовестной стороны, особенно в отношениях коммерческих организаций с потребителями [8]. Закон не содержит исчерпывающего перечня оснований, позволяющих суду снизить размер неустойки, предоставляя ему широкие дискреционные полномочия. Однако, как разъяснил Верховный Суд Российской Федерации (далее – Верховный Суд РФ), недостаточность средств у должника не может рассматриваться в качестве обстоятельства, оправдывающего уменьшение его ответственности [8]. Подобная позиция обусловлена необходимостью обеспечения стабильности гражданского оборота и недопущения злоупотреблений со стороны недобросовестных участников правоотношений.

При этом отсутствует перечень оснований, которые могут учитываться судом при решении вопроса об уменьшении неустойки. Верховный Суд РФ отметил, что не может служить основанием для уменьшения неустойки сложное финансовое положение должника. Конституционный Суд Российской Федерации в рамках рассмотрения вопроса о возможности принятия жалобы на неконституционность ч. 1 ст. 333 ГК РФ применительно к нарушению прав потребителя указал, что доказательствами обоснованности размера неустойки могут служить, в частности, данные о среднем размере платы по краткосрочным кредитам на пополнение оборотных средств, выдаваемым кредитными организациями лицам, осуществляющим предпринимательскую деятельность, либо платы по краткосрочным кредитам, выдаваемым физическим лицам, в месте нахождения кредитора в период нарушения обязательства, а также о показателях инфляции за соответствующий период [6]. Таким образом, отсутствие верхнего предела взыскания за просрочку исполнения обязательств существенно расширяет возможности защиты потребителей. Вместе с тем это возлагает на судебные органы особую ответственность – необходимость соблюдать баланс между защитой прав потребителя и предотвращением злоупотреблений правом.

Подобные задачи по обеспечению баланса интересов сторон стоят и перед судебными органами в других правовых системах. В германском гражданском праве, как и в российском законодательстве, закреплён механизм судебного контроля за размером неустойки, направленный на устранение явной несоразмерности между последствиями нарушения обязательства и объемом ответственности должника. Вместе с тем обращение к зарубежному опыту требует учитывать особенности национальных моделей регулирования. В Германии защита прав потребителей не выделена в самостоятельный законодательный акт: соответствующие нормы интегрированы в структуру Гражданского кодекса (далее – BGB), в том числе положения, регулирующие куплю-продажу потребительских товаров (§§ 474–479 BGB) [12]. При этом указанные нормы не предусматривают специальной неустойки за несвоевременное исполнение требований потребителя: защита его прав осуществляется через традиционные механизмы расторжения договора, уменьшения цены и возмещения убытков. Взыскание неустойки допускается только при наличии специального соглашения сторон. В случае ее несоразмерности суд вправе уменьшить неустойку на основании § 343 BGB. Таким образом, германский опыт демонстрирует ориентацию на соразмерное возмещение убытков и ограниченное применение договорной неустойки, которая допускается только при наличии специального соглашения сторон и может быть уменьшена судом в случае явной несоразмерности.

Российская модель, напротив, традиционно использует дополнительные меры стимулирования добровольного исполнения требований потребителей, что отражается, в частности, в установлении специального штрафа за отказ в добровольном удовлетворении их требований. Эта мера, направленная на усиление защиты прав потребителей, присутствовала в Законе о защите прав потребителей и сохранена в Единых правилах, что свидетельствует о преемственности законодательных подходов. Дополнительно, в Единых правилах расширен перечень случаев, когда может быть взыскана неустойка. Теперь потребители могут требовать неустойку также за несвоевременную передачу цифровых продуктов.

Таблица – Сравнительная таблица оснований начисления неустойки

Основания начисления неустойки	Закон о защите прав потребителей	Единые правила Союзного государства
Просрочка доставки предварительно оплаченного товара	Начисляется в размере 0,5% за каждый день просрочки, но не более стоимости товара (ст. 23.1)	Начисляется в размере 0,5% за каждый день просрочки, без ограничения общей суммы взыскания (ст. 25)
Нарушение сроков гарантийного ремонта	Неустойка в размере 1% цены товара за каждый день просрочки (ст. 23)	Неустойка в размере 1% цены товара за каждый день просрочки (ст. 24)
Нарушение сроков возврата денег при возврате товара	Неустойка в размере 1% цены товара за каждый день просрочки (ст. 23)	Неустойка в размере 1% цены товара за каждый день просрочки (ст. 24)
Нарушение условий предоставления цифровых товаров	–	Неустойка за нарушение срока передачи цифрового продукта в размере 1% суммы предварительной оплаты за каждый день просрочки (ст. 46, п. 3)

Особое внимание заслуживает норма п. 5 ст. 9 Единых правил, вводящая обязанность продавца (или иного уполномоченного лица) провести за свой счет экспертизу достоверности информации о товаре в случае возникновения спора с потребителем. Ранее в российском законодательстве подобное требование распространялось исключительно на споры, касающиеся причин возникновения недостатков продукции, в то время как вопросы, связанные с достоверностью представленных сведений о товаре, надлежащим образом не регламентировались. Таким образом, Единые правила

восполняют пробел в регулировании, закрепляя дополнительную гарантию информационной защиты потребителя.

Вместе с тем, на момент вступления Единых правил в силу отсутствует утвержденная методология проведения такой экспертизы, что создает риски неоднородного правоприменения и повышает вероятность злоупотреблений, как со стороны недобросовестных потребителей, так и со стороны продавцов. В сложившихся условиях требуется разработка разъяснений, определяющих стандарты проведения экспертизы достоверности информации о продукции, а также механизм участия потребителя в этой процедуре

Таким образом, проведенное сопоставление российской модели защиты прав потребителей и регулирования, предусмотренного Едиными правилами Союзного государства, свидетельствует о стремлении к созданию более справедливых условий для потребителей, усилению ответственности бизнеса и сближению правовых подходов России и Беларуси. Эффективность предложенных изменений будет во многом зависеть от правоприменительной практики и способности государственных институтов обеспечить баланс интересов всех участников рыночных отношений. В перспективе дальнейшая гармонизация российского законодательства с наднациональными нормами может способствовать укреплению потребительской защиты и развитию общего правового пространства Союзного государства.

Следует отметить, что помимо приведения национального законодательства в соответствие с Едиными правилами Союзного государства, в Российской Федерации продолжается самостоятельное развитие механизма защиты прав потребителей. В частности, 07.04.2025 г. был принят Федеральный закон № 69-ФЗ, направленный на усиление защиты потребителей от навязывания дополнительных товаров, работ и услуг [4]. При этом данные вопросы в Единых правилах Союзного государства прямо не урегулированы.

Список литературы

1. Договор «О создании Союзного государства» (Москва, 08.12.1999 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Декрет Высшего Государственного Совета Союзного государства от 06.12.2024 г. № 6 «О единых правилах в области защиты прав потребителей» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон от 07.04.2025 г. № 69-ФЗ «О внесении изменений в статью 16 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Закон от 07.02.1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Определение Конституционного Суда РФ от 29.05.2018 г. № 1186-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Хмеля Виктора Владимировича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации и пунктом 1 части 3 статьи 5 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

7. Определение Конституционного Суда РФ от 21.12.2000 г. № 263-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Наговицына Юрия Александровича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // СПС «КонсультантПлюс».

9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» // СПС «КонсультантПлюс».

10. Единые правила Союзного государства в области защиты прав потребителей – новая правовая реальность // XIII Петербургский международный юридический форум [Электронный ресурс]. URL: <https://legalforum.info/programme/business-programme/7737/> (дата обращения: 25.05.2025).

11. Единые правила в области защиты прав потребителей [Электронный ресурс]. URL: https://44.rospotrebnadzor.ru/osnovnye_napravlenij/zacshita_prav_potreb/6475/?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 20.02.2025).

12. Bürgerliches Gesetzbuch (BGB), verkündet am 18. August 1896 (RGBl. S. 195), in Kraft getreten am 1. Januar 1900 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/> (дата обращения: 20.02.2025).

Об авторе:

ЛЮБОВЕНКО Елена Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33), ORCID: 0000-0003-2215-6447, SPIN-код: 1744-9642, e-mail: Lyubovenko.ES@tversu.ru

On the correlation between russian legislation and the Unified rules of the Union state in the sphere of consumer protection

E.S. Lyubovenko

Tver State University, Tver

The article analyzes the correlation between Russian consumer protection legislation and the Unified Rules of the Union State, which entered into force in 2024. It examines the purpose and structure of the Unified Rules and their differences from the Law of the Russian Federation of February 7, 1992 No. 2300-1 “On Consumer Protection.” Special attention is given to the

redistribution of liability, the protection of consumer rights in digital product transactions, the expanded responsibilities of aggregators, and the specifics of penalty accrual and recovery. The study concludes that the Unified Rules aim to harmonize legal approaches between Russia and Belarus and to enhance the overall level of consumer protection within the Union State.

Keywords: *consumer protection, Union State, Unified Rules, penalty, information aggregator, marketplace, digital product, judicial practice, legislation, regulation.*

About author:

LYUBOVENKO Elena – PhD in Law, Associate Professor of the Department of theory of law of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova st., 33), ORCID: 0000-0003-2215-6447, SPIN-код: 1744-9642, e-mail: Lyubovenko.ES@tversu.ru

Любовенко Е.С. К вопросу о соотношении российского законодательства и Единых правил Союзного государства в сфере защиты прав потребителей // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 2 (82). С. 210–220.

Статья поступила в редакцию 25.05.2025 г.

Подписана в печать 16.06.2025 г.

Концепция пробации в отношении несовершеннолетних в российском и зарубежных законодательствах

М.Г. Фролов

ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет», г. Смоленск

В статье в сравнительном аспекте исследованы концептуальные подходы отечественного и зарубежных законодателей к феномену пробации. Целью исследования является выявление особенностей нормативно-правового обеспечения мер пробации и практики их реализации в отношении несовершеннолетних. На достижение поставленной цели направлено решение двух взаимосвязанных научно-теоретических задач: изучение опыта конструирования и реализации норм, регламентирующих пробацию за рубежом, и соотнесение его с отечественной моделью пробации для выявления перспектив совершенствования отечественного института пробации. В ходе исследования использованы сравнительно-правовой и формально-логические методы. На основе сравнительного анализа норм Федерального закона «О пробации в Российской Федерации» и законодательств зарубежных стран выявлены сходства и различия в теоретическом обосновании института пробации в отношении несовершеннолетних. Представлено авторское видение места пробации в предупреждении рецидива преступлений, совершаемых несовершеннолетними. Внесены предложения по совершенствованию правового и организационного обеспечения пробации в отношении несовершеннолетних.

Ключевые слова: *пробация, несовершеннолетний преступник, уголовная ответственность, преступление, наказание, рецидив, ресоциализация.*

Федеральным законом от 06.02.2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации», вступившим в силу с 1 января 2024 г. [1], введен новый правовой институт пробации. В соответствии с Законом основной целью пробации является помощь осужденным и предупреждение рецидива преступлений. Для достижения этой цели Законом предусмотрены мероприятия профилактического характера в отношении трех категорий лиц: осужденных к наказаниям без изоляции от общества (исполнительная пробация); отбывающих наказания, связанные с изоляцией от общества (пенитенциарная пробация); освобожденных из пенитенциарных учреждений и оказавшихся в трудной жизненной ситуации (постпенитенциарная пробация). Введение в правовую систему РФ института пробации в отношении несовершеннолетних правонарушителей планировалось в начале текущего столетия в соответствии с национальным планом действий в интересах детей, закрепленным в Указе Президента РФ от 14.09.1995 г. № 942 [5].

Формирование этого правового института предполагало создание специальных судов для рассмотрения дел с участием несовершеннолетних (ювенальных судов). Однако проект ФКЗ № 38948-З «О внесении дополнений в ФКЗ "О судебной системе РФ"», включавший положения о создании ювенальных судов, был отклонен Государственной Думой, что свело на нет перспективы введения в отечественную правовую систему института probation в отношении несовершеннолетних. Несмотря на отсутствие самостоятельного института probation, в рамках уголовного и уголовно-исполнительного законодательства РФ функционировал механизм ресоциализации и социальной адаптации несовершеннолетних правонарушителей, который регламентировался нормами Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) и Уголовно-исполнительного кодекса РФ (далее – УИК РФ) о назначении и исполнении уголовных наказаний, а также Федеральным законом от 24.06.1999 г. № 120 «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [2]. Так, например, нормы гл. 14 УК РФ [3], регламентирующие содержание и применение принудительных мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних (ст. 90, 91), по сути ориентированы на исправление несовершеннолетнего правонарушителя без изоляции от общества. Нормы гл. 17 УИК РФ [4], регламентирующие исполнение наказания в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних, определяющие обычные, облегченные и льготные условия отбывания наказания, обуславливают соответствие режима отбывания наказания степени исправления, что отвечает целям и принципам probation. Нормы ФЗ от 24.06.1999 г. № 120 закрепляют обязанность субъектов системы профилактики правонарушений оказывать помощь подросткам, попавшим в трудную жизненную ситуацию. Таким образом, до принятия ФЗ «О probation в Российской Федерации» отечественным законодательством предусматривался целый комплекс мер правового и социального характера в отношении несовершеннолетних правонарушителей, которые в настоящее время должны реализовываться в рамках института probation.

Разрабатывая закон «О probation в Российской Федерации», законодатель использовал не только отечественную практику применения различных мер исправительного воздействия на правонарушителей, но и зарубежный опыт правового регулирования в данной сфере общественных отношений. Процесс возникновения probation в качестве самостоятельного правового института в странах Европы был обусловлен развитием концепции условного осуждения, предусматривающей возможность исправления лица без реального отбывания наказания в виде изоляции от общества. Достаточно мощным катализатором этого процесса явилось появление в конце XIX в. самостоятельной науки криминологии, в предмет которой отдельным

разделом вошло учение о личности преступника. Однако доминирование в криминологической науке биологического подхода к исследованию личности преступника, сторонники которого (Ч. Ломброзо, Э. Ферри, Р. Гарофало и др.) связывали преступное поведение с наследственными факторами, не способствовало распространению альтернативных лишению свободы мер ресоциального воздействия на лиц, совершивших преступления. Напротив, распространение социологического направления в криминологии в начале XX в. (А. Принс, Э. Дюркгейм, Р. Мертон и др.) благоприятствовало утверждению иного подхода к объяснению причин преступного поведения и послужило импульсом для формирования принципиально иной концепции исправительного воздействия на лиц, впервые совершивших нетяжкие преступления, которая предусматривала переориентацию асоциальной направленности личности, ее приспособление к законопослушному поведению без изоляции от общества – пробации (уголовной опеки, уголовного надзора). Службы пробации в западных правовых системах формировались вне пенитенциарных систем. В большинстве стран Европы, в США и Канаде в структуре служб пробации обязательно имелась специализация по осуществлению уголовной опеки в отношении несовершеннолетних [13, с. 74].

В Великобритании институт пробации появился в начале прошлого века, когда к каждому третьему преступнику стали применяться меры, альтернативные лишению свободы [17, с. 51]. В настоящее время при назначении наказаний, не связанных с изоляцией от общества, и условном осуждении длительность применения мер пробации (надзора) может составлять от 1 года до 3 лет. Вывод о возможности применения пробации (установления надзора) делается службой пробации на основе социально-психологического исследования личности правонарушителя. При этом сотрудниками службы пробации учитывается виктимологическая составляющая оставления преступника на свободе, связанная с обеспокоенностью жертв преступления [15]. Кроме того, служба пробации может выступать в качестве участника процедуры медиации [12, с. 15]. Организационно Национальная служба пробации Великобритании находится в ведении Министерства внутренних дел.

В США служба пробации структурно находится в судебной системе. Институт пробации рассматривается как совокупность мер, альтернативных наказанию в виде лишения свободы. Доля преступников, к которым применяются меры пробации, составляет 60–65 %, более половины из них – лица, совершившие преступления в несовершеннолетнем возрасте [11]. Форма надзора за лицами, находящимися под пробацией, определяется характеристикой личности правонарушителя. Это может быть интенсивный надзор с использованием технических средств, длительность которого варьируется от 1 года до 5 лет, и менее интенсивный надзор в виде

«почтовой» или «телефонной» пробации, предусматривающей периодическую отчетность поднадзорного перед службой пробации по почте или по телефону. Распространенность применения пробации в США во многом определяется экономическими соображениями: расходы на содержание осужденного в местах изоляции от общества в 20 раз превышают затраты на реализацию мер пробации [11]. По данным американских исследований доля преступлений, совершаемых лицами, находящимися под пробацией, не превышает 6 % [22, р. 201].

В ФРГ применение пробации в отношении несовершеннолетних правонарушителей осуществляется непосредственно ювенальным судьей при назначении ареста. В соответствии с законодательством ФРГ [21] арест может выступать в качестве меры пресечения, вида наказания для всех категорий правонарушителей и меры пробации для несовершеннолетних (14–18 лет), а также молодых преступников (19–21 лет) в случаях, когда их умственное развитие и мотивы преступного поведения соответствуют подростковому возрасту. Арест, применяемый в качестве меры пробации (Freizeitarrest), не отражается в федеральном уголовном реестре, но фиксируется в реестре правонарушений, совершаемых несовершеннолетними. В рамках пробации арест может применяться в период праздничных или выходных дней. Его продолжительность составляет не более двух суток, в течение которых несовершеннолетний находится в одиночной камере при ювенальном суде, где он должен осмыслить суть своего противоправного поведения. Ювенальный судья может предложить несовершеннолетнему прочесть книгу со сложным моральным выбором и отразить ее содержание в кратком эссе. Оценивая поведение подростка в период ареста (характер допущенных нарушений режима), а также выводы, содержащиеся в эссе, судья принимает решение о целесообразности или нецелесообразности дальнейшего применения мер пробации в отношении правонарушителя [18, с. 28]. Законодательством ФРГ [21] предусмотрены и более длительные сроки пробации для несовершеннолетних – краткосрочный арест (Kurzarrest) и долгосрочный арест (Dauerarrest). Продолжительность краткосрочного ареста составляет четверо суток. Он применяется в период каникул или отпуска и отбывается в специальных арестных домах для несовершеннолетних правонарушителей. Долгосрочный арест может длиться от одной до четырех недель. Данный вид ареста применяется в случае совершения подростком достаточно серьезных правонарушений (причинения телесных повреждений, кражи, управления транспортом в состоянии алкогольного опьянения и др.). Долгосрочный арест позволяет вывести подростка из-под негативного влияния микросреды и реализовать комплекс воспитательных мероприятий с применением различных психологических и социально-психологических программ.

Службы пробации в странах Скандинавии структурно принадлежат «тюремным» ведомствам. В Швеции это служба тюрем и пробации, в Дании – служба тюрем и надзора, в Финляндии – служба по уголовному надзору Агентства уголовных наказаний [20]. Поднадзорным контингентом в этих странах являются осужденные к общественным работам, условно осужденные и освобожденные от отбывания наказания. Отдельной категорией лиц, охватываемых мерами пробации, являются несовершеннолетние правонарушители, в отношении которых реализуется особая социальная поддержка. На постсоветском пространстве скандинавская модель пробации успешно реализуется в Эстонии, где в составе Министерства юстиции создана служба по уголовному надзору [16, с. 200–203].

В Японии, где режим исполнения наказания в виде лишения свободы характеризуется особой строгостью, отсрочка исполнения приговора и назначаемые меры пробации (защитный надзор) рассматриваются как возможность проведения коррекции поведения преступника через самопознание и медитацию [14, с. 280]. Меры надзора могут назначаться несовершеннолетним правонарушителям, женщинам, занимающимся проституцией, а также лицам, осужденным с отсрочкой. Особенностью японской службы пробации является активное участие волонтеров в осуществлении надзорных мероприятий, среди которых могут быть члены семьи правонарушителя. В известной степени это обусловлено высокой степенью ответственности семьи (родственников) за каждого из сородичей. Поручительство за члена семьи со стороны родственников выступает надежной гарантией соблюдения установленных мер надзора.

На постсоветском пространстве институт пробации впервые появился в 2016 г. в Республике Казахстан (далее – РК) [8]. В казахстанской модели предусмотрены досудебная, приговорная, пенитенциарная и постпенитенциарная пробация. Структурно служба пробации в РК входит в уголовно-исполнительную систему. Выделяя две самостоятельные формы пробации для лиц, осуждаемых к наказаниям, не связанным с лишением свободы (досудебная пробация), и осуждаемых условно (приговорная пробация), казахстанский законодатель отталкивается от особенностей личности подозреваемого (обвиняемого). В частности, досудебная пробация может устанавливаться на добровольной основе в отношении лиц, относящихся к «уязвимым группам населения»: несовершеннолетним, инвалидам, беременным женщинам, пенсионерам, одиноким родителям, воспитывающим детей в возрасте до трех лет. Однако в случае применения к этим категориям лиц меры пресечения в виде домашнего ареста или содержания под стражей, данная форма пробации не используется. При решении вопроса о применении пробации в отношении несовершеннолетнего является обязательным выяснение обстоятельств совершения преступления, исследование особенностей личности с учетом информации, полученной

в ходе бесед с родственниками, соседями, учителями и составление психологического портрета.

Развернутое определение пробации дается в ст. 2 Закона Республики Молдова от 14.02.2008 г. № 8-XVI «О пробации», в которой под пробацией понимается психосоциальная оценка и контроль лиц, находящихся в конфликте с уголовным законом, их ресоциализация, а также адаптация лиц, освобожденных из мест лишения свободы, с целью предупреждения совершения или новых преступлений [10]. Молдавский законодатель выделяет четыре вида пробации: досудебную, коммунитарную приговорную, пенитенциарную, постпенитенциарную. В соответствии со ст. 90 Уголовным кодексом Республики Молдова (далее – УК Республики Молдова) решение о применении мер коммунитарной приговорной пробации может быть принято судом в случае условного осуждения лица к лишению свободы на срок не более 7 лет [9]. Этот вид пробации предполагает соблюдение условно осужденным установленных судом ограничений, в том числе выполнение обязанности по возмещению причиненного ущерба. В соответствии с ч. 1 ст. 90.1 УК Республики Молдова, предусматривающей возможность приостановления наказания в виде лишения свободы, в приговоре суда наказание разделяется на две части: одна часть отбывается в местах лишения свободы, а оставшаяся часть составляет срок пробации, в период которого происходит приостановление реального исполнения наказания. Если в течение пробации лицо совершает тяжкое умышленное преступление, то суд отменяет пробацию и назначает наказание по правилу совокупности приговоров. При совершении лицом неосторожного преступления или нетяжкого умышленного преступления вопрос об отмене или сохранении пробации решается судом на основании ходатайства органа, осуществляющего надзор за поведением осужденного.

В законе «О пробации в Российской Федерации» достаточно широко использован опыт, накопленный в данной сфере общественных отношений за рубежом. В частности, многие положения законодательства о пробации Республики Казахстан были использованы российским законодателем, однако в отношении лиц, осужденных к наказаниям без изоляции от общества, осужденных условно или с отсрочкой исполнения наказания, в Законе предусмотрена единая форма пробации – исполнительная, без выделения категорий населения, требующих особой заботы и поддержки со стороны государства, в том числе несовершеннолетних, одиноких родителей, лиц преклонного возраста и других «уязвимых» слоев населения, что, по нашему мнению, является определенным пробелом в Законе.

Реализации Закона «О пробации в РФ» в части применения мер пенитенциарной пробации в известной степени препятствует принцип коллективного (отрядного) размещения осужденных в исправительных

колониях. В соответствии с проектом перестройки пенитенциарных учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы, запланированной на 2010–2020 гг. [6], все исправительные и воспитательные колонии Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации (далее – ФСИН РФ) должны были быть реорганизованы в учреждения тюремного типа с покамерным размещением осужденных. Однако, в силу ряда объективных и субъективных причин, задачи, поставленные в Концепции, не были реализованы. Несомненно, применение коллективного (отрядного) принципа размещения спецконтингента в жилой зоне снижает эффективность индивидуальной профилактической работы с лицами, ставшими на путь исправления, и потенциал мер пенитенциарной probation.

Положительный опыт в организации пенитенциарной probation в отношении несовершеннолетних накоплен пенитенциариями стран Европы. В частности, в ФРГ все пенитенциарные учреждения для несовершеннолетних преступников организованы исходя из принципа одиночного размещения осужденных в ночное время. Каждому осужденному отведена отдельная камера, оборудованная в соответствии со стандартами, предусмотренными Европейскими пенитенциарными правилами [7]. В камере имеется деревянная кровать, письменный стол, настольная лампа, шкаф для одежды и обуви, полка для книг. В дневное время осужденные заняты обучением в рамках общеобразовательных и профессиональных программ [19, с. 66]. Программой ресоциализации осужденных предусматривается не только получение общего образования и рабочей профессии (сварщика, каменщика, слесаря и др.), проведение воспитательных и спортивных мероприятий, но и установление тесных связей с семьей. Внутренним распорядком тюрьмы предусмотрены регулярные выезды осужденных, не имеющих нарушений порядка отбывания наказания, к месту проживания родственников на выходные дни (отъезд вечером в пятницу, прибытие утром в понедельник). Рациональное расположение пенитенциарных учреждений для несовершеннолетних в пределах федеральных земель Германии позволяет осужденному затрачивать на проезд не более 2-3 часов. Таким образом, программой probation предусматривается постоянное непосредственное общение подростков с родителями. Штатным расписанием тюрьмы для несовершеннолетних предусмотрены должности неаттестованных сотрудников: воспитателей-психологов, учителей, мастеров производственного обучения, медицинского персонала и др., что, по мнению немецких пенитенциариев, способствует установлению более доверительных отношений между несовершеннолетними и администрацией тюрьмы (аттестованный состав работников тюрьмы задействован сугубо в сферах охраны и внутренней безопасности). В целях решения задач

ресоциализации в распорядке дня тюрьмы предусматривается проведение спортивных мероприятий (соревнования по волейболу, футболу и пр.), проводимых с участием команд, состоящих из осужденных и представителей администрации.

Таким образом, анализ зарубежного опыта в сфере правового регулирования и практики пробации в отношении несовершеннолетних показал, что перспективными направлениями в реализации отечественного варианта пробации являются: во-первых, проведение реорганизации пенитенциарной системы РФ, исходя из принципа покамерного размещения осужденных с учетом особенностей их личности и психологической совместимости; во-вторых, внесение в систему наказаний, назначаемых несовершеннолетним (ч. 1 ст. 88 УК РФ), краткосрочного ареста, предусматривающего возможность изоляции несовершеннолетнего на краткие сроки, не более 30 суток; в-третьих, создание учреждений для исполнения краткосрочного ареста (арестных домов для несовершеннолетних) и закрепление за ними функции по реализации специализированных мер пробации; в-четвертых, в целях повышения эффективности процесса ресоциализации несовершеннолетних, отбывающих наказание в виде лишения свободы, создание пенитенциарных учреждений, исполняющих данный вид наказания в пределах каждого субъекта РФ.

Список литературы

1. Федеральный закон от 06.02.2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» // Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/documents/2023/02/09/probacia.html> (дата обращения: 30.10.2024).
2. Федеральный закон от 24.06.1999 г. № 120 «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Уголовный кодекс Российской Федерации. М.: Эксмо, 2024. 288 с.
4. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации. М.: Проспект, 2024. 96 с.
5. Указ Президента РФ от 14.09.1995 г. № 942 «Об утверждении Основных направлений государственной социальной политики по улучшению положения детей в РФ до 2000 года» (Национального плана действий в интересах детей). СПС «КонсультантПлюс».
6. Постановление Правительства Российской Федерации от 10.10.2010 г. № 1772-р «О концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г.» // Российская газета. 2010. 13 октября.
7. Европейские пенитенциарные правила // Бюллетень Европейского Суда по правам человека № 8/2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901732870> (дата обращения: 25.10.2024).
8. Закон Республики Казахстан от 30.12.2016 г. № 38 «О пробации» // Законодательство стран СНГ [Электронный ресурс]. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=92581 (дата обращения: 25.10.2024).

9. Уголовный кодекс Республики Молдова [Электронный ресурс]. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30394923 (дата обращения: 30.10.2024).
10. Закон Республики Молдова от 14.02.2008 г. № 8-XVI «О пробации» // Законодательство стран СНГ [Электронный ресурс]. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=23551 (дата обращения: 25.10.2024).
11. Аккулев А.Ш. Отдельные вопросы пробации // Вестник Евразийского гуманитарного института. 2010. № 4. С. 41–47.
12. Быков А.Б., Пертли Л.Ф. Психологическая коррекция противоправного поведения осужденных службой пробации Великобритании // Юридическая психология. 2015. № 2. С. 13–15.
13. Воронова Е.Л. Служба пробации для несовершеннолетних в России // Пенитенциарная наука. 2011. № 13. С. 72–77.
14. Иншаков С.М. Зарубежная криминология. М.: Норма, Инфра-М. 1997. 383 с.
15. Ривз Х. Великобритания: забота о пострадавших // Преступление и наказание 1993. № 5. С. 45–50.
16. Тимофеев М. Обзор законодательства скандинавских и балтийских стран по службе пробации (уголовному надзору). Спб., 2005. 224 с.
17. Тыныбеков Н.Т. Практика применения пробации в зарубежных странах // Юридическая наука. 2019. № 5. С. 51–55.
18. Фролов М.Г. Ювенальные технологии: исторический опыт, реалии и перспективы // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2021. № 3 (67). С. 22–29.
19. Фролов М.Г. Реформа уголовно-исполнительной системы: концептуальные положения и реалии // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2023. № 3 (75). С. 65–71.
20. Шатанкова Е.Н. Условное осуждение и пробация за рубежом: сравнительно-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 25 с.
21. Jugendgerichtsgesetz / Juris GmbH Juristisches Informationssystem für die BRD. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/jgg> (дата обращения: 25.10.2024)
22. Robinson M.B. Justice Blind? Ideals and Realities of American Criminal Justice. NJ: Prentice Hall, 2002. 540 p.

Об авторе:

ФРОЛОВ Михаил Григорьевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент Смоленского государственного университета (214000, г. Смоленск, ул. Пржевальского, 4), SPIN-код: 3237-5534, AuthorID: 742141, e-mail: michailfroloff@mail.ru

The concept of probation for minors in russian and foreign legislation

M.G. Frolov

Smolensk State University, Smolensk

The article examines in a comparative aspect the conceptual approaches of domestic and foreign legislators to the phenomenon of probation. The purpose of the study is to identify the features of the legal framework for probation measures and the practice of their implementation in relation to minors. The solution to two interrelated scientific and theoretical problems is aimed at achieving this goal - studying the experience of designing and implementing norms regulating probation abroad, and correlating it with the domestic probation model to identify prospects for improving the domestic probation institution. During the study, comparative legal and formal logical methods were used. Based on a comparative analysis of the norms of the Federal Law "On Probation in the Russian Federation" and the legislation of foreign countries, similarities and differences in the theoretical justification of the institution of probation for minors were identified. The author's vision of the place of probation in preventing the relapse of crimes committed by minors is presented. Proposals have been made to improve the legal and organizational support for probation for minors.

Keywords: *probation, juvenile offender, criminal liability, crime, punishment, relapse, resocialization.*

About author:

FROLOV Mikhail - PhD in Law, Associate Professor of Smolensk State University (4 Przhevalsky St., Smolensk, 214000), SPIN-code: 3237-5534, AuthorID: 742141, e-mail: michailfroloff@mail.ru

Фролов М.Г. Концепция пробации в отношении несовершеннолетних в российском и зарубежных законодательствах // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 2 (82). С. 221–230.

Статья поступила в редакцию 08.11.2024 г.

Подписана в печать 16.06.2025 г.

О некоторых аспектах ресоциализации лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы

В.В. Харитошкин, Н.О. Огаркова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Ресоциализация – это процесс восстановления индивида в качестве социализированного члена общества, осуществляемый на основе применения комплекса правовых, организационных, психолого-педагогических, воспитательных и иных мер воздействия с целью недопущения повторного совершения противоправных деяний. В статье рассматривается ряд проблемных вопросов ресоциализации осужденных к лишению свободы, проблемы социализации осужденных после отбытия наказания, а также меры совершенствования процесса социальной адаптации лиц, освободившихся или готовящихся к освобождению из мест заключения.

Ключевые слова: ресоциализация и социальная адаптация осужденных, профилактика преступлений, система probation.

Ежегодно в России из мест лишения свободы освобождаются тысячи мужчин и женщин. Трудности, с которыми встречаются эти люди после своего освобождения, самым негативным образом отражаются как на них самих, так и на обществе в целом. Существующие на сегодняшний день меры ресоциализации бывших заключенных не решают в должной мере задачу возвращения указанных лиц к законопослушному образу жизни. Между тем, в соответствии с действующим законодательством, осужденные, отбывшие наказание, имеют право рассчитывать на помощь в трудоустройстве, социальном обслуживании, медицинской помощи, обеспечении жильем и восстановлении семейных связей.

Для большинства осужденных к лишению свободы освобождение из мест отбывания наказания является желанной целью. В тоже время, многие из них при приближении этого события испытывают определенный психологический дискомфорт, а порой и серьезный нервный стресс, что вполне объяснимо. По мнению психологов, нахождение в местах заключения особенно продолжительное время, физическая изоляция от общества, ограничение в духовной и информационной сферах, безусловно, сказываются на психологическом состоянии человека. Кроме того, в процессе отбывания наказания в виде лишения свободы, в силу специфики режимных требований осужденные нередко утрачивают самостоятельность в решении повседневных бытовых вопросов, что после освобождения создает для них немало серьезных психологических проблем. Специалисты отмечают, что у многих лиц после освобождения из мест заключения проявляется ряд

характерных особенностей, свидетельствующих об их определенной социальной деформации. Среди таких особенностей можно выделить отсутствие необходимых навыков выстраивать отношения с людьми, неумение правильно определять линию поведения с окружающими и законным образом обеспечивать свои физические и духовные потребности, нежелание соблюдать общепринятые в обществе правовые и нравственные нормы [6, с. 99].

Учитывая все эти обстоятельства, действующее законодательство содержит ряд правовых норм, принятых в целях скорейшей ресоциализации и социальной адаптации в обществе лиц, освобожденных из мест лишения свободы. В широком понимании предусмотренные меры представляют собой определенный процесс приспособления и привыкания человека к соблюдению соответствующих требований и правил общежития. Главная задача данного процесса состоит в том, чтобы подготовить осужденного, освобождаемого из мест заключения, к жизни на свободе, необходимости следовать принятым в обществе определенным нормам и правилам поведения. Все это должно помочь осужденному в приобретении соответствующих навыков с тем, чтобы быстрее адаптироваться к новым условиям жизни на свободе, а в перспективе стать основой для восстановления соответствующего объема функций нормального члена общества.

Процесс подготовки к освобождению от наказания протекает в течение всего срока нахождения осужденного в местах лишения свободы. В ходе его реализации решаются следующие задачи: получение осужденным новых профессий и специальностей, необходимых трудовых навыков, повышение общего и специального образования, что в перспективе должно помочь осужденному в организации его жизни на свободе.

Находясь в местах лишения свободы, осужденные в соответствии с действующим законодательством имеют право на краткосрочные и длительные свидания, краткосрочные выезды за пределы мест заключения, получение посылок, передач и бандеролей. Все это позволяет сохранять полезные социальные связи и поддерживать нормальные отношения со своими близкими. Создание благоприятных условий для ресоциализации осужденных с широким привлечением к этой деятельности членов семьи, родственников и друзей, представителей бывшего трудового или учебного коллектива, общественных формирований, правозащитных организаций, средств массовой информации позволяет обеспечить полную реализацию прав осужденных, а также эффективно влияет на их социальную адаптацию к условиям жизни на свободе [7, с. 107–110].

В свою очередь, на исправительные учреждения возлагается обязанность проведения необходимых воспитательных и

организационных мероприятий с осужденными для получения ими соответствующих навыков поведения и коммуникации в обществе. Кроме того в обязанности администрации исправительных учреждений входит и решение существующих проблем осужденных перед выходом их на свободу. Данная работа проводится не позднее чем за шесть месяцев до истечения срока наказания, а что касается осужденных к лишению свободы на срок до шести месяцев – после вступления приговора в законную силу. В это время администрация исправительного учреждения обязана уведомить органы местного самоуправления и Федеральную службу занятости по избранному осужденным месту жительства о его предстоящем освобождении, имеется ли у него жилье, его трудоспособности, а также о наличии у него образования и специальности.

Как показывает практика для лиц, вернувшихся из мест лишения свободы, наиболее насущной по-прежнему остается помощь в их бытовом и трудовом устройстве. Не секрет, что некоторые работодатели подчас отказывают бывшим осужденным в трудоустройстве по причине имеющейся у них судимости, либо недостаточной квалификации или иных причин, как объективных, так и надуманных. Все это вполне может спровоцировать совершение новых преступлений со стороны лиц, освободившихся из мест заключения.

Учитывая все эти обстоятельства, для решения проблемных вопросов трудового и бытового устройства после освобождения, осужденному в соответствии с действующим законодательством может быть предоставлен краткосрочный выезд за пределы мест лишения свободы продолжительностью до семи суток. Разрешение на выезд выдается начальником исправительного учреждения с учетом характера и тяжести совершенного преступления, отбытого срока наказания, личности и поведения осужденного. При этом материальные затраты связанные с выездом за пределы исправительного учреждения осужденный компенсирует из собственных средств.

Вместе с тем, учитывая повышенную общественную опасность определенных категорий осужденных, такой краткосрочный выезд за пределы мест лишения свободы им не предоставляется. Это относится к лицам: а) при особо опасном рецидиве; б) осужденным, которым смертная казнь заменена лишением свободы; в) осужденным к пожизненному лишению свободы; г) осужденным больным открытой формой туберкулеза; д) осужденным, не прошедшим полного курса лечения венерического заболевания, алкоголизма, токсикомании или наркомании; е) ВИЧ-инфицированным; ж) при проведении противоэпидемических мероприятий.

Как показывают социологические исследования, многие осужденные после освобождения хотели бы вернуться на прежнее место жительства. Однако далеко не все уверены, что за время отбывания

наказания за ними сохранилось их жилье либо право на него. В данном случае администрация исправительного учреждения должна принять меры с тем, чтобы получить соответствующие сведения местных органов власти о наличии жилья у осужденного и имеет ли он право на проживание в нем. В отличие от советского действующее российское законодательство сохраняет за осужденным право на жилье независимо от срока лишения свободы. Кроме того, в период нахождения в местах лишения свободы осужденные имеют возможность приватизировать свою жилплощадь с согласия всех проживающих там членов семьи. Если жилплощадь у осужденного вообще отсутствует, то он может подать заявление о постановке на учет для ее получения.

В практике встречаются ситуации, когда местные органы власти либо «забывают» или просто не желают предоставлять жилье бывшему осужденному. В таких случаях все эти вопросы должны решаться путем обращения в органы прокуратуры или суд.

Известно, что пребывание в местах заключения нередко негативно отражается на состоянии здоровья человека, что также может препятствовать бытовому устройству лиц, освободившихся из мест лишения свободы. В этой связи, осужденные инвалиды I и II групп, а равно как и мужчины старше 60-ти и женщины старше 55-ти лет по их просьбе могут быть направлены в дома инвалидов и престарелых. Лица, проходившие лечение в период отбывания наказания, в соответствии действующим законодательством с их личного согласия могут передать документы для рассмотрения вопроса о дальнейшем лечении или направлении в психоневрологическое учреждение социального обеспечения, а в отношении лиц, страдающих расстройством сексуального характера, соответствующие заключения передаются в уголовно-исполнительную инспекцию по месту их жительства.

Для решения проблем социальной и профессиональной адаптации лиц, освободившихся из мест лишения свободы, в ряде регионов приняты целевые программы социальной реабилитации граждан, отбывших уголовное наказание в виде лишения свободы. Их основной задачей является объединение усилий всех заинтересованных служб и ведомств, а также принятие мер, направленных на оказание социальной и правовой помощи гражданам отбывшим уголовное наказание в местах лишения свободы [5, с. 4].

Вместе с тем, можно отметить ряд типичных проблем социализации осужденных после отбывания наказания в виде лишения свободы. Так нередко руководители органов местного самоуправления имеют весьма слабое представление о сути, содержании, целях и задачах деятельности по комплексной социальной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы, и видят работу с ними только в рамках деятельности какой-либо существующей структуры: комиссии по профилактике преступлений и иных правонарушений, уголовно-исполнительной

инспекции, органов социальной защиты и т.д. Государственные и муниципальные структуры, оказывающие населению помощь и государственные услуги, не всегда взаимодействуют в должной мере с Федеральной службой исполнения наказаний (далее – ФСИН), при этом не учитываются и не анализируются результаты работы учреждений уголовно-исполнительной системы по социальной адаптации освобожденных из мест лишения свободы. В такой ситуации многие бывшие осужденные, по сути, остаются наедине со своими проблемами без какой-либо социальной поддержки.

В этой связи специалисты уже давно обращали внимание на то, что во многих зарубежных государствах созданы и действуют так называемые службы пробации. Эти государственные структуры не столько сами решают социально-реабилитационные задачи интеграции бывших заключенных в общество, сколько организуют все наличествующие на соответствующей территории ресурсы для выполнения реабилитационных мероприятий с каждым подопечным индивидуально. Работа с правонарушителем начинается уже со стадии досудебного расследования. Сотрудники службы пробации регулярно встречаются с заключенными в тюрьме для составления программы их последующей ресоциализации. После освобождения они содействуют устройству бывших заключенных в реабилитационные центры, оказывают помощь в поисках жилья, работы, получении документов, организуют контроль за поведением подопечных. Специалисты различных социальных служб занимаются проблемами осужденных на протяжении всего срока отбывания наказания, а также оказывают поддержку бывшим заключенным и после освобождения. В состав социальных служб входят психологи, педагоги, врачи, священники и другие специалисты, деятельность которых регулируется нормами уголовно-исполнительного законодательства [8, с. 63].

Опираясь на зарубежный опыт, для повышения эффективности процесса ресоциализации лиц, освободившихся или готовящихся к освобождению из мест лишения свободы, по мнению сотрудников исправительных учреждений, целесообразно шире использовать такие меры как:

- проведение беседы с каждым осужденным, готовящимся к выходу на свободу, в ходе которой необходимо выяснить, где он намерен после освобождения проживать, работать или учиться, поддерживает ли связь с родственниками, его жизненные планы и перспективы возвращения на место постоянного проживания, а также на предприятие либо организацию, где он работал до осуждения;
- организация и проведение занятий в «Школе подготовки осужденных к освобождению»;
- получение письменных заявлений освобождаемых об оказании им содействия в трудовом и бытовом устройстве по месту жительства;

– рассмотрение заявлений и принятие должных решений об оказании помощи в трудовом и бытовом устройстве органами местного самоуправления.

Законодатель определяет термин «ресоциализация» как комплекс мер (социально-экономических, педагогических, правовых), реализуемых субъектами профилактики правонарушений для интеграции отбывших наказание. Конкретный перечень субъектов ресоциализации законодатель не уточняет, т. к. он очень большой, но меры информационного, коммуникативного характера в деятельность по ресоциализации не включены. Выделяют следующие этапы ресоциализации осужденных лиц: допенитенциарный, пенитенциарный и постпенитенциарный. В гл. 2 Федерального закона от 23.06.2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» определены виды и формы профилактического воздействия, направленные на ресоциализацию осужденных лиц, отбывших наказание, которые в основном охватывают постпенитенциарный период [2].

Действующие нормы уголовного и уголовно-исполнительного законодательства РФ в недостаточной степени регламентируют применение цифровых технологий для ресоциализации осужденных, нет формально-юридического закрепления такой практики. Но, с другой стороны, позволяют обосновать уголовно-правовую концепцию ресоциализации осужденных посредством цифровых технологий в пенитенциарный период. Использование цифровых технологий не изолирует осужденного от общества, не нарушает его социальные полезные связи, а наоборот открывает новые конструктивные возможности для ресоциализации [9, с. 185]. К примеру внедрение в местах лишения свободы так называемых видеосвиданий позволяет укреплять родственные и семейные связи (опыт следственных изоляторов в городах Тольятти и Самара). Онлайн-образование может помочь в обучении и получении новых профессиональных навыков, что существенно облегчит интеграцию в общество (например, платформа Skillbox позволяет овладеть навыками по целому ряду востребованных на рынке труда цифровых профессий). В целом овладение навыками работы на информационных платформах позволит легче адаптироваться бывшим осужденным в современном обществе.

Вместе с тем, рассматривая проблему правоотношений государства с бывшими осужденными, не следует сводить все это только к вопросам оказания им помощи в решении жизненно важных вопросов. Как показывает практика, далеко не все лица, отбывшие наказание в виде лишения свободы, и, прежде всего, совершившие тяжкие и особо тяжкие преступления, готовы встать на путь исправления, а потому требуют особого внимания со стороны правоохранительных органов.

Как уже отмечалось, основы ресоциализации закладываются с первых дней пребывания осужденного в исправительном учреждении и должны быть направлены на достижение одной из главных целей наказания – исправлению правонарушителя и возвращению его в общество в качестве законопослушного гражданина. Эффективность социальной реабилитации лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы и последующей их адаптации к новым социальным условиям, во многом зависят как от реализации администрацией исправительных учреждений соответствующих мероприятий воспитательного характера в целях формирования у осужденных желания и готовности вести законопослушный образ жизни, так и от необходимого внимания к этим вопросам со стороны государственных структур.

В этой связи, одной из целей Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 г. является «...совершенствование воспитательной, психологической и социальной работы с осужденными, направленное на формирование уважительного отношения к обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития» [3].

С 1 января 2024 г. вступил в силу Федеральный закон от 06.02.2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации». В нем пробация определяется как «совокупность мер, применяемых в отношении осужденных ... и лиц освобожденных из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, которые оказались в трудной жизненной ситуации ...» [1]. После принятия закона стартовала программа пробации, которая помогает восстановить утраченные социальные связи и дает человеку возможность вновь отыскать собственное место в жизни. Участие в программе заявительное. За 9 месяцев до намеченной даты освобождения отбывающий наказание может подать заявление. Наибольшее число обращений связано с необходимостью восстановить документы, устроиться на работу, подыскать недорогое жилье, наладить связь с родными.

В г. Кимры Тверской области в мае 2025 г. создан первый в регионе Центр пробации. Он открыт на базе Воскресенской церкви. Новый центр можно назвать общежитием на первое время, практической базой по ресоциализации. Условия строгие, но вход и выход свободные. Для каждого участника составляется индивидуальный план реабилитации, на первое время даже выдаются скромные «подъемные». Особо стоит подчеркнуть, что в системе пробации есть механизм, который не позволит бывшим заключенным злоупотреблять гостеприимством и надолго задерживаться в центре. Участие нужно заслужить примерным поведением и последовательной работой над собой. Тот, кто не следует указаниям кураторов, например, пропускает собеседования или нарушает внутренний режим центра, выбывает из программы [4].

Создаваемая сегодня в России система пробации, призвана обеспечить проведение эффективной государственной политики в сфере исполнения наказаний, способствовать исправлению осужденных, их ресоциализации и интеграции в общество, снижению рисков совершения рецидива преступлений, что является важным условием нормального функционирования и развития государства и общества в целом.

Список литературы

1. Федеральный закон от 06.02.2023 г. № 10-ФЗ (ред. от 29.05.2024 г.) «О пробации в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025 г.) // СПС «КолнсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 23.06.2016 г. № 182-ФЗ (ред. от 08.08.2024 г.) «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // СПС «КолнсультантПлюс».
3. Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 г. № 1138-р (ред. от 27.05.2023 г.) «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года» // СПС «КолнсультантПлюс».
4. В Тверской области открыт первый Центр поддержки освободившихся заключенных [Электронный ресурс]. URL: <https://tver.mk.ru/social/2025/05/21/v-tverskoy-oblasti-otkryt-pervyy-centr-podderzhki-osvobodivshikhsya-zaklyuchennykh.html> (дата обращения: 21.05.2025).
5. Денисов А.Д. О необходимости совершенствования законодательства регламентирующего вопросы ресоциализации осужденных // Человек, преступление и наказание. 2014. № 1 (84).
6. Ковальчук М.В. К вопросу о социальной реабилитации лиц отбывающих наказание в виде лишения свободы // Проблемы и перспективы развития уголовно-исполнительной системы России на современном этапе. Самара: Самарский юридический институт ФСИН России 2017. Ч. 2.
7. Конвисарь А.А. Влияние социально полезных связей на ресоциализацию несовершеннолетних осужденных. // Проблемы и перспективы развития уголовно-исполнительной системы России на современном этапе. Самара: Самарский юридический институт ФСИН России 2022. Ч. 2. С. 107–110.
8. Кузнецов М.И., Казанцев В.Н., Ивашин Д.В. Социальная работа в пенитенциарных системах зарубежных стран. Рязань, 2004. 109 с.
9. Марков В.П. Цифровые технологии в механизме ресоциализации осужденных // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и Право. 2022. № 5. С. 182–186.

Об авторах:

ХАРИТОШКИН Валерий Вячеславович – кандидат юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовного права и процесса ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 8343-3077, AuthorID: 650375, e-mail: Kharitoshkin.VV@tversu.ru

ОГАРКОВА Наталья Олеговна – старший преподаватель кафедры

экологического права и правового обеспечения профессиональной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33), SPIN-код: 3865-1541, AuthorID: 1065615, e-mail: Ogarkova.NO@tversu.ru

On some aspects of resocialization of persons serving a sentence of imprisonment

V.V. Kharitoshkin, N.O. Ogarkova

Tver State University, Tver

Resocialization is the process of restoring an individual as a socialized member of society, carried out on the basis of the application of a set of legal, organizational, psychological, pedagogical, educational and other measures of influence in order to prevent the repetition of illegal acts. The article examines a number of problematic issues of resocialization of persons sentenced to imprisonment, problems of socialization of convicts after serving their sentence, as well as measures to improve the process of social adaptation of persons released or preparing to be released from prison.

Keywords: *resocialization and social adaptation of convicts, crime prevention, probation system.*

About author:

KHARITOSHKIN Valery – PhD in Law, professor, head of the department of criminal law and procedure of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova St., 33), SPIN-code: 8343-3077, AuthorID: 650375, e-mail: Kharitoshkin.VV@tversu.ru

OGARKOVA Natalya – senior lecturer of the department of in environmental law and legal support of professional activity of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova st., 33), SPIN-code: 3865-1541, AuthorID: 1065615, e-mail: Ogarkova.NO@tversu.ru

Харитошкин В.В., Огаркова Н.О. О некоторых аспектах ресоциализации лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 2 (82). С. 231–239.

Статья поступила в редакцию 25.05.2025 г.

Подписана в печать 16.06.2025 г.

Обзор и анонсы научных мероприятий

УДК 342 : 37.034

DOI: 10.26456/vtpravo/2025.2.240

Обзор Всероссийской научно-практической конференции «Ценности патриотизма, гражданственности и защиты исторической памяти в современном конституционном праве»

Н.А. Антонова, В.С. Очагова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье подведены итоги Всероссийской научно-практической конференции «Ценности патриотизма, гражданственности и защиты исторической памяти в современном конституционном праве», прошедшей 25 апреля 2025 г. на базе кафедры конституционного, административного и таможенного права юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет». Конференция приурочена к 80-летию юбилею Победы в Великой Отечественной войне. Приведены тезисы выступлений участников.

Ключевые слова: духовно-нравственные ценности, патриотизм, гражданственность, преемственность, традиционные ценности, историческая память.

25 апреля 2025 г. кафедрой конституционного, административного и таможенного права по инициативе заведующего кафедрой Наны Алиевны Антоновой была проведена научно-практическая конференция всероссийского уровня «Ценности патриотизма, гражданственности и защиты исторической памяти в современном конституционном праве». Актуальность темы обусловлена как юбилейной датой Победы в Великой Отечественной войне, так и особым интересом со стороны общества и потребностью в увековечивании памяти, осмыслении исторического прошлого и обращении к традиционным духовно-нравственным ценностям.

В работе конференции приняли участие представители таких вузов, как: ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова»; ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)»; ФГБОУ ВО «Государственный университет управления» (г. Москва); ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева»; ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет»; ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»; ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет»; ФГБОУ ВО «Уральский

государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева»; ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)»; ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»; ФГКОУ ВО «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации»; ФГБУН «Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук»; НОУ ВПО «Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов»; ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма»; АНО ВО «Институт деловой карьеры»; ФГБОУ ВО «Академия государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий»; ФГБОУ ВО «Тверская государственная сельскохозяйственная академия».

С приветственным словом к участникам конференции обратилась организатор мероприятия – доктор юридических наук, заведующий кафедрой конституционного, административного и таможенного права Нана Алиевна Антонова. Нана Алиевна отметила важность юбилейной даты Победы в поддержании исторической памяти о подвигах героев того времени и преемственности этих знаний в поколениях. Было отмечено, что патриотизм является сложной и многоаспектной категорией, не имеющей единого общепризнанного определения. Н.А. Антонова отметила, что актуальность выбранной для конференции темы определяется и тем, что в результате конституционной реформы 2020 г. в Российской Федерации на конституционном уровне были закреплены ценности патриотизма, гражданственности и сохранения исторической памяти и в настоящее время происходит процесс их конституционализации.

Далее с приветствием выступил Заместитель Председателя Законодательного Собрания, председатель постоянного комитета по государственному устройству и местному самоуправлению Александр Эдуардович Клиновский, выразив уверенность, что в юбилейный год практики по укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей получают новый импульс. «Правовая политика в сфере патриотического воспитания и далее будет создавать условия для формирования осознанного патриотизма, фокусируя внимание на правовом просвещении», – отметил Александр Эдуардович.

Врио ректора Тверского государственного университета, доктор юридических наук Сергей Николаевич Смирнов также поздравил преподавателей и студентов с открытием конференции и особенно отметил связь Тверского университета с историческим военным прошлым. Сергей Николаевич напомнил, что в годы Великой Отечественной войны многие сотрудники университета ушли на фронт, а

само здание университета (корпус № 1 исторического факультета, где проходила научно-практическая конференция) было серьезно повреждено.

Далее в ходе онлайн-подключения с докладом выступил Алексей Алексеевич Ливеровский, доктор юридических наук, профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности НОУ ВПО «Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов». Алексей Алексеевич подчеркнул значимость идеи конституционного регулирования общественных отношений. «Правила совместного бытия» давали возможность выживания в первобытном строю. Представления складывались в убеждения, основываясь, прежде всего, на традиционных семейных ценностях. Как отметил профессор А.А. Ливеровский, нравственные нормы лежат в основе правового регулирования. Под нравственностью же следует понимать уважение друг к другу. Прогрессивное общественное устройство должно основываться именно на нравственных ценностях.

Наталья Витальевна Ковалева, доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра ФГКОУ ВО «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации» провела исторический экскурс, упомянув Нюрнбергский процесс и тот политико-правовой результат, который он возымел, отразившись на мировой системе права. По итогам выступления к Наталье Витальевне обратился Иван Валентинович Баранов, кандидат юридических наук, с вопросом о наличии существующих различий в восприятии традиционных ценностей столичной и региональной молодежи.

Светлана Васильевна Нарутто, доктор юридических наук, профессор, профессор конституционного и муниципального права ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)» поделилась убеждением об особом значении преамбулы Конституции Российской Федерации и конституций ряда других стран. Светлана Васильевна отметила, что преамбула играет важную роль в определении основ конституционного строя и служит фундаментом для всего конституционного права. Кроме того, преамбула имеет и идеологическое значение: закрепляет основные идеи и принципы, на которых строится конституционный строй. Она может включать в себя такие ценности, как права человека, справедливость, равенство.

Наталья Евгеньевна Таева, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и муниципального права ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)» выступила с сообщением о взаимосвязи гражданства и гражданственности, выделив некоторые «цензы», имеющие место на сегодняшний день в конституционно-правовом поле

Российской Федерации. Так, Наталья Евгеньевна к ним отнесла принесение присяги, уведомление о другом гражданстве, отсутствие в прошлом гражданства другого государства, закрепление статуса иноагентов и др. Выступление Натальи Евгеньевны вызвало живую дискуссию с участием доктора юридических наук С.В. Нарутто, доктора юридических наук Н.В. Ковалевой, кандидата юридических наук О.И. Юстус и кандидата юридических наук И.В. Баранова. Кроме того, к обсуждению присоединился аспирант кафедры конституционного, административного и таможенного права ТвГУ, задав Наталье Евгеньевне актуальный вопрос по тематике ее выступления.

Участником научно-практической конференции также стал доктор юридических наук, кандидат философских наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет» Георгий Генрихович Бернацкий. Профессор Г.Г. Бернацкий задался вопросом: «Что должно быть самым главным в российской идеологии?» Докладчик обращался к идее патриотизма, пронизывающей историю России на протяжении длительного исторического пути. При этом отмечалась существующая клерикализация современного российского государства. Тезисы Георгия Генриховича вызвали активный научный диспут в части возможности существования светского характера государства в рамках сегодняшних реалий.

Джамиля Сейфаддиновна Велиева, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» в рамках своего сообщения отметила рост патриотизма за последние годы и уделила особое внимание этому явлению в части современного понимания и подходов.

Софья Руслановна Дробязко, кандидат юридических наук, ассистент кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» в ходе выступления обратилась к участникам конференции с вопросом о том, какое место занимают традиционные духовно-нравственные ценности в системе конституционного права и кто является их носителем? Тезисы Софьи Руслановны вызвали активное обсуждение учеными, в ходе которого доктор юридических наук Н.Е. Таева задала вопрос об уместности существования индекса оценки личности и личного отношения к нему выступающего. Также в дискуссию вступили доктор юридических наук Г.Г. Бернацкий, кандидат юридических наук О.И. Юстус.

Ольга Кузьминична Абрамова, старший преподаватель кафедры частноправовых дисциплин факультета права и управления ФКОУ ВО

«Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний» исследовала вопрос правового воспитания современной молодежи как фундамента гражданственности и патриотизма. Ольга Кузьминична проследила наметившийся разрыв между интересами молодежи и более старшего поколения, в чем увидела необходимость правового воспитания молодежи.

Ряд участников конференции приняли участие в мероприятии в дистанционном формате. Так, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет» Сильва Михайловна Арзуманова выступила с интересным докладом на тему «Проблемы формирования духовно-нравственных ценностей у молодого поколения». Пятигорский государственный университет представлял и кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и муниципального права Федор Иванович Валяровский. Его выступление было посвящено традиционным ценностям в конституционном праве России. Выступающий обратил внимание слушателей на важность понимания традиционных ценностей в современной конституционной науке, где они рассматриваются и как духовные основы, и как правовые категории.

Представитель ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)» – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и международного права Анна Игоревна Соколова отметила потребность в вовлечении государства в финансовое обеспечение сохранности воинских захоронений и других военно-мемориальных сооружений. На территории Оренбургской области, жительницей которой является А.И. Соколова, находятся порядка 1 500 тысяч памятников военно-исторического значения, которые фактически являются объектом недвижимого имущества, как отметила докладчик, но законодательно это не регламентировано. Подобный правовой дисбаланс в будущем может привести к утрате памятников и потере культурно-исторического наследия.

Александр Юрьевич Ульянов, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)» представил свое видение конституционных принципов в формировании взаимной ответственности личности, общества и государства, а именно выделил их особенности: высшую степень нормативного обобщения и основополагающий характер; конституционные принципы выступают как «каркас» всей правовой системы; принципы отличаются конкурентностью между собой. Детальному анализу в выступлении А.Ю.

Ульянова подверглись такие принципы, как верховенство права, разделение властей, доверие власти и ее эффективность.

Завершалась работа конференции выступлением кандидата юридических наук, доцента, доцента кафедры общегуманитарных дисциплин и теории и истории государства и права АНО ВО «Институт деловой карьеры» Александра Викторовича Дашко. Он остановился на анализе правового режима духовно-нравственных ценностей. Автор высказал суждение о том, что сокращение нравственности связано непосредственно с жизнью граждан, в частности с их образованием. Было подчеркнуто имеющееся в обществе «размывание» духовно-нравственных ценностей. С этой проблемой, по мнению А.В. Дашко, должно бороться, в первую очередь, юридическое сообщество, выполняя охранительную функцию.

Подвела итоги мероприятия заведующий кафедрой конституционного, административного и таможенного права ТвГУ Н.А. Антонова, выразив общее мнение участников конференции о значимости проведенного мероприятия и необходимости дальнейшего исследования поднятых в ходе обсуждения вопросов.

После завершения рабочей части конференции перед ее участниками выступила студентка юридического факультета ТвГУ Екатерина Шагина, исполнив песню «Синий платочек».

Выражаем искреннюю признательность всем участникам конференции и желаем дальнейших творческих успехов!

Об авторах:

АНТОНОВА Нана Алиевна – доктор юридических наук, заведующий кафедрой конституционного, административного и таможенного права юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 3179-2045, e-mail: antonova.nana@list.ru

ОЧАГОВА Валерия Станиславовна – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры конституционного, административного и таможенного права ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33); SPIN-code 6686-2358; e-mail: Ochagova.VS@tversu.ru

Review of the All-Russian scientific and practical conference “Values of patriotism, citizenship and protection of historical memory in modern constitutional law”

N.A. Antonova, V.S. Ochagova

Tver State University, Tver

The article summarizes the results of the All-Russian Scientific and Practical Conference "Values of Patriotism, Citizenship and Protection of Historical Memory in Modern Constitutional Law", held on April 25, 2025 at the Department of Constitutional, Administrative and Customs Law of the Faculty of Law of Tver State University. The conference is dedicated to the 80th anniversary of Victory in the Great Patriotic War. The abstracts of the participants' speeches are given.

Keywords: *spiritual and moral values, patriotism, citizenship, continuity, traditional values, historical memory.*

About authors:

ANTONOVA Nana – the doctor of jurisprudence, the manager Faculty of the constitutional, administrative and customs right of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova street, 33, 33), SPIN-code: 3179-2045, e-mail: antonova.nana@list.ru

OCHAGOVA Valeria – PhD in Law, Senior Lecturer at the Department of Constitutional, Administrative and Customs Law, Tver State University, (Zhelyabova str., 33, Tver, 170100); SPIN-code^ 6686-2358; e-mail: Ochagova.VS@tversu.ru

Антонова Н.А., Очагова В.С. Обзор Всероссийской научно-практической конференции «Ценности патриотизма, гражданственности и защиты исторической памяти в современном конституционном праве» // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 2 (82). С. 240–246.

Статья поступила в редакцию 25.05.2025 г.

Подписана в печать 16.06.2025 г.

Проблемы организации учебного процесса

УДК 378.147

DOI: 10.26456/vtpravo/2025.2.247

О необходимости совершенствования методики преподавания правовых дисциплин

Т.П. Сапронова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Актуальность исследуемой проблемы обусловлена необходимостью совершенствования методологии преподавания правовых дисциплин для студентов-журналистов и важностью дальнейшей разработки оптимального сочетания различных педагогических практик и методов в данном процессе. Особую роль здесь играет междисциплинарный подход, позволяющий совмещать знания, полученные студентами в рамках изучения дисциплины «Правоведение» и дисциплины «Правовые основы журналистики (включая международное гуманитарное право и СМИ)». Цель статьи: выявить наиболее эффективное сочетание практик и методов преподавания студентам-журналистам юридических дисциплин как непрофильных. Ведущим методом исследования данной проблемы является анализ методов и форм преподавания правовых дисциплин студентам-журналистам в Тверском государственном университете. В статье проведен анализ возможностей использования различных технологий обучения в преподавании правовых дисциплин для студентов направления подготовки «Периодические издания и мультимедийная журналистика»; выявлены ключевые проблемные вопросы, возникающие при изучении будущими журналистами дисциплины «Правовые основы журналистики»; выработаны рекомендации по улучшению правовой подготовки студентов указанной специальности. Автор статьи считает, что для более эффективного усвоения студентами-журналистами правовых знаний необходим дифференцированный подход, предполагающий различную подачу материала обучающимся как в рамках дисциплины «Правоведение», так и в рамках дисциплины «Правовые основы журналистики (включая международное гуманитарное право и СМИ)». Важно вернуть в основную образовательную программу «Периодические издания и мультимедийная журналистика» ТвГУ дисциплину «Правоведение», что позволит студентам старших курсов глубже понимать профильный материал, более активно участвовать в процессе обучения.

Ключевые слова: преподавание правовых дисциплин, дисциплина «Правоведение», дисциплина «Правовые основы журналистики», ООП «Периодические издания и мультимедийная журналистика».

Дисциплина «Правовые основы журналистики (включая международное гуманитарное право и СМИ)» (далее – «Правовые основы журналистики») играет ключевую роль в формировании профессионального сознания будущих журналистов. Она не только

знакомит студентов с законодательными нормами, регулирующими журналистскую деятельность, но и прививает им принципы этики, ответственности и правового мышления, необходимые для эффективной работы в медиапространстве.

Основная отличительная особенность данной дисциплины – ее актуальность и практическая направленность, поскольку законодательство, регулирующее деятельность средств массовой информации (далее – СМИ), постоянно развивается.

В полной мере это проявилось в учебный семестр 2022–2023 гг., когда в нормативно-правовую базу страны были внесены дополнительные нормы, предусматривающие приостановление деятельности некоторых СМИ, признание регистрации СМИ недействительной... на основании требования Генерального прокурора Российской Федерации [3]; ограничение доступа к информационным ресурсам, на которых неоднократно размещалась информация, распространяемая с нарушением требований законодательства Российской Федерации [1].

Однако главной особенностью указанной дисциплины является обязательное использование преподавателем в процессе обучения так называемого междисциплинарного подхода, от которого, как показала практика, напрямую зависит успешность восприятия студентами поданного в ходе лекции материала.

Например, дисциплина «Правовые основы журналистики» тесно переплетается с дисциплиной «Правоведение», в рамках которой студентам первых курсов даются знания о праве в целом, содержании и видах правоотношений, правонарушении, юридической ответственности, разъясняются основы конституционного, гражданского, трудового, уголовного права, прививаются навыки работы с учебной и научной литературой, позволяющие ориентироваться в сложной системе действующего законодательства, в том числе с целью самостоятельного выбора нормативных правовых документов для применения их в конкретной жизненной ситуации.

По мнению автора статьи, юридические знания, полученные студентами-журналистами на первых курсах обучения в рамках дисциплины «Правоведение», способствуют возможности глубже познать взаимосвязь между различными правовыми нормами, в том числе на примерах из журналистской практики, формированию правовой грамотности и аналитического мышления.

Однако в настоящее время наблюдается тенденция к пересмотру учебных планов и программ в образовательных учреждениях, замене традиционных дисциплин новыми, более «актуальными».

Как результат, дисциплина «Правоведение» исключена из списка рабочих программ основной образовательной программы (далее – ООП) «Периодические издания и мультимедийная журналистика» направления

подготовки 42.03.02 «Журналистика» в ТвГУ. По факту она заменена дисциплиной «Правовые основы журналистики», которая читается студентам 4-го курса очной формы обучения и которая, по мнению автора статьи, является узконаправленной. Данный вывод следует как из обтекаемого названия самой дисциплины, так и из ограниченного круга вопросов, изучаемых в ее рамках.

Так, в соответствии с формируемыми компетенциями, преподавателю необходимо научить студентов-журналистов: владеть информацией о состоянии законодательства о СМИ, в том числе с целью ориентироваться в нормативно-правовой базе СМИ в предвыборный период; навыкам правового анализа профессиональной деятельности и применению полученных знаний в отстаивании профессиональных прав. При этом считаются достаточными для будущих журналистов знания источников информационного права, особенностей правовых отношений с участием СМИ, ключевых положений международных правовых актов, Конституции РФ, а также Закона РФ от 27.12.1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации».

С учетом изложенного, темы лекций также достаточно специфические, касающиеся в основном понятия информации и ее видов, организации деятельности СМИ, государственной политики в области СМИ, исключительных прав на результаты творческой деятельности, защиты чести, достоинства и деловой репутации...

При этом любой юрист понимает, что полное раскрытие содержания последних двух понятий невозможно без знания основ гражданского права, в рамках которого студентам дается представление о предусмотренных Гражданским кодексом Российской Федерации (далее – ГК РФ) способах защиты нарушенного права, включая возмещение материального ущерба и морального вреда, условиях наступления и видах гражданско-правовой ответственности, о таких понятиях как «собственность», «объекты гражданского права», включая нематериальные объекты (честь, достоинство, доброе имя, произведения науки, искусства). Именно в рамках этой отрасли права студентам раскрываются общие понятия правоспособности и дееспособности, условия признания лиц полностью недееспособными или ограниченно дееспособными, малолетними или частично дееспособными (как в случае с несовершеннолетними в возрасте от 14 до 18 лет).

Изучение в полном объеме всех вышеприведенных дефиниций для студентов-журналистов важно, поскольку законодатель устанавливает ограничения в интервьюировании отдельной категории лиц, а будущий журналист обязан разбираться в указанных ограничениях, как и в причинах установленных ограничений.

Важность знакомства студентов-журналистов с основами гражданского права подчеркивается и их работой в ходе семинарских занятий над составлением проектов исков в суд (например, о защите

чести и достоинства, по делам о нарушении авторских прав). В последнем случае дополнительно в начале семинарского занятия преподавателю приходится разъяснять студентам разницу между нормами гражданского и гражданского-процессуального права, особенностями подачи иска в отношении юридического лица.

Представляется, что всего этого можно было бы избежать, если бы у студентов-журналистов были бы хотя бы минимальные знания основ гражданского права, полученные ими в рамках дисциплины «Правоведение», где всегда изучаются правила оформления и подачи гражданского иска в суд, в том числе в связи с утратой родственников, признания сделки недействительной, а также в других случаях.

В связи с отсутствием предварительных, базовых знаний, у студентов теряется драгоценное учебное время, которое могло бы быть использовано ими для изучения важных, специфических правовых смыслов и определений из закона о СМИ и других нормативно-правовых документов, регулирующих деятельность СМИ.

Очевиден пробел в знаниях студентов и по основам конституционного права. Особенно отчетливо он проявляется в рамках изучения темы «Государственная политика в области СМИ».

В связи с изложенным, приходится часть лекции посвящать изучению принципов организации государственной власти в Российской Федерации, предметно изучать систему органов государственной власти Тверской области, в том числе на примере Управления Роскомнадзора по Тверской области, осуществляющего государственный контроль и надзор за соблюдением лицензионных условий и обязательных требований законодательства Российской Федерации в сферах связи, СМИ, массовых коммуникаций, теле- и радиовещания, а также в сфере информационных технологий.

Как показала практика семинарских занятий, необходимы знания основ конституционного права студентам-журналистам и при составлении проекта запроса информации о деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, организаций, общественных объединений, их должностных лиц; проекта обращения об обжаловании действий должностных лиц, отказавших, например, редактору газеты в предоставлении информации, необходимой для подготовки статьи или иного текстового материала.

Фиксируется в ходе лекционных и практических занятий на факультете журналистики и запрос со стороны студентов на изучение основ трудового права. Связан он, по мнению автора статьи, не только с проектом соответствующих поправок в Трудовой кодекс Российской Федерации (далее – ТК РФ), подготовленных Министерством труда Российской Федерации для разграничения трудовых и гражданско-правовых отношений [6], но и с внесением изменений в законодательство о выборах Президента Российской Федерации, согласно которым «на

заседаниях избирательной комиссии при установлении ею итогов голосования, определении результатов выборов, а также при подсчете голосов избирателей вправе присутствовать представители средств массовой информации, работающие... на основании заключенного... трудового договора» [2].

Например, студенты очень внимательно слушают пояснения преподавателя относительно существенных условий трудового договора, видах дисциплинарных наказаний, основаниях увольнения по инициативе работодателя, порядке обжалования незаконного увольнения.

С учетом вопросов, затронутых в статье, невозможно не отметить и еще один важный момент. По мнению автора статьи, чтение курса «Правовые основы журналистики» призвано показать студентам не только роль СМИ в современном обществе, их влияние на общественное мнение, но и необходимость ответственного отношения к любому виду юридической ответственности, которая возможна в рамках осуществления журналистской деятельности.

К ответственности журналист должен быть готов всегда, в связи с чем основная задача преподавателя правовых дисциплин – помочь студентам правильно адаптироваться в негативно развивающемся для них сценарии, одновременно развенчав миф о том, что их будущая специальность – исключительно права.

В связи с изложенным, лишним будет утверждать, что знания основ административного и уголовного права также необходимы студентам-журналистам. Так, при решении задачи о возможном привлечении к уголовной ответственности, предусмотренной ч. 3 ст. 144 Уголовного кодекса Российской Федерации, полицейского, напавшего на журналиста в момент, когда тот снимал репортаж в больнице о его близком родственнике, преподавателем было обращено внимание на отсутствие у студентов знаний о содержании субъективной стороны преступления, предполагающей обязательное наличие таких элементов, как вина, мотив и цель; четкого представления об обязательных признаках объективной стороны преступления, включающих причинную связь между совершенным деянием и наступившими последствиями.

Отсутствуют у студентов-журналистов и правовые знания об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, в то время как интерес публики к делам, связанным с необходимой обороной и превышением ее пределов, растет из года в год, в том числе благодаря активной вовлеченности в освещение этой темы журналистами [4, 5]. Однако при подготовке статьи или репортажа на юридическую тему всегда требуется знание законодательства. Не источников информационного права, а именно основ уголовного, административного, конституционного, гражданского, семейного права, т. е. всех тех правовых знаний, которые студенты неюридических

специальностей как раз и получают в рамках изучения дисциплины «Правоведение».

С учетом изложенного, можно сделать вывод о том, что замена в образовательном процессе одной правовой дисциплины на другую не всегда «во благо». Так, дисциплина «Правовые основы журналистики» не может в полной мере заменить дисциплину «Правоведение», в ходе изучения которой студенты получают фундаментальные знания о праве, основных отраслях права, юридической ответственности и ее видах. Дисциплина «Правовые основы журналистики» является узконаправленной и менее глубокой по сравнению дисциплиной «Правоведение».

По мнению автора статьи, замена одной дисциплины на другую привела не просто к снижению уровня правовой грамотности у студентов-журналистов, но и к отсутствию у них основных, базовых знаний о праве в целом, особенностях отраслей права, что в значительной мере не упростило, а затруднило образовательный процесс.

Исходя из вышеизложенного, предлагается включить в общее количество дисциплин, изучаемых в рамках программ ООП «Периодические издания и мультимедийная журналистика» направления подготовки 42.03.02 «Журналистика», дисциплину «Правоведение».

Список литературы

1. Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 01.04.2025 г.) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 10.01.2003 г. № 19-ФЗ (ред. от 08.08.2024 г.) «О выборах Президента Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Закон РФ от 27.12.1991 г. № 2124-1 (ред. от 23.11.2024 г.) «О средствах массовой информации» // СПС «КонсультантПлюс».
4. В Тверской области избитая женщина превысила пределы необходимой самообороны [Электронный ресурс]. URL: <https://tverigrad.ru/> (дата обращения: 03.05.2025).
5. Верховный Суд РФ подтвердил, что убивший трех человек под Тверью Зобенков имел право применить нож, защищая семью [Электронный ресурс]. URL: <https://tverigrad.ru/> (дата обращения: 03.05.2025).
6. Минтруд предложил закрепить в Трудовом кодексе восемь дополнительных признаков трудовых отношений. За счет этих признаков ведомство планирует более четко разграничить трудовые и гражданско-правовые отношения, чтобы избежать их «смешивания» и «исключить возможные спорные ситуации при применении труда». [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/economics/17/04/2025/67ff80559a7947d7cc29092c?utm_source=yxnews&utm_medium=mobile&utm_referrer=https%3A%2F%2Fdzen.ru%2Fnews%2Fstory%2Fb89d9fd7-c8d6-57ef-ab2d-38530a92e5e1 (дата обращения 02.05.2025).

Об авторе:

САПРОНОВА Тамара Петровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры экологического права и правового обеспечения профессиональной

деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 8184-3045, e-mail: Sapronova.TP@tversu.ru

On the need to improve the methodology of teaching legal disciplines

T.P. Sapronova

Tver State University, Tver

The relevance of the problem under study is due to the need to improve the methodology of teaching legal disciplines to journalism students and the importance of further development of the optimal combination of various pedagogical practices and methods in this process. A special role here is played by an interdisciplinary approach that allows combining the knowledge gained by students in the course of studying "Jurisprudence" and the course "Legal Foundations of Journalism (including international humanitarian law and the media)". The purpose of the article: to identify the most effective combination of practices and methods of teaching legal disciplines to journalism students as non-core. The leading method of studying this problem is the analysis of the methods and forms of teaching legal disciplines to journalism students at Tver State University. The article analyzes the possibilities of using various teaching technologies in teaching legal disciplines to students majoring in "Periodicals and Multimedia Journalism"; identifies key problematic issues arising when future journalists study the discipline "Legal Foundations of Journalism"; develops recommendations for improving the legal training of students of this specialty. The author of the article believes that for more effective acquisition of legal knowledge by journalism students, a differentiated approach is needed, which involves different presentation of material to students both within the framework of the discipline "Jurisprudence" and within the framework of the discipline "Legal Foundations of Journalism (including international humanitarian law and the media)". It is important to return the discipline "Jurisprudence" to the main educational program "Periodicals and Multimedia Journalism" of Tver State University, which will allow senior students to more deeply understand the specialized material and participate more actively in the learning process.

Keywords: *teaching legal disciplines, discipline "Jurisprudence", discipline "Legal Foundations of Journalism", educational program "Periodicals and Multimedia Journalism".*

About author:

SAPRONOVA Tamara– PhD in Law, Associate Professor of the Department of Environmental Law and Legal Support of Professional Activities of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova St., 33), SPIN- code: 8184-3045, e-mail: Sapronova.TP@tversu.ru

Сапронова Т.П. О необходимости совершенствования методики преподавания правовых дисциплин // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 2 (82). С. 247–253.

Статья поступила в редакцию 25.05.2025 г.

Подписана в печать 16.06.2025 г.

Трибуна молодого ученого

УДК 342.4

DOI: 10.26456/vtpravo/2025.1.254

Природа публичной власти

М.В. Голубева

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», Тверь

В результате конституционной реформы 2020 г. на конституционный уровень было поднято понятие единой системы публичной власти. В связи с этим возникает необходимость прибегнуть к научному изучению природы публичной власти в ее современном проявлении. В статье анализируются разработанные в юридической науке концепции о понятии и происхождении публичной власти, ее природе. Вместе с тем, развивающееся на основе современной Российской Конституции законодательство, как правило, демонстрирует отсутствие четкого понимания природы публичной власти при применении ее понятия, что создает условия для неверной интерпретации такого понятия как «единая система публичной власти». Изложенное выше обуславливает необходимость всестороннего исследования нормативно-правового определения публичной власти.

Ключевые слова: государство, публичная власть, функции публичной власти.

Положение о категории публичной власти сформировано Конституционным судом Российской Федерации еще в 2000 г., но только в 2020 г. термин получил конституционное закрепление. В то же время на доктринальном уровне данный термин является достаточно распространенным в контексте исследования понятия государства и его признаков. Так, С.А. Авакьян отмечает, что «основными формами народовластия выступают государственная власть и местное самоуправление, в своей совокупности образующие систему публичной власти» [7, с. 73].

Р.А. Ромашовым сформулировано следующее определение государства: «под государством следует понимать специфическую социально-политическую организацию, которая осуществляет управление обществом в пределах определенной территории посредством разработки, принятия и придания юридической силы общеобязательных и общезначимых правил поведения, отраженных в нормах права, а также применения норм права в ходе правового регулирования, закрепления системы гарантий их соблюдения посредством возможности применения мер принуждения и санкционирования правовых норм через закрепление юридической ответственности за их нарушение» [5, с. 27].

Основными признаками государства, по мнению автора, являются: наличие единой территории, института гражданства, государственный суверенитет – такие выводы позволяет сделать рассмотрение приведенного определения.

В.С. Афанасьев определяет государство как «особую организацию политической публичной власти господствующего класса, социальной группы либо народа в целом, наделенную аппаратом управления и принуждения и которая, действуя от имени общества, руководит последним, обеспечивая его интеграцию». В качестве признаков государства автор выделяет «общественно-политическую организацию, наличие публичной власти и системы налогообложения» [3, с. 52].

А.В. Поляковым и Е.В. Тимошиной сформулировано определение, исходя из которого под государством понимается «развитая форма политически организованного общества» [4, с. 209].

Особый интерес вызывает классификация признаков государства, предложенная авторами, исходя из которой выделяют следующие признаки: общесоциальные и специфические.

К числу общесоциальных признаков авторы относят:

1. наличие общности людей, объединенных политическими, правовыми, экономическими, социальными и иными коммуникативными отношениями;

2. наличие легитимной публичной власти, регулирующей общественные отношения, в том числе с применением метода принуждения.

К специфическим признакам авторами отнесены такие признаки, как:

– отправление публичной власти составляющими аппарат государства особыми органами;

– привлечение для выполнения социальных функций материальных ресурсов в форме собираемых с населения налогов;

– наличие определенных территориальных пределов публичной власти»[4, с. 209].

Ф.Ф. Фаткуллин рассматривает государство как «универсальную территориальную политическую организацию, выступающую в качестве формы выражения публичной суверенной власти господствующей социальной группы, реализуемой ею как для достижения собственных интересов, так и для выполнения общих задач, следующих из природы человеческого общества» [8, с. 182]. Автор акцентирует внимание на следующих признаках государства: территориальность, универсальность, наличие публичной власти и системы налогообложения

На нормативном уровне категория «публичная власть» получила закрепление в Федеральном законе от 08.12.2020 г. № 394-ФЗ «О

Государственном Совете», определившем, что «федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, иные государственные органы и органы местного самоуправления составляют единую систему публичной власти» [2]. Таким образом, рассмотрение представленного определения демонстрирует соответствие системы органов публичной власти политико-правовому устройству государства. Однако, в указанном выше законе, законодатель говорит только о системе публичной власти, а само понятие самой публичной власти не раскрывается.

Публичная власть является фундаментальным институтом любого организованного общества и государства. В самом широком смысле под публичной властью понимается способность общества к самоорганизации и самоуправлению через создание особого аппарата – системы органов и должностных лиц, наделенных юридически-властными полномочиями и действующих от имени и в интересах данного сообщества. Иными словами, публичная власть – это воплощенная в государственных и муниципальных институтах воля народа, приобретающая обязательный характер для всего общества. В ст. 3 Конституции Российской Федерации устанавливается, что носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ [1].

Следовательно, природа публичной власти в нашем государстве непосредственно связана с категорией народовластия: власть носит публичный характер, поскольку исходит от общества и служит для реализации общей воли граждан.

Если рассматривать природу публичной власти с точки зрения ее социальной сущности, она призвана обеспечивать целостность и порядок в обществе, выступая механизмом проведения решений, значимых для всего населения. Как отмечается в литературе «публичная власть представляет собой особый механизм, направленный на обеспечение реализации правового статуса всех граждан и одновременное обеспечение функционирования государственного аппарата, через который опосредованно осуществляется власть народа» [6]. Таким образом, публичная власть служит посредником между народом – источником власти, с одной стороны, и ежедневным управлением делами государства с другой. В советский период понятие публичной власти отождествлялось с государственной властью трудящихся, однако в современном правовом порядке публичная власть имеет более сложную структуру и многоуровневый характер (федеральный, региональный, муниципальный уровни).

Публичная власть, будучи воплощенной, прежде всего, в государстве, берет на себя обязанность удовлетворять общие интересы и потребности общества – от обороны и внешней политики до социально-

экономического развития и предоставления основных необходимых услуг населению.

Закрепленное в Федеральном законе от 08.12.2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете» понятие «единая система публичной власти» не включает такого субъекта, как народ, хотя согласно ст. 3 Конституции Российской Федерации именно народ представлен единственным источником власти. Далее, в этой же статье Конституции Российской Федерации определены формы реализации власти, при этом на первом месте стоят формы непосредственного народовластия, и поэтому удивительно, что законодатель при определении субъектов, входящих в единую систему публичной власти, не упоминает население страны.

Таким образом, категория публичной власти, представляющая собой впервые получившую нормативное закрепление только в 2020 г. новеллу конституционного законодательства, является давно известной на доктринальном уровне. При этом в теории государства и права публичная власть общепринято рассматривается в качестве конституирующего признака государства. Именно публичная власть, осуществляемая в пределах определенной территории, наделена правом на установление общеобязательных правил поведения, гарантированных возможностью применения мер принуждения и ответственности, а также правом взимания налогов для решения отдельных задач и исполнения функций в интересах общества в целом.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/constitution> (дата обращения: 28.04.2025).
2. Федеральный закон от 08.12.2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46186> (дата обращения: 28.04.2025).
3. Общая теория государства и права / под ред. В.В. Лазарева. М.: МГЮА, 2010.
4. Поляков А.В., Тимошина Е.В. Общая теория права. СПб.: СПбГУ, 2005. 472 с.
5. Ромашов Р.А. Теория государства и права: учебное пособие / под ред. В.П. Сальникова. М.: ИМЦ ГУК МВД России, 2002. 168 с.
6. Сейфулин А.И. Понятие и функции публичной власти. Теоретический и правовой аспект // Вестник магистратуры. 2019. № 12-1 (99). С. 51–52.
7. Современные проблемы организации публичной власти / под ред. С.А. Авакьяна. М., Юстицинформ, 2014. 596 с.
8. Фаткуллин Ф.Ф. Теория государства и права: учебное пособие / под ред. Н.Х. Сафиуллина. Казань: КЮИ МВД России, 2006. 248 с.

Об авторах:

ГОЛУБЕВА Марина Викторовна – аспирант 3 курса направления подготовки 5.1.2 «Публично-правовые (государственно-правовые) науки» ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: golubemarina@yandex.ru

The nature of public power

M.V. Golubeva

Tver State University, Tver

As a result of the 2020 constitutional reform, the concept of a unified system of public authority was raised to the constitutional level. In this regard, there is a need to resort to a scientific study of the nature of public power in its modern manifestation. The article analyzes the concepts developed in legal science about the concept and origin of public power, its nature. At the same time, legislation developing on the basis of the modern Russian Constitution, as a rule, demonstrates the lack of a clear understanding of the nature of public power when applying its concept. This creates the conditions for misinterpretation of such a concept as a "unified system of public authority." The above makes it necessary to conduct a comprehensive study of the legal definition of public authority.

Keywords: *state, public authority, functions of public authority.*

About author:

GOLUBEVA Marina – postgraduate student of the 3st year of training direction 5.1.2 “Public Law (State Law) Sciences” Tver State University, e-mail: golubemarina@yandex.ru

Голубева М.В. Природа публичной власти // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 2 (82). С. 254–258.

Статья поступила в редакцию 25.05.2025 г.

Подписана в печать 16.06.2025 г.

Взаимодействие органов местного самоуправления с правоохранительными органами Российской Федерации в сфере противодействия коррупции

А.В. Крушинская

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», Тверь

Противодействие коррупции является одной из постоянных задач государства, в осуществление которой должны быть вовлечены все органы публичной власти и элементы гражданского общества. В этой связи встает вопрос оптимального взаимодействия различных субъектов противодействия коррупции для достижения общей цели – предупреждения, борьбы и минимизации/ликвидации последствий коррупционных правонарушений. В статье рассматривается взаимодействие органов местного самоуправления с правоохранительными органами Российской Федерации в сфере противодействия коррупции. Выявлен ряд проблем такого взаимодействия, ставятся вопросы о выборе форм и методов совместной работы органов местного самоуправления и правоохранительных органов в обозначенной сфере.

Ключевые слова: коррупция, противодействие коррупции, взаимодействие, конфликт интересов, органы местного самоуправления, правоохранительные органы.

Проведя исследование особенностей взаимодействия органов местного самоуправления с правоохранительными органами в сфере противодействия коррупции, следует обратить внимание, в первую очередь, на тот факт, что как формы, так и порядок такого взаимодействия на уровне федерального законодательства практически не урегулированы. В ряде муниципальных образований приняты муниципальные правовые акты, закрепляющие формы и порядок взаимодействия органов местного самоуправления с органами государственной власти, включая правоохранительные, в сфере противодействия коррупции, однако, как отмечает А.В. Антощенко, в большинстве случаев взаимодействие ограничивается проведением нерегулярных координационных совещаний [3].

В соответствии с п. 4 ст. 5 Федерального закона от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее – Федеральный закон № 273-ФЗ) федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления осуществляют противодействие коррупции в пределах своих полномочий. Согласно п. 4.1 ст. 5 Федерального закона № 273-ФЗ правоохранительные органы, иные государственные органы,

органы местного самоуправления и их должностные лица обязаны информировать подразделения кадровых служб соответствующих федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления по профилактике коррупционных и иных правонарушений (должностных лиц кадровых служб указанных органов, ответственных за работу по профилактике коррупционных и иных правонарушений) о ставших им известными фактах несоблюдения государственным или муниципальным служащим ограничений и запретов, требований о предотвращении или об урегулировании конфликта интересов либо неисполнения обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции [1]. На основании вышеизложенного, под взаимодействием органов местного самоуправления и правоохранительных органов Российской Федерации в сфере противодействия коррупции понимается совместная деятельность в пределах их полномочий, которая основана на принципах законности, сотрудничества, взаимопомощи и согласованности совместных действий по профилактике и предупреждению коррупционных правонарушений, а также по минимизации и/или ликвидации их последствий.

Основные задачи такого взаимодействия:

- проведение мероприятий, направленных на профилактику коррупционных правонарушений;
- предотвращение коррупции через устранение факторов, способствующих ее возникновению;
- создание и внедрение единой системы мониторинга, а также информирования сотрудников правоохранительных органов по возникающим проявлениям коррупционных правонарушений;
- разработка механизмов по снижению коррупционных рисков.

Статья 3 Федерального закона № 273-ФЗ относит к основным принципам антикоррупционной политики признание и защиту прав человека, законность, а также публичность и открытость деятельности органов местного самоуправления и правоохранительных органов. Правоохранительные и муниципальные органы обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации и федеральные законы, в том числе нормативные акты, непосредственно регулирующие борьбу с коррупцией. Совместные антикоррупционные меры должны быть открытыми для общества, обеспечивая информирование граждан о предпринимаемых шагах и их результатах.

Также особую роль в механизме противодействия коррупции играет принцип сотрудничества и взаимопомощи. Правоохранительные органы и органы местного самоуправления должны обмениваться информацией, совместно разрабатывать и осуществлять программы профилактики коррупции, оказывать содействие друг другу в расследовании коррупционных правонарушений. Реализация этого принципа

прослеживается, например, в совместной работе комиссий по координации антикоррупционной деятельности на региональном уровне.

Взаимодействие органов местного самоуправления и правоохранительных органов в сфере противодействия коррупции может быть в виде:

- организации совместных проверок достоверности и полноты сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представляемых муниципальными служащими;

- организации совместных проверок соблюдения муниципальными служащими ограничений и запретов, а также требований к служебному поведению, связанных с муниципальной службой;

- представления методической и консультационной помощи сотрудникам, ответственным за противодействие коррупции;

- организации совместных семинаров, конференций, круглых столов.

Следует отметить, что указанный перечень не является исчерпывающим и задача современного этапа состоит в поиске новых форм такого взаимодействия, которые отличались бы эффективным результатом.

Можно выделить следующие формы взаимодействия органов местного самоуправления и правоохранительных органов Российской Федерации:

- направление запросов в правоохранительные органы для получения достоверной информации в рамках проведения проверки;

- направление в правоохранительные органы материалов проверок, проведенных органами местного самоуправления;

- рассмотрение случаев коррупции, в которых подозреваются муниципальные служащие, на основании данных, предоставленных правоохранительными органами;

- информационное взаимодействие в сфере профилактики и противодействия коррупции;

- направление материалов о готовящихся или совершенных преступлениях и/или административных правонарушениях муниципальными служащими в органы прокуратуры или другие правоохранительные органы для принятия решения по существу;

- оказание содействия органам прокуратуры в проведении общенадзорных мероприятий и антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов и др.

С 2011 г. ст. 5 Федерального закон № 273-ФЗ дополнена подп. 4.1, в котором закрепляется обязанность органов местного самоуправления и их должностных лиц по информированию правоохранительных органов о ставших известными случаях нарушения муниципальными служащими ограничений, запретов, требований к предотвращению или

урегулированию конфликта интересов либо иных нарушений обязанностей, предусмотренных в целях противодействия коррупции. Одновременно с тем ст. 7 Федерального закона Российской Федерации от 12.08.1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Федеральный закон № 144-ФЗ) дополнена ч. 3, закрепляющей право уполномоченных на проведение оперативно-розыскных мероприятий в целях принятия решения о достоверности и достаточности сведений о материальном положении лиц, претендующих на замещение должностей муниципальной службы [2]. Проведение оперативно-розыскных мероприятий допускается для проверки соблюдения муниципальными служащими ограничений и запретов, предусмотренных законодательством о противодействии коррупции. В ходе оперативно-розыскных мероприятий устанавливаются следующие сведения:

- о доходах муниципального служащего, членов его семьи и о принадлежащем им на праве собственности имуществе (его местонахождении);
- о наличии транспортных средств в собственности у муниципального служащего и членов его семьи (водный, наземный, воздушный, иной);
- о наличии открытых счетов на имя муниципального служащего и членов его семьи в банковских и кредитных организациях;
- о наличии цифровых финансовых активов, цифровых прав, цифровой валюты;
- об участии муниципального служащего и членов его семьи в деятельности коммерческих/некоммерческих организаций;
- о размещении муниципальными служащими в сети «Интернет» данных о себе и др.

Муниципальные органы не наделены полномочиями по проведению оперативно-розыскных мероприятий в силу особого их статуса, что существенно усложняет осуществление проверок сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера в муниципальных органах Российской Федерации.

Таким образом, взаимодействие органов местного самоуправления и правоохранительных органов в сфере противодействия коррупции должно представлять собой скоординированную деятельность, имеющую единую цель, выраженную в предотвращении, выявлении и пресечении коррупционных правонарушений муниципальными служащими. Однако, несмотря на нормативное закрепление обязанности органов местного самоуправления по передаче сведений о фактах коррупционных правонарушений и иных случаях нарушения требований антикоррупционного законодательства муниципальными служащими в правоохранительные органы, существующее правовое регулирование такого взаимодействия может быть охарактеризовано наличием целого

ряда дефектов законодательства. Так, согласно Федерального закона № 144-ФЗ» органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, при наличии запроса, направленного в соответствии с Федеральным законом № 273-ФЗ, другими нормативными правовыми актами Российской Федерации в области противодействия коррупции, в пределах своих полномочий проводят оперативно-розыскные мероприятия в целях добывания необходимой информации.

Однако, в настоящее время осуществление такого взаимодействия ограничено в виду отсутствия разработанного механизма направления запроса в правоохранительные органы о проведении оперативно-розыскных мероприятий. В связи с чем, необходимо разработать на законодательном уровне механизм взаимодействия органов местного самоуправления и правоохранительных органов Российской Федерации.

Кроме того, играет важную роль дефицит специалистов в сфере противодействия коррупции в органах местного самоуправления и правоохранительных органах, что в свою очередь заметно сказывается на характере их взаимодействия. На данный момент необходимо разработать меры по профессиональной подготовке высококвалифицированных лиц в сфере противодействия коррупции с целью обеспечения антикоррупционной деятельности государства.

Список литературы

1. Федеральный закон Российской Федерации от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ (ред. от 08.08.2024 г.) «О противодействии коррупции» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон Российской Федерации от 12.08.1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 29.12.2022 г.) «Об оперативно-розыскной деятельности» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Антощенко А.В. Некоторые вопросы организации работы по противодействию коррупции в органах местного самоуправления // E-Scio. 2020. № 3 (42). С. 302–309.

Об авторе:

КРУШИНСКАЯ Ангелина Владимировна – аспирант 3 курса обучения направления подготовки 5.1.2 «Публично-правовые (государственно-правовые) науки» ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: AngelinaCrushinskaya@yandex.ru

Interaction of local self-government bodies with law enforcement agencies of the Russian Federation in the field of anti-corruption

A.V. Krushinskaya

Tver State University, Tver

Combating corruption is one of the permanent tasks of the State, in the implementation of which all public authorities and elements of civil society should be involved. In this regard, the question arises of optimal interaction of various anti-corruption actors to achieve a common goal - to prevent, combat and minimize/eliminate the consequences of corruption offenses. The article examines the interaction of local governments with law enforcement agencies of the Russian Federation in the field of anti-corruption. A number of problems of such interaction have been identified, and questions are being raised about the choice of forms and methods of joint work between local governments and law enforcement agencies in this area.

Keywords: *corruption, anti-corruption, interaction, conflict of interests, local governments, law enforcement agencies.*

About author:

KRUSHINSKAYA Angelina – postgraduate student of the 3st year of training direction 5.1.2 "Public Law (State Law) Sciences" Tver State University, e-mail: AngelinaCrushinskaya@yandex.ru

Крушинская А.В. Взаимодействие органов местного самоуправления с правоохранительными органами Российской Федерации в сфере противодействия коррупции // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 2 (82). С. 259–264.

Статья поступила в редакцию 25.05.2025 г.

Подписана в печать 16.06.2025 г.

Семейная ипотека как комплексная (институциональная) гарантия конституционного права на жилище в Российской Федерации

П.А. Феоктистов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Статья содержит юридико-технический и социально-правовой анализ актуального российского законодательства о льготной ипотеке, распространяемой на семьи с детьми, и ее роли как комплексного (институционального) гарантирующего ресурса конституционного права на жилище в Российской Федерации.

Ключевые слова: Конституция РФ, конституционное право на жилище, ипотека, семья, гарантирование.

Положения ст. 40 Конституции РФ [1], помимо сугубо декларативного утверждения наличия у граждан неотчуждаемого права на жилище, содержат конституционно-конкретизированный и предопределенный «механизм» обеспечения такого права, в том числе в форме обязательств, гарантий и гарантирования государства в лице его органов публичной власти и специально определенных позитивным правом субъектов-исполнителей.

В этой связи на практике органами государственной власти и их референтами разрабатываются и применяются межотраслевые юридические модели (способы) гарантирующего обеспечения конституционного права на жилище: от информатизации и цифровизации правоотношений в сфере жилищно-коммунального хозяйства [6] до уникальных финансовых инструментов (средств) обеспечения возможности приобретения гражданами жилища на праве собственности, в том или ином его предметном, качественном и законно-допустимом эквиваленте. В этой связи предметом настоящего исследования выступает ипотечное кредитование образующих семью граждан с государственной поддержкой (далее – семейная ипотека). Такое целевое кредитование предоставляется гражданам Российской Федерации: 1) имеющим ребенка, который является гражданином Российской Федерации и возраст которого не достиг 7 лет на дату заключения кредитного договора; 2) имеющим двух и более детей, которые являются гражданами Российской Федерации и не достигли возраста 18 лет на дату заключения кредитного договора; 3) имеющим ребенка-инвалида, который является гражданином Российской Федерации [7].

Актуальная связь института семейной ипотеки с комплексным (институциональным) гарантированием конституционного

правопользования [9] видится нам бесспорной, что должно находить подтверждение в рамках профильных «отраслевых» исследований. Однако это нередко идет в ущерб конституционной методологии. Так, Е.А. Рязанова наделяет конституционное право на жилище «многокомпонентным» значением с характерной социально-правовой «окраской», полагая, что «жилище должно быть комфортным, соответствовать пониманию экологической безопасности и непротиворечивости эксплуатации его по отношению к окружающей среде [10]». Несмотря на эти справедливые с точки зрения принципов права, в особенности в их социально-значимом эквиваленте, доводы, такую научную позицию трудно признать исчерпывающе определенной. В рамках конституционно-правовой системы России юридическая конструкция права на жилище содержит в специальных нормах отраслевого законодательства иные разнообразные требования к жилищу, его качеству с технической и технологических точек зрения [5], определяет безопасность его эксплуатации [3], а также необходимость недопущения проживания граждан в жилище, не соответствующем заданным критериям и требованиям [2].

Семейная ипотека, как и ипотечное кредитование в целом, распространяется на различные типы жилища [4], но имеет и видовые особенности. В литературе отмечают, в частности, особую роль ипотеки, предназначенной на строительство индивидуального «частного» жилого дома [11]. При этом подчеркивают особую роль земельного участка, предназначенного для индивидуального жилищного строительства, как «первичного и базового» объекта недвижимости в вопросе семейной ипотеки. Действительно, такая форма ипотечного кредитования позволяет семье с детьми сохранить в рамках семейного бюджета некоторую «свободу самоопределения» при строительстве жилья: в выборе планировки, площади и особенностей, необходимых для каждой отдельной семьи. Благодаря чему семейная ипотека, на наш взгляд, наиболее полно отвечает букве и «духу» ст. 40 Конституции РФ в части ее позитивно-обязывающего значения.

С позиций конституционного правопонимания семейная ипотека – при всей безоговорочной значимости и социально-экономической востребованности этого института – не является формой гарантии получения гражданами жилища от органов публичной власти, она лишь финансовый инструмент, позволяющий адекватно оценивающим свои экономические возможности и отвечающим установленным критериям гражданам воспользоваться привилегией ипотечного кредита на льготных условиях. В актуальной социально-экономической ситуации России, отмеченной инфляционными рисками, с одной стороны, и неоднозначной политикой таргетирования инфляции Банком России посредством перманентного роста ключевой ставки, с другой стороны, семейная ипотека в 2024 г. утрачивала значение широкой адресной

программы. К сожалению, эти факторы по-прежнему имеют место. В направлениях единой государственной денежно-кредитной политики на 2025 г. и период 2026 и 2027 гг. Банк России заявляет, что «ужесточение условий по семейной ипотеке улучшит трансмиссию денежно-кредитной политики и снизит процентный риск для Минфина России» [8]. Столь уверенную позицию мега-регулятора нельзя, на наш взгляд, признать достоверно конституционной, поскольку, в числе прочего, она ставит под сомнение перспективы института льготного ипотечного кредитования российских семей и скорее подрывает пресловутую «уверенность в завтрашнем дне» для граждан, претендующих на семейную ипотеку. Отчетливо выраженная социально-политическая установка и недавние указания Президента РФ вполне подтверждают высказанную нами оценку [12]. Остается надеяться, что взвешенное осознание своей конституционной ответственности не позволит государству поставить под сомнение значение ресурса семейной ипотеки как зачастую единственно возможного для многих граждан средства достижения цели – покупки собственного жилища в контексте обеспечения реализации соответствующего конституционного права.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12.12.1993 г., с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г. // СПС «КонсультантПлюс».
2. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 г. № 188-ФЗ (ред. от 03.02.2025 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 г. № 190-ФЗ (ред. от 26.12.2024 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон от 16.07.1998 г. № 102-ФЗ (ред. от 12.06.2024 г.) «Об ипотеке (залоге недвижимости)» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Федеральный закон от 30.12.2009 г. № 384-ФЗ (ред. от 25.12.2023 г.) «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Федеральный закон от 21.07.2014 г. № 209-ФЗ (ред. от 13.12.2024 г.) «О государственной информационной системе жилищно-коммунального хозяйства» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Решение Минфина России от 11.03.2025 г. № 25-67381-01850-Р «О порядке предоставления субсидии АО «ДОМ.РФ» для возмещения российским кредитным организациям и АО «ДОМ.РФ» недополученных доходов по выданным (приобретенным) жилищным (ипотечным) кредитам (займам), предоставленным гражданам РФ, имеющим детей (Версия 10)» (вместе с «Правилами возмещения российским кредитным организациям и акционерному обществу «ДОМ.РФ» недополученных доходов по выданным (приобретенным) жилищным (ипотечным) кредитам (займам), предоставленным гражданам Российской Федерации, имеющим детей») // СПС «КонсультантПлюс».

8. Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2025 год и период 2026 и 2027 годов (утв. Банком России) // СПС «КонсультантПлюс».

9. Кресс В.И. Конституционное правопонимание и практико-ориентирующая состоятельность современной теории права // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 11. С. 5–12.

10. Рязанова Е.А. Право на жилище: эволюция и конституционное закрепление // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 3 (79). С. 68–75.

11. Лепехин И.А., Джиджиков М.Д. Ипотечное кредитование земельных участков в современной России // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2023. № 2 (74). С. 7–15.

12. Путин поручил навести порядок в сфере семейной ипотеки. [Электронный ресурс]. URL: <https://спроси.дом.рф/news/putin-poruchil-navesti-poryadok-v-sfere-semeynoy-ipoteki/> (дата обращения: 17.04.2025).

Об авторе:

ФЕОКТИСТОВ Павел Алексеевич – аспирант 2 года обучения юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» направления подготовки 40.04.01 «Юриспруденция» профиль «Публично-правовые (государственно-правовые) науки», e-mail: feoctistov.pavel.alx@gmail.com

Family mortgage as a comprehensive (institutional) guarantee of the constitutional right to housing in the Russian Federation

P.A. Feoktistov

Tver State University, Tver

The article contains a legal, technical, socio-legal analysis of the current Russian legislation on preferential mortgages extended to families with children and its role as a guarantor of the constitutional right to housing in the current socio-economic reality of the Russian Federation.

Keywords: *Constitution of the Russian Federation, constitutional right to housing, security, guarantee, family, mortgage.*

About author:

ФЕОКТИСТОВ Павел – postgraduate student of 2 years of study at the Faculty of Law of the Tver State University areas of study 40.04.01 “Jurisprudence” profile “Public law (public law) sciences”, e-mail: feoctistov.pavel.alx@gmail.com

Феоктистов П.А. Семейная ипотека как комплексная (институциональная) гарантия конституционного права на жилище в Российской Федерации // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 2 (82). С. 265–268.

Статья поступила в редакцию 25.05.2025 г.

Подписана в печать 16.06.2025 г.

Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право
решением Президиума ВАК включён в Перечень российских
рецензируемых научных журналов в редакции 2022 года, в которых
должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Контактные данные редакционной коллегии:

170021, г. Тверь, ул. 2-я Грибоедова, д. 22, каб. 222.

Тверской государственный университет: телефон/факс: (4822) 70-06-57.

Главный редактор – Ильина Ольга Юрьевна (8-968-968-6161);

технический редактор – Огаркова Наталья Олеговна;

law.vestnik@tversu.ru

Вестник Тверского государственного университета

Серия: Право

№ 2 (82), 2025

Подписной индекс: **85714** (подписной интернет-каталог «Пресса России»)

Подписано в печать 23.06.2025. Выход в свет 30.06.2025.

Формат 70 x 108 ¹/₁₆. Бумага типографская № 1.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,54.

Тираж 500 экз. Заказ № 137.

Издатель – Федеральное государственное бюджетное

образовательное учреждение высшего образования

«Тверской государственный университет».

Адрес: Россия, 170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33.

Отпечатано в издательстве Тверского государственного университета.

Адрес: Россия, 170100, г. Тверь, Студенческий пер., д. 12, корпус Б.

Тел.: 8 (4822) 35-60-63. Цена свободная.